

«О, РУСЬ МОЯ!»

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ПОЭТОВ И ПРОЗАИКОВ
ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ЦДУ РАН

МОСКВА
Вест-Консалтинг
2017

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие Л.И. Колодяжной9

**О, РУСЬ МОЯ!
И
ВРЕМЕНА ГОДА**

Лариса Адлина.

Стихи: Эхо родной стороны; Луч солнца; Февраль и март;
На ветке мелкие листочки...; Ветер планеты; Тепло лучей...;
Вечер с Данте; Латинский парик; Онегинской строфой позёмка;
Онегинской строфой воспоминанье; Давно ли первыми мы были;
Мои лучи нежности12

Нина Балкаева

Стихи: «Сибирь моя, Сибирь моих просторов!..»; «И лыжная трасса
для нас не преграда...»; «У Волги исток — простой ручеек...»;
«Байкал и Песчаная бухта Ривьера!..»; Ленинград — Петербург;
Сочи-2014; Сочи. Туман над городом; «Борюсь с дождем! Я знаю
в этом толк...»; «Разыгралась вьюга в марте...»; «Байкал меж гор
Саянских задремал...»; Дожди; «Приглашаем всех на бал!..»21

Наталья Божор

Стихи и проза: Цикл: Стихами, утонувших в синеве —
«Мечта Блеснёт Забытою Строкой...»; «Движение Весны И шорох
Веток...»; «Ты Всё Прочтёшь Когда-нибудь...»; «Апрельский Свет
В моих Глазах погас...»; «Подснежники Звенящею Толпой...»;
Доктор Живаго (Борис Пастернак); Соната солнца (Михаил
Пришвин); Жизнь Арсеньева (Иван Бунин); Поэзия прозы
(Константин Паустовский)30

Елена Бочина

Стихи: Лучинушка; Где сельчане?; Радуйтесь жизни!
Поприветствуй бездонное небо; Гости; Погожий день;
Нескучный; Весенний трамвай; Осенний почтальон;
Звонко сыпал мороз серебро38

Галина Гашунина

Проза: Винные пробки; Мечта, перечеркнутая войной;
Базилик или грезы путешественницы47

Под редакцией канд. филол. наук Л. И. Колодяжной

«О, РУСЬ МОЯ!»: восьмой альманах произведений участников
Литературного объединения Центрального дома ученых Российской
академии наук. —

М.: «Вест-Консалтинг». 2017 — 302 с.

ISBN 978-5-91865-465-1

В сборнике представлены произведения поэтов и прозаиков
ЛИТО ЦДУ РАН, посвященные двум темам «О, Русь моя!»
и «Времена года»: Сборник составлен по материалам двух
концертов ЛИТО, состоявшихся в Доме ученых РАН в январе
и в мае 2017 года.

В оформлении обложки использована картина художника
Михаила Нестерова «Видение отроку Варфоломею».

© Адлина Л., 2017; Балкаева Н., 2017; Божор Н., 2017; Бочина Е., 2017;
© Гашунина Г., 2017; Геронимус В., 2017; Гишгорн В., 2017; Гланцева И., 2017;
© Ильина И., 2017; Калужная Г., 2017; Колобова Г., 2017; Колодяжная Л., 2017;
© Новикова М., 2017; Павлова В., 2017; Плиско Л., 2017; Познякова Н., 2017;
© Поляков Вас., 2017; Поляков Вл., 2017; Саницкая Л., 2017; Селезнев Е., 2017;
© Селезнев С., 2017; Скавронская М., 2017; Скорикова Т., 2017; Сорокина Н., 2017;
© Соснова М., 2017; Стасенко Л., 2017; Ткачевская Е., 2017; Хатина Т., 2017;
© Чернова Т., 2017; Шведов Н., 2017
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2017

Василий Геронимус

Стихи: «Над природой довлеет поэзии страшная сила...»; «Набирая дыхание, проносит ветер в овраге»; «Взяты патиной облик старухи истории страшен...»; Почти романс; Стихи о Москве; Путевые заметки; «Не умерить уздой обжигающей истовой боли!..»; «Гораций учил попеченью о малом...»; «Шевелятся расхлябанные дровни...»; «Выживание тела, признаться, не стоит и цента...»; «Сколько грусти в просторах заснеженных диких полей!..»; «С ускользящим летом работали мы по контракту...»; «Что со мной стряслось, сам не понимаю...»; «Пароходы, хрипя, надрываясь, идут до Батума...»; «Я иду бесконечной равниной, прогулочным шагом...»; «Человеку оплот подобает зеленый...»56

Вадим Гиршгорн

Проза: Вальс «На сопках Манчжурии»; История и мистика; В лесах и на горах, 21 век; Моя музыкальная весна; Доброта70

Инга Гланцева

Стихи: Посвящение протопопу Аввакуму; «Россия старая и новая...»; «В Петровск, в Петровск...»; Памяти Юрия Гагарина; Памяти Владимира Высоцкого; 90-е годы; Памяти Эрнста Неизвестного; «Родные берега. Песок обетованный...»; Метаморфоза... — Вспоминая...; «Я частенько вспоминаю...»; «Душой желаю материнской...»; «Мой Ленинград! Неужто ещё мало...»; «Я не смогла бы жить нигде...» «Хмурым утром ранняя весна...»; «Дни бегут, за ними месяцы...»; «Ах, липы сумасшедший аромат!..»; «Лета жаркая пора...»; Тебе; «Пахнет сыростью и прелью...»; «Пришёл февраль. И замела метель...»; «Была зима. И падал снег...»78

Ирина Ильина

Стихи: Россия; «Серебро развесила матушка-зима...»; Тишина; А пока; Деревенька; С Алтайских гор; Разговор; Всё ушло; На другом берегу; Летний вечер; Волга весной; Отпуск; Вечер над Волгой; Тайга; Живи и пой; В дороге; Старые улицы; Мой город; Кончезеро. Карелия; Жить!90

Галина Калюжная

Проза: С любовью к Господу101

Галина Колобова

Стихи: Россия 2000; «В твоей истории, Россия...»; «Подожвы топчут снег...»; «Непохоже на весну...»; «У марта, как ни странно, белый лик...»; «У марта, как ни странно, белый лик...»; «Как у мая, мая майского...»; «Я люблю этот город белый...»; Лето в Хорватии; Июнь на Селигере; «Горький запах хризантем — осени приметя...»; Осень на озере Рица; «Когда осеннюю порою лист ласкает...»; «Красота какая! Жёлтый клён...»; «Стихи не пишутся. Дождина льёт колючий...»; «Посмотри, какая осень золотая...»; Первый снег; «Уже так холодно в лесу...»; «Зеленые листья желтеть не хотят...»103

Людмила Колодяжная

Проза и стихи: Фельдшер Тылового Военно-Санитарного поезда № 3 (1914–1918); *Цикл:* Береза и время – Времени пряжа тянется; За березою — даль; Там, средь берез седых; Береза склонила низко; Запутаны мысли в березах; Меня береза обвинила; Береза рябит верстою; Розовых берез развиты ветви; Береза там спешит надеть зеленый капор112

Мargarита Новикова

Стихи: К порогу милому; Белеет парус; Perpetuum Mobile; И четырех времен круженье; Предчувствие; Весенний дождь; Преображение; Июльский полдень; Летний вечер в Купавне; Август; Уходило лето; Осенний вальс; Золотой гобелен; Ода вину; Снежинка123

Вера Павлова

Проза: Артисты; Передача мыслей на расстоянии; Не забывается такое никогда; Вешние воды; Зимняя загадка; Антрацит; Яблочко ...132

Людмила Плиско

Проза и стихи: *Цикл:* Иван Грозный — Иван Грозный (Ключевского) (25.08.1530–28.03.1584); Иван Грозный (Э. Радзинского); Иван Грозный (Б. Акунина); Иван Грозный (царя Петра I); Иван Грозный Елец — город-порог; *Стих.* Елец...; Архангельск — город-порт; *Стих.* Архангельск; Смоленск — город-ключ; *Стих.* Смоленск; Сказки; Весна идет147

Нина Познякова

Стихи: Русская песня; «Ноябрь пришел с неожиданными дарами...»; Снег (баллада); Оттепель; «В моем саду улыбка розы...»; Соловьи; Рефреном — Vonne nuit; Уходит август; «Осеннее солнце последнее...»157

Василий Поляков

Проза: Илья Ильич Мечников166

Владимир Поляков

Проза: В поисках Родины; Широка моя родная... (от Валдаи до Алтая); Врачебная солидарность; Назидание; Особенности менталитета; Ивановские гласные; Веселая Анапа; Пензяки-патриоты; Разъяснение; Подмосковный Клондайк; Ложечка; Повезёт не всем; Невидимый Брежнев; Доктор Крым... или лечебные грязи Саки; о ли сказка, то ли быть... «Путешествие на машине времени»173

Людмила Саницкая

Стихи: Река; «Я говорю внимательным растениям...»; Братцево; Красный Бор; Листопад; Дом творчества. Переделкино, 2014; «К истоку, к бьющему из почвы роднику...»; Воробьёво; «И снова пережить февраль...»; «Почти неизбежно прискорбно...»; «Тот, кто неведом, всемогущ и благ...»; Первое апреля; Часы; Лето; «Всё тише, серебристей, некрасивей...»; «Угасает чувственный июль...»; Октябрь; Поздняя осень; «Входит осень в стихи...»; «По кленовому золоту листьев...»; «Едва морозец застеклил асфальт...»; Святки; Зимнее; «Мне было жаль оставить этот снег...»; Время182

Евгений Селезнев

Стихи и проза: «Вы помните, как временами ранними...»; «Когда хочу отринуть я века...»; «Среди ученых споры, мнения...»; «На лютой бойне жизней не считают...»; Эссе: Романтик; «Весна, промозглая погода...»; «Сижу в беседке, летний дождь по крыше...»; «Осень, поздняя пора...»; «Как мир прекрасен, даже если сер...»; «Живу зимой на даче, как в берлоге...»; «Черным чохом облака...»; «Из тепла в мороз заледенело...»; Лес после ледяного дождя; «Ещё у ночи все права...»; Прошлое; «Живу во времени, пространством ограничен...»; «Во тьме ли я из тьмы ли возрождаюсь...»; «Хочется быть простым человеком...»; «Вот только что и больше никогда...»194

Сергей Селезнёв

Стихи: Тайна древних волхвов; Ведмины круги; Берега; «Обозначился восток...»; «Есть место на земле, где дух и плоть — едины...»; Последний снег; Моя Москва; Моя стихия; Суженый; Летняя ночь; Первое сентября; Сентябрь; Можжевельный сон; Опушка; Сладкий туман; Предзимье; Зимняя сказка; Снежинка ...208

Мария Скавронская

Стихи: «Мне мать не наряжала елку...»; Реабилитация; «Что он думал в последнюю ночь...»; Русское кладбище; «Почему мне так трудно порой...»; Ледоход рождается; Половодье; Сирень; «И тепло, и сыро...»; Берестяной туесок; «Сосновый бор покоя полон...»; «Грибной и низкорослый...»; «Как раскидались колокольчики...»; Первый утренник; «Клюква румянится, клюква румянится...»; «Рябина в палисаднике...»; Листопад; В лесной теплице (колыбельная); «В сугроб зарылся старый пенёк...»; Начало зимы; «Вечер лег лиловый...»221

Татьяна Скорикова

Стихи: Берега; Поэту; «Вдали от России, но рядом...»; «Капелью прошьются проталины дня...»; Возвращение; Русь; *Цикл:* Двенадцать месяцев — Иерусалим в ноябре; Из дневника природы; «Сквозь колоннаду гордых сосен...»; И снова я возьмусь за кисть; «В кленовом солнце растворясь...»; «Нарисую поле и мороз...»; Январский вечер; «Зима, чуть видимая оку...»; Оттепель; «Нам никуда уже не деться...»; Отголоски лета; Июньский снег; «Я стала легонькой, как перышко...»233

Наталья Сорокина

Стихи: Славянский эпос; Апрель; Март; Конец октября245

Маргарита Соснова

Стихи: «Нельзя Свободы не воспеть!..»; «Германцы просят нашего прощения...»; «Какая была бы страна...»; 2-е мая, Одесса, Куликово поле; «На Украине и здесь ветераны...»; «Есть в русской мысли море чувства...»; «И вот — в Кремле опять...»; «Советских поколений высота...»; «Хорошо, что есть Россия...»; *Цикл:* Двенадцать месяцев — «Все споры с Временем — старинная забава...»; «Мгновение — для дошлых гедонистов...»; «О, Времени и Вечности загадки!..»; «Жаль, не всем удастся дожить до «дремоты»...»; «Открываешь секреты мгновенья...»; «Если душу свою породнишь с Абсолютом...»; «Куст сирени. Ручей серебристый...»; «Суею болен век...»; «И мгновение и Вечность — тайны...»; «Мы в тайне века обнаружим смысл...»; О Временах (басня); «... Что движет Времени арбу?...»; «На фоне Вечности мы — крохотки времен...»248

Людмила Стасенко

Стихи: Крым262

Елена Ткачевская

Стихи: «Язык неистощим в соединении слов...»; Дом Учёных на Пречистенке; «Мне память говорит, что вот — моё окно...»; «Купание красного коня»; «Таким путём...»; «Верёя открывает ворота и двери...»; Зброшенная деревенька; «Находит дрожь и ускоряюсь я невольню...»; «Окна университетские...»; «Иконостас — в лесах, летает ветер в храме...»; «Когда дела из города отпустят...»; «Ох, метель метёт — то февраль идёт!..»; «Иду дорогою весны — идти далече...»; «Нынче ночь — без неба звёздного...»; «Неспешно варится варенье...»; «Топтанье роскошных гортензий под окнами...»; «Осень бросила золото в стылую воду...»; «Начинаю слышать тишину...»; «Такой оттенок голубого...»; «Принимаю обстоятельства...»; «При многократном повторении...»; «Как утрата без досады и тревоги...»; «Мои земные блага... Где они?...»264

Татьяна Хатина

Стихи: Родовое имение Глинки; Денис Давыдов; По картине Исаака Левитана «Тихая обитель»; У портрета Есенина; По картине Ивана Айвазовского «Девятый вал»; По картине Исаака Левитана «Вечерний звон»; Осеннее настроение; Автомобильный шок; Утро в деревне; Лето; «Окольцована ночь синеокостью лунного света...»; Осень; Весенняя сказка; Бабье лето; Снегопад надежды275

Татьяна Чернова

Стихи: Туда — по заросшей дорожке... (диптих) —
1 Средиземноморское лето;
2 Кто в спешке, а кто — в недомыслии;
Отель Тропикана; Дача в Серебряном бору; И улыбнётся жизнь283

Николай Шведов

Стихи: Зодиак (триптих) — Она и ты; П о т к и д ы ш; З о д и а к;
Цикл «восьмистишия»: Желание тишины; Иней; Снежная равнина; Снегири; Упаду на землю; Нитки; Одики; Берёзовый сок; Март-апрель; Мальш; Листва рябин; В лесной глуши; К живописи; Ладони судьбы; Минуты; О времени; Триолет; Белый стих; Не уходи; Воспоминанья; Обрывок сна; Все заново; Ожидание осени; Рошца; Сад; Шаман; Четвёртый; Голгофа; Царь колокол; Спроси у ветра; Блудный сын.....287

ПРЕДИСЛОВИЕ

В альманахе представлены произведения поэтов и прозаиков Литературного объединения Центрального дома ученых РАН. Произведения, вошедшие в сборник, посвящены двум темам: «О, Русь моя!» и «Времена года».

Сборник составлен по материалам концертов ЛИТО, состоявшихся в январе и мае 2017 года.

Мы назвали альманах «О, Русь моя!» по известной строке Александра Блока из его цикла «На поле Куликовом», созданным поэтом в 1908 году. Блок посвятил этот цикл великой победе Руси под предводительством князя Дмитрия Донского над войском хана Мамаю. Эта победа стала поворотной точкой в истории Руси, приведшей страну к освобождению от татарского ига и способствовавшей объединению Руси в единое государство.

Мы издаем сборник в 2017 году, когда отмечается столетняя дата другой поворотной точки в истории России — событиям 1917 года. Поэтому, наши авторы в своих стихах и прозе вспоминают различные исторические события, последовавшие после революции 1917 года.

Вторая тема сборника — «Времена года» также посвящена России — красоте и мощи природы великой страны.

На первую страницу обложки этой книги мы поместили картину великого русского художника Михаила Нестерова «Видение отроку Варфоломею». Отрок Варфоломей, которому явился Посланник Божий, стал великим русским святым — Сергием Радонежским. Святой Сергий благословил князя Дмитрия Донского на победу и послал в сражение двух монахов — Пересвета и Ослябю. Таким образом, тема победы в Куликовской битве звучит и в названии сборника, и в картине Нестерова.

Великие поэты и писатели — всегда провидцы.

Недаром, как предсказание звучат строки Александра Блока
о судьбе России:

«И вечный бой,
Покой нам только снится...»

И в наше, ставшее вновь жестоким время, мы видим, что мир
так и внял урокам истории, на землю вновь обрушился кровавый
поток зла.

Как тут не вспомнить Библейского праведника Ноя, постро-
ившего Ковчег Спасения...

Иссякла времени глубокая река
и на смоковнице иссохла завязь...
И в трещинах сухие берега,
сжигает кто-то нас живьем, не каясь.

И птицы не поют, в тупик уходит путь,
деревья не растут на огрубевшей тверди.
На горней высоте, лишь, где-нибудь
последний распускается бессмертник.
В домах огонь, агония и зной,
актеры покидают злобы сцены.
Из мглы веков бредет усталый Ной,
чтоб строить нам спасительные стены.

Чтоб оживала вновь Земля, тиха,
чтоб Голубь нас освободил из плена...

Но где-нибудь, в какой-нибудь вселенной
всё зреет яблоко — для нового греха...

*Руководитель ЛИТО ЦДУ РАН,
канд. филол. наук, Людмила Колодяжная,
Москва, 2016*

О, РУСЬ МОЯ!

И

ВРЕМЕНА ГОДА

Лариса Леонидовна Адлина — канд. техн. наук, работала научным сотрудником в Москве и в Заполярье, в ПечорНИИпроекте. Последнее место работы — физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра физики моря. Окончила Университет искусств, отделение станковой живописи и графики. Стихи и малую прозу начала писать ещё в школьные годы, была редактором школьного литературного журнала.

Член Союза писателей России. Поэт. Член Союза профессиональных литераторов России (секции прозы), студии «Московитянка» при ЦДЛ,

клуба «Московский Парнас». Активный член литературной студии ЦДУ РАН и постоянный участник её творческих вечеров. Рассказы, эссе, стихи и поэтические миниатюры опубликованы в журналах, альманахах, в том числе детских, в Антологии современной поэзии «Созвучье слов живых» — том 6. Автор книги стихов и рассказов «Ожидание радуги», «Точка таинственной строчки», «Детское прикосновение».

О, РУСЬ МОЯ!

Эхо родной стороны

Если проехать, проплыть полпланеты,
Свято надеясь — дороги легки,
Можно увидеть другие рассветы,
Мягкий песок неизвестной реки.

Склон апельсиновый, остров туманный,
Белые скалы с вулканом вдали,
Дальних широт водопад неустанный,
Тайны иных параллелей Земли.

Только возникнут нежданной помехой,
Там, где свои берега не видны,
Песни мотив и желанье, чтоб эхо
Вдруг отозвалось с родной стороны.

Об авторе

Если лететь на другие планеты, —
Будут землянам пути не страшны,
Зная, что мчится со скоростью света
Верное эхо родной стороны.

2015

Луч солнца

Спорит тёплый луч с морозной тенью,
с хмурой и застывшей тишиной.
Еле слышно тайное смятенье
от воздушной пряности весной.

Дарит листья почка небольшая.
Словно лучик, робкий взгляд вдали
нежностью прохладу разрушает
зимнего вращения Земли.

И капель, мелодии играя,
побеждает холод ледяной,
чтобы лес от края и до края
стал зелёной с шелестом стеной.

Чтобы птицы пели на рассвете.
Вроде непонятно от чего
появлялись и птенцы, и дети...
Всё от солнца,
жизнь, стихи от солнца,
от чудесного луча его.

2016

Февраль и март

Пусть ещё шумит безбрежный,
Вьюжный, ветреный февраль,
А проглянет солнце нежно —
Тает снежная печаль.

Чуть лучи пригреют томно
Крыши и следы пурги
На земле и небе, словно,
Марта слышатся шаги.

Он ладонью тёплой гладит
Непоседливый февраль,
Нашу грусть — улыбки ради,
Речки лёд, сугробов даль...

Тает снежная печаль.
24 января 2016

На ветке мелкие листочки...

В апреле ящерка спокойно млеет
В лучах тепла,
Под солнцем спинку на крылечке греет,
Мала, смела.

Я гостье рада и спугнуть не смею
Её весной.
Смотрю на маленьких ростков затею, —
Их край резной.

Почти раскрылись мелкие листочки,
Забыв покой —
На ветке, словно буквы, — знаки, точки
Живой строкой!

О чём их нежный ряд сказать мечтает
Своим письмом?
Оно растёт и строчка исчезает
В листе потом.

Апрель подарит целый лес заметок
Пойми. Читай.
И ящеркой мелькнёт за тайной веток —
Не унывай!

У этой тайны проще нет ответа —
Наступит май!
2015

Ветер планеты

*«Ветер, ветер —
На всём Божьем свете!»
Александр Блок*

Приветствует вихрем, меняет погоду
И дарит покорной планете
Замену гостившего времени года,
Играя оттенками, ветер.

Осенний, прохладный, оранжевый странник
И белый, метельный зимою,
Он — яркий с капелью от солнца посланник —
Небесно-лазурный весной.

То ветер грозит громкой речью раскатной,
Сверкающей тучей чернеет,
То бризом морским, тишиной необъятной,
Зарёй на востоке алеет.

Бывает зелёным, лесным и шуршащим,
Спасает от жара и зноя,
То жёлтым, сухим и в пустыне гудящим
Наш ветер не знает покоя.

Онегинской строфой позёмка

Этюды снежной акварели,
Изгибом чертит по земле
Позёмка — дочь любой метели.
Рисует профиль свой зиме.

Минутный росчерк изменяя,
Картины ветру доверяя,
Она спешит скрипеть пером
О белом творчестве своём.

Лишь миг позёмка отдыхает
И, покоряясь новизне,
Сверкнёт стихами в полусне
Онегинской строфой вздыхает.

Затем пытается тайком
Стереть все строки целиком.
10 февраля 2017

Онегинской строфой воспоминанье

*«Но отдалённые надежды
Тревожат сердце иногда:
Без неприметного следа...»
А. С. Пушкин*

За стенкой шумного вагона
Бегут поля, луга, леса...
Раскинулась знакомо, ровно.
России снежной полоса.

И мысли светлые роятся,
Легко витают или снятся,
Догнать, пытаюсь, беглый взгляд,
Искрятся, как земли наряд.

Нахлынули воспоминанья.
Была Советской сторона,
Исчезла гордости страна...
Теперь на стойкость испытанье!

Тревожит сердце иногда
Свет незабытого следа...
2008-2016

Давно ли первыми мы были

*«Подумать только — в этой яркой сини...
летает шарик, созданный в России,
твой новый спутник, старый шар земной...»
Мargarita Алигер*

Давно ли создан спутник самый первый?
Мигал далёкий в небе огонёк,
Сигнал пунктирный подавал Вселенной
И был невероятно одинок.

Степенно созревал целинный колос.
Речь обретали наши корабли.
«Поехали!» — возник сквозь пламя голос,
Слова смогли звучать с орбит Земли.

«Я Кедр! Лечу...». И пролегла дорога
Опасная для многих. Каждый понимал —
Могли сгореть при исполнении долга!
Не раз полёты космос прерывал...

Героев первых поимённо знали!
«Я Чайка!» — женский голос возвещал
Тогда о звёздных подвигах мечтали,
Мечту Гагарин миру завещал.

Давно ли шаг из корабля в тревожный,
В наш Млечный Путь мог сделать человек?
Теперь шагать по космосу возможно!
Вселенную открыл двадцатый век!

Земля достигнет пламенного роста
И кто-то после звёздной кутерьмы
Напишет, может быть, довольно просто:
«Давно ли первыми
на Марсе были мы?..»

2015

Мои лучи нежности

Иней спрятал ветки под пушинки,
И бывает утром иногда
Свозь резные инея снежинки
Светит неизвестная звезда.

То — не в лунном свете блик случайный
От небесной лучевой игры.
Может это — взгляд родной, печальный
Верит в параллельные миры?

С грустью смотрит, будто что-то знает,
И мигает, словно говорит.
Так душа родная изнывает,
Тайну непонятную хранит.

Надо бы мерцать гораздо строже,
Но без нежности
она светить не может.

2017

Об авторе

Нина Александровна Балкаева, коренная сибирячка из города Иркутска, физик по профессии, автор нескольких поэтических сборников.

Нина Балкаева

О, РУСЬ МОЯ!

* * *

*«Российское могущество прирастать
будет Сибирью...»*

Михаил Ломоносов

Сибирь моя, Сибирь моих просторов!
Великие реки и пики соборов,
Вершины хребтов с тайгой бесценной,
Могучий Байкал — драгоценность вселенной.

Из Космоса видим Байкал — наше море,
Орлицы и чайки парят на просторе.
В глубины Байкала ушел батискаф,
Собраты Нептуна — Бурхан, Голиаф.

Зимую Байкал — грандиозная льдина,
Зеркальная гладь для пути исполина.
Преграды, торосы, расщелины, глыбы,
Под панцирем льда чудесные рыбы.

И лыжная трасса для нас не преграда,
 Пик Черский осилен — победа, награда!
 И только бы помнил и знал человек,
 Как важно стреножить губительный век.

Стоять на защите Байкала всегда,
 Но алчность безлика и слепа беда.
 Писатель Распутин был честен и смел,
 Последнюю точку поставить успел.

И был он защитник и гордость Сибири,
 Прекрасного, дивного озера в мире.

* * *

У Волги исток — простой ручеек.
 Исток Ангары так могуч и широк.
 Единственной в мире такой глубины,
 Струящейся, звонкой, бурлящей волны.
 Могучий Байкал так любил свою дочь,
 Отцовскую ревность не смог превозмочь.
 Клубится туман у истока реки,
 А страсти Байкала так велики.
 Вдогонку красавице сбросил скалу...
 Все превратить в неприступную мглу.
 Любовь Ангары не имеет преград,
 Жених Енисей богатырь и богат.
 А страсти могучих великих двух рек
 Волей своей покорил человек.

* * *

Байкал и Песчаная бухта Ривьера!
 Зачем все сравненья, мерило Вселенной?
 Пусть будет со мною надежда и вера,
 Любовью клянусь бесконечной, безмерной.

Песчаная бухта и две колокольни,
 Как замки вселенной, воздвигнуты Богом.
 И нет в мире чайки свободней, привольной
 В полете своем так стремительно строгом.

О розовой чайке, летящей над бухтой,
 Поют ветры с моря, играючи бризом.
 И чайку волна окатила, как будто,
 Та режет волну крылом сверху и низом,

Уходит в закатные дали прощаясь.
 О розовой чайке мечтала давно я,
 По горным дорогам, отрогам взбираясь,
 Мне ветры вещали, надежду давая.

Байкальские мифы не зря я искала
 И звезды Байкала мне все рассказали,
 О птицах Байкала так много узнала,
 А чайку — мечту я в полет провожала.

Лениград — Петербург

Символ Града — Белые ночи!
 Мост парящий над Невой,
 А заря уже хлопочет,
 В парапеты бьет прибой.

Корабли прошли и баржи,
 Потрудилася Нева.
 Все так было не однажды
 Не забыла те слова.

Город снов моих девичьих,
 Сочинял ты песни мне.
 Ленинград не знал двуличья,
 Петербург ценю вдвойне.

Сколько жизнью я прожила,
Сосчитать уж не могу,
Чтоб душою не тужила,
Вновь я в Ленинград лечу.

Петербург меня встречает,
Мост, парящий над Невой.
А душа уже мечтает:
Юность, встречусь вновь с тобой!

Сочи-2014*

Все ничтожно мало, что есть в поднебесье,
Несравнимо с душой, уносящейся песней.
Сочи солнечный, я к тебе прилетаю.
И не знала еще, что тебя не узнаю.
Море, горы, а пальмы над снегом,
Увлекают стремительным бегом,
По канатной дороге в тучу вплываем,
И мальчишка сказал: «Назовем это раем!»
Все притихли, волшебство спугнуть не посмели.
Облака как пришли, так и вмиг улетели.
Сколько здесь перемен: стадионы и трассы,
Мост к Ривьере воскрес ажурный, прекрасный.
И Кавказский хребет величавый и строгий
И под снегом блестят в ожиданье отроги.
Посмотрите, атлет нам машет рукою,
Олимпийский огонь над горной рекою.
Талисманы: Мишка, Заяц и Леопард
Возглавляют торжественный этот парад.

Сочи — это Олимпийская столица,
Сочи — вся страна тобой гордится,

* XXII-е — Зимние Олимпийские игры 2014г.
Начало — 7 февраля- пятница 20.14ч.
Окончание — 23 февраля - воскресенье.
Принимали участие 2800 спортсменов из 88 стран мира.
Россия заняла 1 место.

И трубят фанфары ладом —
Олимпиада!
Олимпиада!

Сочи. Туман над городом

Туман над городом. Форсаж, опять форсаж,
Кружим над Сочи целый час.
Нам не дают посадки,
Играет город с нами в прятки.
А море, как живое существо,
И рокот волн осуществляет пиршество,
Живет, притягивает, дышит, торжествует.
Я знаю, море за туманом существует,
Гипнозом я туман над городом развею
И пламень мыслей я своих проверю.
Восходит Солнце, скальпелем луча
Над нами разгоняет облака.
Туман растаял, как туман,
Нам вечный образ кем-то дан,
Все убаюкано, сошлось.
Я успокоена и рада, что пришлось
С мольбой к тебе, Всевышний, обратиться.
И вниз парит стальная птица,
Спокойно спит моя Наташа в кресле,
А я запрячу свой волшебный крестик.

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Борюсь с дождем! Я знаю в этом толк,
 Мне б только залететь на тучку...
 Я сосвищу ветров могучий полк
 И не заметишь ты мою отлучку.

Я здесь и в то же время в облаках,
 Я управляю этим карнавалом.
 Я кувыркаюсь в скошенных стогах,
 Владею я магическим кристаллом.

Рассыплет он струящуюся нить
 На миллиарды блещущих осколков.
 И будешь ты целебны соки пить,
 По радуге вспорхнешь ко мне с пригорков.

Семь нот сейчас со мной и семь цветов.
 Какой симфонией я вновь владею!
 А птицы пригласят таких альтов,
 Я умолкаю, помешать не смею.

* * *

Разыгралась вьюга в марте,
 И зима не хочет уходить.
 Птицы, вы хотя-бы знайте,
 Вам весну пора будить.

А вчера, отважная синица
 Колокольчиком звонила поутру.
 Мне ж давно регата снится,
 Паруса полощет на ветру.

* * *

Байкал меж гор Саянских задремал,
 Мороз его заботливо сковал.
 Стихия мощная не спит.
 И лед поет, а не скрипит.
 Орган воздвигнут на века,
 Мелодия так многолика.
 Вот словно тур трубит в горах,
 Лавина с гор смела все в прах.
 В ущелье Баргузин лютует,
 То приутихнет, то — пирует.
 Обидно бабушке-ветрило,
 Мороза сила покорила.
 Трещит ледок, поет ледок,
 Но гладко море, как каток,
 Прозрачен лед, зеркал светлей,
 И мчусь я вольницы быстрей.
 Вальсирует по льду машина,
 Поет, звенит, искрится льдина.
 Ты улыбаешься, не веришь?
 Помчимся вместе, сам проверишь.

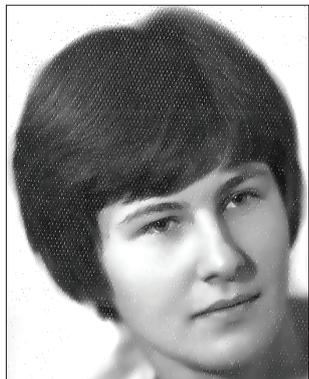
Дожди

Дождь надолго, с пузырями.
 Кто там смелый — быстро с нами.
 Пузыри бегут по лужам
 Зонт большущий мне уж нужен.
 По тропинке, в горку — выше...
 Сыплет дождь по лужам, крышам,
 Как горох по барабану,
 Нет спасенья сарафану.
 Нить я дождика ловлю
 Всех сегодня я люблю.
 Дождь вплету в свои косички,
 А потом своей сестричке.
 Босиком по лужам шпарим,
 Небеса за щедрость хвалим.

* * *

Приглашаем всех на бал!
 Новогодний карнавал!
 Посчитаю на ходу
 Сколько месяцев в году.
 Всем костюмы подберу:
 Снег, снежинки — январю,
 Вихри, вьюгу — февралю,
 Марту — нежную свирель,
 А сосульки и капель
 Заберет себе апрель.
 Май — цветущую сирень,
 Лель Снегурку манит в тень.
 Хороводы и венки,
 Бирюзовые платки.
 Лен цветущий, голубой,
 Лето красное со мной!!
 Май, июнь, июль и август!
 Карнавал не будет пуст.
 Сколько зелени, цветов,
 Разноцветных теремов.
 Осень — щедрые дары,
 В радость нашей детворы.
 Осень золото теряет.
 Снова ветер прилетает.
 Вот октябрь уж на дворе.
 Что ж так грустно в ноябре?
 И декабрь не за горами.
 Год проводим вместе с Вами.
 К карнавалу все готовы?
 Всем наряды будут новы,
 Я под елкою стою
 И себя не узнаю.
 На макушке хохолок,
 Петушиный гребешок.
 Год златого Петуха,
 Это Вам не чепуха.

Все запомним этот год
 Наш волшебный поворот.
 К приключениям готовы?
 Огненный мой Петушок
 Открывай же свой мешок,
 Пожеланья все дари,
 Не проспийшь ведь ты зари.
 Грандиозен, смел герой
 Целый год нам быть с тобой.

О, РУСЬ МОЯ!

СТИХАМИ,
УТОНУВШИХ
В СИНЕВЕ

* * *

Мечта
Блеснёт
Забытою
Строкой
И облачным
Лучом
Меня
Согреет
Любовь
Твоим
Закатом
Пламенеет
Моим
Стихом
Небесным
Родником

* * *

Движение
Весны
И шорох
Веток
Стихами
Утонувших
В Синеве
Звездой
Неоконченных
Рассветов
Мне
Грезится
Весною
О Тебе

Об авторе

Родилась в Москве. Окончила Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова. По специальности — филолог. Автор поэтических книг «Стихов быстрокрылая нежность» (2007), «Звёздный Остров» (2010), «Планида грёз» (2014), «Города из ракушек» (2016).

* * *

Ты
Всё
Прочтёшь
Когда-нибудь
Потом
Стихи
Мои
И вьюгу
Над крыльцом
И этот
Звёздный
Ветер
За углом
Ты
Всё
Поймёшь
Когда-нибудь
Потом
Мерцают
Звёзды
В небе
За окном
И зимний
Вечер
Входит
В белый
Дом
Стихи
Мои
И вьюгу
Над крыльцом
Ты
Всё
Прочтёшь
Когда-нибудь
Потом

* * *

Апрельский
Свет
В моих
Глазах
Погас
Не торопясь
Ко мне
Подходит
Вечер
Быть может
Это
Сумеречный
Ветер
И нескончаем
Трепетный
Рассказ

* * *

Подснежники
Звенящею
Толпой
Выходят
Из-за дымки
Голубой
Написанные
Звёздной
Рукой
Они
Пройдут
Прошелестев
Листвой
Подснежника
Строкою
Роковой

Доктор Живаго (Борис Пастернак)

Скорый поезд идёт по России. Кучевые облака... Разнотравье... Заливные луга в капельках солнца... Внезапно поезд останавливается. Слышны его тревожные свистки.

«Доктор Живаго» Бориса Пастернака, как и «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма, — книги, которые можно читать однажды. Настолько они непредсказуемы, пронзительны и невозможны. Написать роман, чтобы не застрелиться! Для меня эти книги открываются вторично. Но пишу я по первому впечатлению.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси...

Целый пласт народной жизни, русской интеллигенции входит в роман. Полемична фигура философа и бывшего священника Николая Николаевича Веденяпина, попавшего в водоворот предреволюционного времени. Священник оставляет сан, чтобы служить Богу *по-новому*.

Выразителем христианских ценностей служит в романе доктор Живаго. Волна партизанской войны, невольным участником которой становится доктор, обостряет отношение героя к проблеме революционного насилия. Человек большого такта и душевной красоты Юрий Живаго уходит из партизанского плена.

Автор видит своего героя как «равнодействующую между Блоком и мной (и Маяковским и Есениным, может быть)».

Но люблю я одно — Невозможность!

Классический любовный треугольник романа Юрий Живаго — Лара — Павел Стрельников — ломается под напором жизни.

Живаго говорит Ларе шекспировской строкой: «Мы в книге рока на одной строке».

Стрельников говорит Юрию Живаго: «Я понимаю, что затрагиваю нечто дорогое, сокровенное. Но если можно, я ещё расспрошу вас. Подумайте, шесть лет разлуки, невыносимой выдержки. Но мне казалось, — ещё не вся свобода завоёвана. Вот я её сначала добуду, и тогда я весь принадлежу им (жене и дочери)...»

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплёкой
Я б отказался наотрез...

И снится доктору Живаго сон:

«...висевшая во сне на стене мамина акварель итальянского взморья оборвалась, упала на пол и звоном разбившегося стекла разбудила Юрия Андреевича. Нет, это что-то другое.

Вдруг он вспомнил: «Да ведь у меня Стрельников ночует».
— Павел Павлович!

Никакого ответа. Юрий Андреевич, не торопясь, оделся и зашёл в соседнюю комнату. На столе лежала военная папаха Стрельникова, а самого его в доме не было.

Юрий Андреевич развёл огонь в плите, взял ведро и пошёл к колодцу за водой. В нескольких шагах от крыльца, вкось поперёк дорожки, упав и уткнувшись головой в сугроб, лежал застрелившийся Павел Павлович. Снег под его левым виском сбился красным комком, вымокши в луже натёкшей крови. Мелкие, в сторону брызнувшие капли крови скатались со снегом в красные шарики, похожие на ягоды мёрзлой рябины...

Борис Пастернак включил в роман цикл «Стихотворения Юрия Живаго». Особенно близки мне «Гамлет», «На Страстной», «Осень».

2017

Соната солнца (Михаил Пришвин)

Выбирая в «Молодой гвардии» книги по чёткости шрифта, я увидела «Кладовую солнца» Михаила Пришвина.

В сентябре 2016 года мы с друзьями поехали в Дунино, в Дом-музей Михаила Михайловича Пришвина. Осенний лес подступал к усадьбе писателя. Москва-река, часовня, святой источник — всё располагало к отдыху, размышлению.

Но *Соната Солнца* — это Чюрлёнис, Каунас, музыка моря. Тогда я была совсем юной, у меня всё было впереди.

«Язык Пришвина — язык народный, — пишет Константин Паустовский в «Золотой Розе». — Слова у Пришвина то шелестят, как травы, то бормочут, как родники, то пересвистываются, как птицы, ложатся в нашей памяти, подобно течению звёзд»...

Брат и сестра, Митраша и Настя, осиротевшие в войну, уходят в *Кладовую Солнца* за клюквой. Это путешествие на пути к Истине *перебивается* картинами природы: «Было совсем тихо в природе, и дети, озябшие, до того были тихи, что тетерев Косач не обратил на них никакого внимания. Он сел на самом верху, где сук сосны и сук ели сложились как мостик между двумя деревьями. Устроившись на этом мостике, Косач как будто стал расцветать в лучах восходящего солнца. Его гребешок загорелся огненным цветком»...

Охотничья собака Травка, лишившаяся хозяина, помогает Митраше выбраться из болота, обретая в Митраше *молодого Антипыча*.

Рассказы Михаила Пришвина о животных «Лисичкин хлеб», «О чём шепчутся раки», «Этажи леса», «Пиковая Дама», «Разговор птиц и зверей» трогательны и увлекательны. *Автором* отдельных рассказов становится ребёнок («Золотой луг»). Вспоминаю «Записки охотника» И. С. Тургенева...

Поэтические миниатюры «Времена года» открываются для меня месяцем моего рождения. Февраль... *Снег на ветвях* — «Невидимые звёзды снега спустились сверху, возле нас в воздухе блестят дождём искр и остаются на сучках деревьев, и от этого дерево сверкает каждой веточкой, каждой зимней нераскрытой почкой».

«Лесная капель» (Записки), по определению Пришвина, — *Весна света*. «Светлая Капель» словно затопила Землю.

2017

Жизнь Арсеньева

(Иван Бунин)

В Книгу вхожу, как в Берендеев лес. Как в Песню... *стёжки и дорожки позаросли наполовину*. Взглянуть в глубины души.

Деревянный дом, обшитый серым тёсом, гнил, ветшал, с каждым годом делаясь всё пленительнее, и особенно любил я заглядывать в его окна с мелкорешётчатыми рамами...

А сад за домом был наполовину вырублен, красовалось в нём много вековых лип, клёнов, серебристых тополей, берёз и дубов, одиноко и безмолвно доживавших в этом забытом саду свои долгие годы, вечно юную старость, красота которой казалась ещё более дивной в этом одиночестве и безмолвии, в своей благословенной, божественной бесцельности.

Прозрачная бунинская проза... «Жизнь Арсеньева» написана Иваном Алексеевичем Буниным в эмиграции. Россия, ландыши...

И навек сроднился с чистой
Молодой моей душой
Влажно-свежий, водянистый,
Кисловатый запах твой!

«Я продолжаю называть *Жизнь Арсеньева* повестью, хотя с таким же правом мог бы назвать её поэмой или сказанием, — пишет Константин Паустовский. — В этом слиянии поэтического восприятия мира с внешне прозаическим его выражением есть нечто строгое, подчас суровое.

Есть в самом стиле этой вещи нечто библейское.

В этой книге нельзя уже отличить поэзию от прозы, и многие её слова ложатся на сердце, как раскалённая печать».

«Жизнь Арсеньева» — это путь Поэта. Необозримые просторы полей, синева неба, усадьба — первая любовь и истоки поэта.

Алёша Арсеньев научился читать по «Дон Кихоту» Сервантеса. Ребёнком он читал Гоголя, Пушкина. *У лукоморья дуб зелёный... вожжа кругообразных, непрестанных движений.*

Но вот другая картина — «Я смотрел на реку, серой рябью шедшую к скалам... и старался не смотреть на Заречье, на краснеющий на окраине вокзал, с которого вчера в сумерки увезли брата...

Как мучительно мешалось с братом всё, что я видел и переживал в этот странный день, больше же всего, кажется, то сладкое восхищение, с которым я вспоминал о монашке, вышедшей из калитки монастыря!»

Бунинская природа в романе в песнях жаворонка, соловьиных трелях, цветении и ликованиях жизни.

Поездка героя в Кроптовку, родовое имение Лермонтовых; встреча со Львом Толстым в Ясной Поляне, о которой Бунин пишет здесь скупое, — веши жизни поэта.

В свете и пестроте протекает любовь Арсеньева и Лики. Ты же доказывал мне, — помнишь, — что в любви смешения разных чувств, что ты это испытывал к Никулиной, потом к Наде...

Лица говорит о том, что так близко моей душе. Поражает затённое отношение героя (и автора) к музыке, театру, опере. Такие линии редко пересекаются: актёр может быть поэтом, художником...

Как бы мы с Тобой были счастливы и в Москве, и в Веймаре, и на этом свете, и на том, который уже весь в нас.

*Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю. Я жду Вас с вокзала —
Домой! (Цветаева)*

Бунинским «Тёмным аллеям» предшествует «Жизнь Арсеньева».

Я поэт, художник, а искусство, по словам Гёте, чувственно.
2017

Поэзия прозы (Константин Паустовский)

«Золотая Роза» Константина Георгиевича Паустовского — пролог к «Повести о жизни», предчувствие этой книги. Очерки о творчестве (труде писателя) скреплены чашечкой цветка.

О книге писать начинаю с последних страниц. Пишу, словно лепестки обрываю: любит — не любит. Живопись прозы, как и поэзия прозы, придаёт очерку завершенность и блеск. «Золотая Роза» вводит нас в творческую лабораторию писателя.

На уроках литературы Лидия Васильевна Ветрова давала нам отдельные главы «Золотой Розы». Мне понравились эти новеллы, разноцветные, как бусинки. «Молния» — о замысле и вдохновении; «Цветы из стружек» — о романтике и экзотике; «Надпись на валуне» — о призвании; «Драгоценная пыль»... Роза Любви.

Парижский мусорщик Жан Шамет *выковал маленькую золотую розу для счастья Сюзанны*. Мотив Золотой Розы влетает в «Повесть о жизни».

Новеллы «Золотой Розы» переплетены любовью к России, родной природе, родному языку. *Груды цветов и трав...*

Однажды я ловил рыбу на небольшом озере с высокими, крутыми берегами, заросшими цепкой ежевикой. Наверху, надо мной, где по пояс стояли цветы, деревенские дети собирали щавель. Судя по голосам, там было три девочки и маленький мальчик...

— А что он знает? Даже как зовётся вот этот цвет — не знает.

— Курослеп, — сказал мальчик.

— Да не курослеп это, а медунца. — А вот это таволга. Такая пахучая! Такая нежная! Хочешь, сорву?

Мальчику, видимо, понравилась эта игра. Он, посапывая, повторял за Клавой названия цветов. А она так ими и сыпала:

— Вот, глянь, это подмаренник. А это купава. Вот та, с белыми колокольцами. А это кукушкины слёзки.

Я слушал и удивлялся. Девочка знала множество цветов. Но этот удивительный урок ботаники был неожиданно сорван...

Давно задуманная книга (встречи и биографии писателей) входит в «Золотую Розу» Константина Паустовского. Максим Горький, Александр Грин, Виктор Гюго, Мопассан... Новеллы «Чехов», «Александр Блок», «Иван Бунин», «Юрий Олеша (Маленькая роза в петлице)» для второй книги «Золотой Розы» (незавершённой) вошли в *Давно задуманную книгу*.

«Стихи Блока о любви — это колдовство, — пишет Паустовский. — Как всякое колдовство, они необъяснимы и мучительны. О них почти невозможно говорить...»

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам...

2017

Об авторе

Родилась в Москве. Основная специальность: технолог. Длительное время работала на п/я (авиастроение) в испытательной лаборатории; госповерителем. Несколько лет была занята в Московском окружном военном суде. Последнее время — в ГЦКЗ «Россия». Начала писать стихи около пяти лет назад. Принимаю участие в коллективных выступлениях. Печатаюсь в альманахах г. Москвы.

О, РУСЬ МОЯ!

Лучинушка

Песнь россиянки. Посвящено войне 1812 г.

*«Спасибо, скромный русский огонёк,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь за тех, кто в поле бездорожном
всех друзей отчаянно далёк,
За то, что с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле — и нет тебе покоя...»*

Н. Рубцов «Русский огонёк»

Ты свети, свети моя лучинушка —
За окном совсем уже темно.
Обняла меня печаль-кручинушка,
Мил дружка не видела давно.
Мил дружка забрили во солдатуски, —
Как же мне не плакать, не грустить?
Пожалей меня, моя ты матушка,
Отпусти милóго навестить.
Отпусти на время повидаться,
Крепко-крепко лю́бого обнять.

Не могу я боле оставаться,
Не могу тоску-печаль унять.
Где найти, сыскать пути-дороженьки,
Чтобы скоро к милому прийти?
Истопчу свои я белы ноженьки
На далёком, дальнем на пути.
...Я дошла до дальней до сторонушки.
На полях метелица кружи́т.
Не поют по осени соловушки.
На снегу мой суженый лежит.
Не жена ему, но словно вдовушка,
Я стою с поникшей головой...
По весне споёт ему соловушка
Над вспоённой кровушкой травой.
Без родных на стылом русском полюшке
Довелось его похоронить.
Ой, горька-горька народна долюшка —
Как горю... горючих слёз не лить?
Словно свечки, белые берёзоньки
В тихой скорби в головах стоят.
Заливают щёки слёзы — слёзоньки:
Сколь погибло родненьких солдат.
Полно плакать, полно мне печалиться —
Не согнуть врагу нас, не сломать!
Русь-земля защитниками славится —
Не дадим мы Русь завоевать!
...Я домой не скоро воротилася —
Помогала раненым в боях,
За погибших во поле молилася
В очень дальних, но родных краях.
...Ты свети, свети моя лучинушка —
Закатилось солнце почивать...
У Руси нелёгкая судьбинуска,
Без Руси нам вовсе не бывать.

Звонко сыпал мороз серебро Морозный блюз

Звонко сыпал мороз серебро,
Раскошелится мóлодец щедро:
Заискрилось елѣй болеро,
Заблестали могучие кедры.
Засияла в восторге Луна,
Примеряя хрустальную блузу,
Насладившись обновой сполна —
Покорилась морозному блюзу.
Я люблюсь на лунный наряд
Через кружево тонкое стужи.
Ничего в этой жизни — не зря.
И мороз восхитительный нужен.
...Ты коснулся ладоней моих,
Тень разлуки прогнав поцелуем...
Долгожданная ночь для двоих:
В эту ночь мы впервые танцуем.
Радиола пластинку кружит,
Блюз морозный тихонько играя...
А морозец румяный спешит
С серебром из волшебного края.
Серебро колдовское звенит.
Жар объятий твоих всё крепчает...
Осень, нас провожая — грустит.
А зима добродушно встречает.

Звонко сыпал мороз серебро...

Об авторе

Гашунина Галина, прозаик. Член Союза писателей XXI века. Родилась в Подмосковье. Закончила Московский институт народного хозяйства имени Г.В. Плеханова. Автор двух книг рассказов и эссе. Публиковалась в газетах «Наш изограф», «Диалог», в альманахе «Муза».

Галина Гашунина

О, РУСЬ МОЯ!

Винные пробки

Памяти поэта Алексея Вознесенского

Теплые и солнечные дни неожиданно сменила непогода. Порывы пронизывающего северного ветра в ключья разрывали тяжело нависшие тучи. Вперемежку с дождем повалил снег, природа, только начавшая пробуждаться, опять впала в дремоту. Невеселые мысли в унисон творившемуся за окном хаосу овладели и мной. Решив приободрить себя чашкой горячего чая, я открыла дверцу кухонного шкафчика, и неожиданно мой взгляд из массы предметов чайного обихода выделил небольшой прозрачный пакет, заполненный винными пробками. Несколько лет назад эти бутылочные принадлежности я собирала неспроста...

В Литературном объединении Дома ученых Алексей, как поэт, существовал очень органично. Посещал все занятия, участвовал в музыкально-поэтических концертах и творческих вечерах. На одном из них прозвучало его имя: «Алексей Вознесенский».

В те времена я только начинала пробовать свои силы в писательстве. Об объединениях непрофессиональных литераторов я даже не подозревала и, однажды узнав о существовании такого объединения на Пречистенке, 16, я уже не пропускала ни одного литературного концерта. С огромным удовольствием я слушала выступления своих современников — писателей и поэтов.

«Но кто же он такой, этот поэт с "говорящей" фамилией, которая навеивает определенный образ?» — раздумывала я. Прослушав выступление современного Вознесенского, я увидела другого поэта, поэта со своим неповторимым стилем. Его стихотворные строчки светились островами, мягким юмором, всевозможными аллюзиями и, кроме этого, нескрываемой любовью к своему питомцу, четвероногому другу? — собаке. «Очень светлый и добрый человек», промелькнуло у меня в голове, и как всегда мысль моя обернулась обобщением: наверное, неспроста люди такой силы внутренне обаяния наделены творческими способностями. Всю дорогу до дома я улыбалась...

Позже я увидела Алексея в Центральном Доме литераторов. Здесь на творческом фестивале собрались многие литературные сообщества. Вознесенский представлял объединение при ЗИЛе. Мы все еще не были знакомы, но я, как и прежде, с удовольствием слушала его стихи, и с не меньшей радостью — замечательные отзывы о них.

Когда я сама робким новичком вступила в круг литераторов на Пречистенке, то, к своему удивлению, обнаружила, что и Алексей Вознесенский, держится очень скромно, как вновь пришедший. Он внимательно прислушивался ко всем, кто высказывался по поводу его поэтических строк, все замечания запоминал и впоследствии вновь и вновь возвращался к работе над стихотворением. Мне очень нравилось его вдумчивое и серьезное отношение к предлагаемым темам занятий. Однажды он взялся провести беседу о рифмах в поэзии. Весь стол, за которым он как докладчик расположился, был покрыт листками с текстом выступления, выдержками из рассуждений классиков, стихами, иллюстрирующими приводимые им примеры. Даже мне, прозаику, оказалась эта беседа очень интересной и познавательной.

Вознесенскому везло на встречи, его неповторимое и могучее мироощущение влекло к нему таких же, как он сам

**«... порой, таких, как мы, встречаем,
кто любит псов, простор и высь»...**

Его сдержанность и умение кратко излагать мысль подкупала своей простотой, искренностью и мастерством обыгрывать смысловые значения слов

**«Будь скуп, владея слова даром, —
Не стоит тратить слово даром»...**

Наши занятия по давно заведенной кем-то традиции обычно заканчивались в помещении ресторана или буфета, мирно соседствующих в Доме ученых. Во время чаепития мы лучше узнавали друг друга, теплее становились наши отношения. На одной из таких «посиделок» Алексей, прочитав свое зазорное стихотворение о рыбалке, рассказал, что давно стал завзятым рыбаком, и его пес очень одобряет это увлечение хозяина, при этом посетовал на недостаток бутылочных пробок для поплавков. Не знаю почему, но у меня эта фраза отложилась в памяти. И я, частенько бывая на открытиях вернисажей — а на них всегда вино льется рекой, стала втайне от него эти пробки собирать.

А потом случилось непредвиденное. У Алексея ушла из жизни любимая собака. Я видела его поникшую фигуру и то скливые глаза. Он продолжал писать стихи, но не было уже в них задора, который так и бил из каждой строчки. Если ранее он провозглашал:

**«Поэт в России — как мессия,
Иль, как у Пушкина, — пророк.
Творец, придай поэтам силы
Вершить добро, язвить порок...
Пускай точнее и острее
Летит их меткая строка,
И жжет глагол, и пламень греет
И тверже будет их рука!»**

Теперь рука самого Вознесенского дрогнула. Та самая рука, твердость которой придавал не только опыт прожитых лет, но и поистине героический труд в геологоразведке, упорная учеба в аспирантуре, преподавательская деятельность с полной отдачей сил. Рука Вознесенского ослабела. А спустя непродолжительное время, очень серьезно заболел и сам Алексей.

Мужество не покидало его, коварная и беспощадная болезнь, в которую он до конца не верил, не смогла сломить Вознесенского. Тот, последний в его жизни, концерт подтвердил это. Алексей уже с великим трудом передвигался и только благодаря своим близким приехал в Дом ученых, где, преодолевая боль, выступил. Как же стойко он держался! Огромное уважение к нашему товарищу, поэту и одновременно сильное сопереживание ему владело всеми нами, присутствующими тогда в читальном зале библиотеки. Было очень символично, что именно здесь в окружении огромного количества книг, поэтических сборников авторов разных времен и народов состоялось прощальное выступление поэта.

Алексей Вознесенский не любил тратить слов понапрасну и часто останавливал себя, давая возможность высказаться другому, сам же сидел молча и слушал. Так и ушел он от нас недовысказавшись. А ведь о многом еще мог поведать, следуя мечте

**«И с промыслом высшим в деяньях Творца,
В чем всем нам Он служит примером,
Дай, Бог, созидать и творить до конца
С любовью, Надеждой и Верой!»**

Что остается от поэта в сердцах тех, кто знал его при жизни? Образ человека и говорящие его поэтическим языком строки.

У меня же в память о моем товарище-литераторе, хорошем и веселом человеке, любившем среди прочих земных радостей посидеть на берегу с удочкой в руках, — скромная и заботливо собранная горсть бутылочных пробок, о которой он уже никогда не узнает.

Мечта, перечеркнутая войной Памяти Устаниной Лилии Ивановны

Поселок Верее на карте Московской области появился перед самой войной в эпоху стремительной индустриализации страны. Болота, на которых он вырос, кроме изобилия всевозможных ценных ягод располагали большими запасами торфа. Этот вид топлива считался самым дешевым и для повсеместно строившихся теплоэлектростанций был незаменим. На торфодобывающем предприятии трудилось почти все население поселка. Люди здесь были обеспечены всем необходимым. Прекрасная школа, распо-

ложенная на окраине большого березового лесопарка, почта, баня, клуб, стоящие особняком в центре поселка. До областного города регулярно ходил автобус. Верее окружали покрытые лесом возвышенности и изрезанные бровками низменные участки с озерками и застоявшимися болотами, вокруг которых были прорыты узенькие канавки для защиты от пожара. Торф в жаркую погоду частенько воспламенялся, но огонь дальше системы защитных каналов не распространялся, а старшекласникам вменялось в обязанность следить за струйками дыма на территории разработок.

Лиля, улыбчивая и большеглазая ученица младших классов, за компанию со старшими школьниками частенько обходила торфяники. Детство девочки протекло безоблачно и наполнено. Родители Лили при полной отдаче службе (оба служили телеграфистами в отделении связи, заменявшем в поселке и телеграф и почту) находили время и для своих увлечений. Папа играл на многих струнных инструментах, особенно любил балалайку. Часто солировал в оркестре, состоящем из местных музыкантов. Мама любила прослушивать пластинки с записями опер. Случались у них и поездки в московский Большой театр, где однажды Лиля увидела постановку «Жизели». Вот тогда-то девочка без памяти влюбилась в балет. Она не сводила восхищенных глаз со сцены, следя за каждым движением танцовщиков. Вернувшись домой, Лиля встала на пальцы и начала кружиться по комнате. С тех пор у нее появилась мечта стать балериной.

Война, пройдя поселок стороной, изменила жизнь сельских жителей до неузнаваемости. Практически каждая семья отправилась на фронт своих мужчин, поэтому заготовками торфа занялись женщины и дети. Работать надо было вручную, потому что техникой до войны управляли только мужчины.

Одиннадцатилетняя Лиля тоже вышла на разработки. Она осталась с мамой вдвоем. Папа ушел на фронт в сорок первом, а в сорок втором пришло извещение о том, что он пропал без вести. Родного братишку Лили Шуру мама отправила к бабушке в деревню под Рязань в надежде, что там прокормиться проще. Худенькая и малорослая девочка выглядела на несколько лет моложе своего возраста, но сознательности у нее хватило бы на несколько таких, как она. Воспитанная на примере своих родителей, Лиля и помыслить не могла, что не выйдет на работу. Конечно, лопатой она торф не нарезала, но готовые блоки, поднятые из болота на поверхность, она должна была переносить в поле, где они сушились. В ее обязан-

ности входило и периодическое переворачивание торфяных кирпичей для равномерной просушки. Высушенные куски торфа девочка собирала в мешки, чтобы потом грузить их на телеги.

Тяжело было наблюдать за ее согнутой под тяжестью мешка фигуркой. Но она старалась и виду не подавать, что работа для нее непосильна. К тому же, получая паек хлеба, она помогала своей матери. Мама по-прежнему трудилась на почте. Поток телеграмм и писем, особенно фронтовых, сложенных треугольником, очень вырос. Увеличилось и количество посылок. Так голодающих сельчан поддерживали родственники из более благополучных районов.

«Торф — Родине!», «Все для фронта, все для Победы!»? под такими лозунгами работали тогда жители Вереи, но силы были не бесконечны. В какой-то момент в поселке появились пленные немцы. Они также стали трудиться на торфоразработках. К немцам относились сдержанно, хотя многие семьи получили похоронки, и причиной их были они — эти пленные. Немцы получали продуктовые пайки и даже денежное содержание за хорошие показатели в работе. Наверное, они ценили такое отношение к ним обычных людей, среди которых им пришлось находиться.

В один из тех дней, когда Лиле особенно тяжело было работать — сказывалась постоянное физическое утомление и недоедание — какой-то «фриц» (так пленных про себя называли односельчане) молча протянул ей кусок черного хлеба, отдавая свой дневной паек. Девочка не отказалась, почувствовала, что он, этот немец — неплохой человек, и воевать пошел не по доброй воле, а потому что заставили.

Так до конца войны и проработала Лиля на заготовках торфа. И все это суровое время ни разу не пришлось ей встать на пальчики и представить себя танцующей на сцене. Не до этого было. Теперь же после победного Мая желание танцевать вернулось к ней с невиданной силой. И неважно, что в доме не ставились больше мамины пластинки, потому что были обменены на продукты: музыка звучала у девочки в душе, и иногда ей казалось, что она под эту музыку словно птица летит по воздуху. Лиле очень хотелось поступить в хореографическое училище. Закончив школу, она уговорила маму поехать в город в учебное заведение, готовящее артистов балета, которое, как она случайно узнала, вернулось из эвакуации.

В училище их встретили хорошо, приняли документы и сообщили, что перед экзаменами комиссия оценивает физические

данные абитуриента. Лиля очень волновалась в ожидании вызова на комиссию. Наконец, он поступил.

Девочку внимательно рассматривали, просили выполнить кое-какие упражнения. Лиля очень старалась. От природы она была сценически красива и грациозна. Но члены комиссии отчего-то хмурились и по окончании просмотра попросили ее подождать за дверью, а маму — пригласить. Девочка напряженно ожидала решения своей участи в коридоре.

Выйдя из учебной аудитории, мама грустно улыбнулась дочери: «Лилечка, понимаешь, занимайся хореографией очень тяжело, выдержишь ли ты? Ты ведь такая хрупкая!» Дочь в недоумении на нее посмотрела. Она же прошла испытание на торфоразработках, ей уже нечего бояться. Мать, видимо, поняла, что Лиле нужно сказать всю правду. «Доченька, твоя спина не сможет изогнуться так, как это необходимо в балльном танце. Нужно искать другую профессию.» Она не стала пояснять, что стало виной искривления детского позвоночника. А Лиля поняла только одно — ей никогда не стать балериной.

ВРЕМЕНА ГОДА

Базилик или грезы путешественницы

Наташа любила летние поездки в Италию, но ее огорчало все то, что сопровождало эти поездки: утомительные сборы, непредсказуемая дорога в аэропорт, чреватая опозданием на рейс и, самое главное, наличие чемодана. Она, как бабочка, порхала из одного итальянского города в другой, и обуза в виде сопровождавшего ее повсюду дорожного саквояжа, яркого, с красивой олимпийской символикой, но все же очень громоздкого, затрудняла ее перемещения.

В этот раз, отправляясь в тур по Милану, она рассчитывала не только осмотреть его достопримечательности, но и осуществить покупки, тем более, что многие фирменные магазины в городе объявили значительные скидки. Для девушки ее возраста ведь так заманчиво привести что-нибудь эдакое необыкновенно изящное и хорошо сидящее на фигуре из самой Италии с ее модными брендами. В зарубежных поездках Наташа не забывала и о своих родных и всегда привозила им подарки. В Милане на од-

ной из ярмарок выходного дня Наташа увидела сочные ярко-зеленые листья базилика, растущие охапкой прямо из цветочного горшка. «Это не просто красиво, но и очень полезно», — подумала она и решила подарить целебную пряность своей маме. Об уникальных свойствах этого поистине ценнейшего лекарственного растения она знала уже давно.

Упаковав горшок с предварительно политым базиликом в прозрачную пленку и с усилием впихнув его в заполненный вещами чемодан, она представила, как обрадуется мама оригинальному подарку. Чемодан, раздвинутый до максимально-возможных своих размеров, оказался неподъемным. На следующий день Наташе предстоял путь домой.

Таксист с трудом загрузил чемодан в багажник машины, а по прибытии в аэропорт, отдуваясь и пыхтя, поставил его рядом со стройной путешественницей. Попрощавшись, он уехал. Наташа, оставшись наедине со своим багажом, попробовала его приподнять, но не смогла. И тут ей представился весь ужас обратной дороги. Кое-как дотянув неподъемную поклажу до конвейерной ленты и сдав ее работникам багажного отделения, она с облегчением вздохнула.

На борту лайнера, летевшего до пересадочного узла в немецком городе Франкфурт-на-Майне, девушка оказалась с одной лишь дамской сумочкой. Безоблачное небо за окном иллюминатора, комфортная обстановка в салоне самолета и дружелюбно настроенные попутчики способствовали ее душевному покою, который нарушала одна-единственная мысль о том, что же делать дальше с чемоданом. Но Наташа, в силу своего природного оптимизма, долго задерживаться на неприятных мыслях не могла и потому решила хотя бы помечтать о том, что приедет домой налегке, а чемодан чудесным образом самостоятельно доберется до нужного адреса. Фантазия рисовала богатыря, радостно встречающего ее прямо у трапа самолета, беззаботно и легко подхватывающего ее неподъемный багаж и доставляющего его прямо в квартиру.

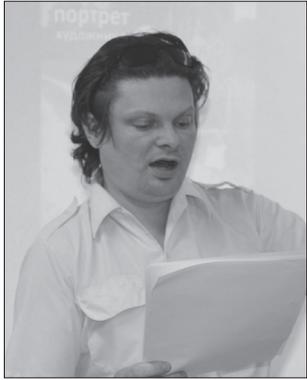
Пересадка во Франкфурте-на-Майне по времени оказалась очень короткой. К счастью, пассажиры, следующие рейсом в Москву, были здесь избавлены от забот о своем багаже. Он перемещался в очередной Боинг без их участия.

В столице приземлились вовремя, и Наташа отправилась в зону выдачи багажа за своим чемоданом.

Прошел час. От непрестанно движущейся транспортной ленты у нее начало рябить в глазах. Но яркий оранжевый чемодан так и не появился. Наташа не знала, радоваться ей или огорчаться. С одной стороны, в чемодане находился необычный подарок для мамы, который нуждался в поливке, и потому багаж хотелось бы лицезреть, но, с другой стороны, богатыря, который бы этот чемодан играючи взял и понес, тоже нигде не было видно.

Устав ждать и крепкого молодца, и чемодан, девушка обратилась в отделение аэропорта, отвечающее за доставку багажа. Там перед ней извинились и объяснили, что во время пересадки пассажиров в немецком городе, сотрудники аэропорта не успели перегрузить все чемоданы и сумки на московский рейс. Наташин чемодан остался в Германии, но его пообещали доставить на следующий же день, и не просто в аэропорт, а непосредственно домой, но только в районе двенадцати ночи, когда дороги свободны от пробок. Такого подарка Наташа, конечно же, не ожидала. Эта сказочная фраза о каком-то фантазмагорическом перемещении огромного чемодана из другой страны прямо к порогу дома заставила ее поверить в то, что мысли, сформулированные над землей на высоте в несколько тысяч метров, обязательно материализуются. Девушка расцвела в очаровательной улыбке и чуть не расцеловала сотрудника аэропорта, который ожидал от нее слов возмущения, может быть, даже скандала, но никак не проявлений бурной радости.

Домой Наташа приехала налегке. Дверь ей открыла мама. Увидев дочь без багажа, она решила, что случилось что-то непредвиденное, и чемодан пропал. Но Наташа не выглядела расстроенной или озабоченной. Напротив, она находилась в радостном возбуждении и, поцеловав маму в щеку, загадочно произнесла: «Завтра ровно в полночь тебя ожидает сюрприз!»

Поэт, канд. филол. наук, член Российского Союза профессиональных литераторов (РСПЛ), ст. научн. сотр. ГИЛМЗ (Государственного историко-литературного музея-заповедника А. С. Пушкина)

Об авторе

О, РУСЬ МОЯ!

* * *

Над природой довлеет поэзии страшная сила,
не унять и железом упрямой стремительной грусти!
До подкорки сознания нещадно меня истомило
возвышающим горем горячее лето в Тарусе.

Я ступаю в молчанье в разрядку по каменным плитам,
мерным прямоугольникам ведома бега граница.
Только буйство души не сдержать надлежащим лимитом,
ширина горизонта не знает, куда поместиться.

Я хожу по земле; я плутаю рассеянным взглядом
в осадившей обочину тьме лопуха и крапивы;
достигают комет электричества мощным разрядом,
потрясая и крепи моих устремлений извивы.

Я стараюсь держаться в пути образцово и стойко,
и бордюры упорные немо велят мне остынуть.
Только жгучие слёзы отчаянно, как из брандспойта,
зрелым ливнем готовы на пыльные пажити схлынуть.

Я целую траву. Обмирая от боли звериной,
по горячим ступеням зари пробираюсь в верховье.
Как же глупо, что я не приемлю ни в чём половины,
жизни формам тщедушным огня предпочтя полнокровье!

Здравствуй, светлых холмов наважденье —
легенда — Марина!
я взываю к тебе из безвременья, — жарким и рыжим.
Я в житейской печали окреп, как гончарная глина,
исступленьем бузиным догла, до беспамятства выжжен.

* * *

Набирая дыханье, проносится ветер в овраге,
Наливаются соком рябины горячие грозди.
Мы в пустых завихреньях ослепших судеб бедолаги,
мы на празднике жизни лишь беглые пёстрые гости.

Своенравная осень проворно кусты изжелтила,
от рябиновой горечи резко заныло под сердцем;
но какая-то мне самому непонятная сила
увлекла меня ввысь, повелела мне быть сладкопевцем.

Я забился на месте, испуганный, будто в ознобе,
разве можно и впрямь наплевать на предчувствие смерти?
Вдохновенья небесный огонь мой рассудок коробит,
как колотит рябину весёлый заносчивый ветер.

Беспорядочный гений в развязном насмешливом тоне
говорит свысока, что и жизнь — это глупая шутка.
Мне поспорить бы с ним, но в моей потеплевшей ладони,
оживая, трепещет упругая лёгкая дудка.

До чего же певучи причудливых веток извивы!..
как запущенный сад дан маршрут мой зигзагообразный...
как сквозь толщу камней прорывается хохот строптивый,
сквозь неверье нисходит ко мне пламень изжелта-красный.

Прихотливо губителен этот сиятельный жребий;
я не помню себя, и рябина волнуется тоже.
До чего же в разоре отчаянных великолепий
исступленьем художества я и рябина похожи.

* * *

Взятый патиной облик старухи истории страшен,
истерзала мой мозг мироздания тяжкая глыба...
О, весна, я смертельным угаром твоим ошарашен
и готов прохрипеть: ах, спасибо тебе, ах, спасибо!

Как затравленный челядью в нетях дворца Павел Первый,
я в когарту безбедно спешащих вперёд
не способен вписаться,
и мои лихорадкой весны истомлённые нервы
побуждают за сердце, за сердце моё опасаться.

Нет, не стрелчатой злобою дня я решительно занят,
но в бессменных, бессменных метаниях жизнь одиночки
до хмельного озноба пронзительной свежестью ранят,
распускаясь на белых заплаканных липах листочки.

Ход седого, причудливо мшистого времени мрачен,
да и сам я — гонимый самумом смятения странник!
и однако, всё так же, всё так же капризно изыщен
в непрерывном движении трости моей набалдашник.

Ах, напрасно, напрасно коварство подспудных попыток
шага строем ревнителей душу мою переделать.
Я впиваю разреженный воздух, как вольный напиток,
пробудив тебя смехом, цветения буйная смелость!

В обстановке, сотрясшей мне кости, в безрыбье, бесхлебье
повторяю, пустыни аллея и любя, и ругая,
о, весна, поселившая стынь во вместительном небе,
ах, спасибо, спасибо навеки тебе, дорогая!..

Почти романс

Виктору Тену

Всё приелось. И не о чем нынче жалеть.
В белой комнате медленно стучают ходики.
Только силе механики не одолеть
мерной жестью упрямого сердца мелодики.

Сколько, жизнь, мы с тобой повидали всего,
сколько в дар получили и сколько прошляпили!
я в апатии внятно хочу одного:
до мельчайших осколков напиток с Шаляпиным.

Нужно только трагедию не опошлять;
сколько нервов у музыки, дерзости сколько!..
А чтоб сердцу вольготнее было гулять,
пусть ненастье сегодня дежурит у столика.

Смерть огурчиком бы закусить не спеша
и усесться за шахматы в нише для отдыха!
В беге времени паузы просит душа,
но цветёт и вонзается в ноздри черёмуха!

Успокою ли резкий пронзительный плач?
совладаю ли с сердцем, когтистым зверёнышем?
А оно то в романтику бросится вскачь,
то забьётся под кофту горячим найдёнышем.

Но оттуда вновь вырваться жаждет вот-вот!
сердце разве же в клетку грудную уместится?
Разеваю в сплошном удивлении рот:
ведь бывает, что всё мироздание взбесится!

Сердце падко к пожара стихии живой,
бессознательно в струнной игре ищет выхода...
Робкий всхлип переходит в усиленный вой,
так потребна безмерности почва для выдоха!

Всё смешалось. И не о чем нынче жалеть.
В белой комнате медленно стучают ходики.
Только силе механики не одолеть
мерной жестью упрямого сердца мелодики.

Стихи о Москве

Вижу схему метро. Сколько взрывчатых линий!
Каждой линии цвет соответствует разный.
Вот за край бытия долго тянется синий,
вот на плоскость упорно вторгается красный.

Умолчу уж сторонкой о вкрадчиво сером,
схемы серый участок оставляю покою:
нужно речь подкрепить надлежащим примером,
а его-то и нет у меня под рукою.

Без примера же схема метро непонятна;
уж тогда... куда нам отправляться не важно.
Только зыблются пёстро случайные пятна,
на листе расположенные на бумажном.

В световом органоне разрознены смело,
торопливо разбросаны по одиночке
утомлённые резкостью линий всецело
многочисленных станций привычные точки.

Буду долго по росчеркам взглядом метаться
и кружиться кольцом до осеннего вою;
В этой жёлтой тщете мне вовек не расстаться
с беспредельной тоскою, с огромной Москвою.

Мир ветшает. Но бездна души в состоянье
удержать номера телефонов знакомых.
Меж небесных светил велико расстояние,
и вскипает мой пульс до предсмертной истомы.

Путевые заметки

Вот и лето в зените. Широкое солнце печёт,
протомив разнотравье земли до степного угара.
Подкрепля горячих минут неизбывный отсчёт,
запыхавшийся поезд отходит на станцию Нара.

Как бы в прятки увлекшись извечно манящей игрой,
за глухими заборами тянутся робкие дачи.
А в зелёном вагоне стремлений людских пёстрый рой
уносим километрами в неги, узорно прозрачен.

Вот лобастый бродяга с дорожным холщовым мешком,
в предприятиях смелых без времени перегоревший.
Он глядит на случайных соседей с угрюмым смешком,
ибо к жизни вернулся недавно, в тюрьме отсидевши.

Он отбыл на Урале судьёю зачитанный срок
и теперь лихорадочно тщится в порядке обжиться.
Змеевидные шрамы привычно ложатся вдоль щёк,
в вихре путаной жизни успев неизбежно сложится.

Продолжаю окрест озираться в зелёной тоске,
сотрясаюсь до пламенной дрожи в невидимом плаче!
Вот глухая старуха в простом домотканом платке,
возвращается видно со всенощной — как же иначе!

А продольные шпалы срастаются с рельсами в стык;
и готова проворно иной поворот в человеке,
наводняет мне уши песков чужеземный язык,
меж собой рассуждают приезжие — оба узбеки.

Ах, возможно напрасен и празден во мне интерес
к пассажирам состава, что мчится на станцию Нара!
Что за лицами длится?.. Крапивы диковинный лес
обогреет мне дебри души золотистым пожаром.

Пусть ударами зноя событий летучий каскад
на железки, частички, отрывки и звенья раздроблен,
я движенью явлений всегда буду истово рад
и однако крапивы кольцом — от времён обособлен.

* * *

Не умерить уздой обжигающей истовой боли!
Как пустынно кругом!.. только ветер гудит в голове.
Я без повода выйду в огромное дикое поле
и ромашек нарву, потеряюсь в высокой траве.

Я на всё оглянулся, внезапно очнулся и ожил,
я проснулся вместительным сердцем... Не сетуй же, мам,
если я появился на свет на других непохожим;
я отбуду в иное, забросив наскучивший хлам.

Окружающий мир достоверен до каждой детали,
время движется поездом, стебли травы шевеля.
Ну а я уплываю в глухие забытые дали,
и уже различаю в покое жужжанье шмеля.

Не терплю репродукторов!.. мой разговор со вселенной
на цветистом тоски языке осязаемо прост.
Ускользаю в родное от плоских низин постепенно,
и трава, торжествуя, встаёт в человеческий рост.

Не одёрнуть летучей минуты! о сил разоренье!..
я отправлюсь без клади в сияющий путь поутру,
потеряюсь в лучистой траве на заре на весенней...
на богатой томленьем земле я роскошно умру.

* * *

Гораций учил попеченью о малом,
советовал вдуматься в холод деталей.
Но рыжее солнце последним накалом
ревнителю малого вторит едва ли.

Да, знают порой и светила усталость,
склоняются тихо к закату — а всё же
той силой, что в осень от зноя осталась,
карябают душу до лиственной дрожи.

Не знает она золотой середины
меж нот столбняком и взбешённой кровью.
Шквал — то замирает подобием льдины,
то камни равнин согревает любовью.

Друзья! и у Пушкина в мерности меди
томительным отзвуком слышится: море.
Мороз и огонь — по уезду соседи,
есть в бешенстве их благородная горечь.

Спокойствие, данное взгляду снаружи,
приходит, врачуя горячие недра,
из губительных крайностей зноя и стужи,
из памятных черт славянина и негра.

Не стоит бояться дыхания вьюги;
что красочней осени шалой пожара?
И в северной грусти, и в сладостном юге
легко обитают два жизненных дара.

* * *

Шевелятся расхлябанные дровни,
вершится на Москве проворный суд;
мелькает мимо изгородь часовни,
боярыню Морозову везут.

Дороги пахнут лесом и расколом,
ныряет полоз сослепу в сугроб...
Страданья неподвижным ореолом
надменно окружён строптивый лоб.

Захлёбываясь выстраданным криком,
очерчен — в снег — овалом алым рот.
Не горе, что радений о великом
постичь не может вышколенный сброд.

Так искренность горячих заблуждений
подчас живее всех беззубых правд...
Густеет нестерпимо мрак осенний,
и ветер свищет, брёвна разбросав.

В преступнице порода неподкупна;
не сдерживая вольный дерзкий тон,
она живёт размашисто и крупно,
каким бы колким ни был чёрный фон.

* * *

Выживание тела, признаться, не стоит и цента,
не нуждаюсь я в дозе сухого подручного корма.
Что сказать на вопрос любопытного корреспондента:
какова же в размерах моя постоянная норма?

Истомили до дыр беспокойную душу берёзы,
жизнь порой то в горячие пропасти резко бросает,
то, напротив, рождая в ответ благодарные слёзы,
от бессмысленных бедствий меня бережёт и спасает.

Как я жив до сих пор!.. до чего же порой угловаты
и до кровоподтёков окрашены жгучею болью
от провалов ко взлётам бездомной души перепады,
вот они-то и тянут меня со всех ног к алкоголю.

Потому на вопрос любопытного корреспондента,
покачав головой, я всегда отвечаю нехитро:
Жизнь стремглав пролетает томительно, как кинолента,
а моя постоянная норма —
классических вечных пол-литра.

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Сколько грусти в просторах заснеженных диких полей!
Обессилев от ямин, вконец ошалев от мороза,
я беде вопреки, беззаботный смешной дуралей,
от докучливых дел ухожу к светоносным берёзам.

Не беда, о друзья, что о них многократно писали,
в жарких жилах бежит обновлённая свежая кровь.
Испещрённые тонко ложбинами хилые дали
каждый раз по-иному душе открываются вновь.

Я глотаю стремглав километров сухой алкоголь;
в нежных пажитях ломкой души зреет тихое слово,
и уже сферу чувства заполнила ясная боль,
точно к резкому току подвёл меня гибельный провод.

Чтоб с тобой обо всём предварительно договориться,
я в древесную глушь телефонный несу аппарат.
В беспорядке извилин со мною такое творится! —
а глубокой и жизненной встряске я всё-таки рад.

Хоть твой голос увяз далеко в посторонних шумах,
несмотря на больших расстояний сплошные издержки,
я с твоей стороны в лабиринте, чьё имя зима,
получаю изрядную дозу моральной поддержки.

И не надо, не надо каких-то иных иллюстраций
кроме грустного рокота празднично белых берёз
и в беседе горячей настойчивых сердца вибраций
вперемешку с потоками сильными радостных слёз.

* * *

С ускользящим летом работали мы по контракту,
краски лета смешал я, смежая горячие веки.
Ну а с осенью звонкой, богатой дождём, по контрасту
нерушимыми нитями соединён я навеки.

Садоводства занятное дело окончено к срокам,
безоглядное лето, как рой мотыльков, пролетело.
И является осень запёкшимся кровоподтёком
на густом полотне, на стволе на берёзовом белом.

Стеглянистая осень, успев до меня дозвониться,
мне внушает потоком вибраций подчёркнуто лично,
что в потоке событий, ничуть не взирая на лица,
нужно жить, подражая берёзам, светло и трагично.

Электричка зелёная в яростном веток разбросе
пусть, гремя, поспешает зелёному лету вдогонку;
я умчусь окончательно в огненно-ясную осень,
на пораненной белой берёзе повешу иконку!

Пусть мой жест в общепринятом смысле безумен и странен,
сердца всполохов с помощью разума я не осилю.
Гранью смерти и жизни весь я поразительно ранен,
я сполна наделён непридуманной болью и былью.

* * *

Что со мной стряслось, сам не понимаю,
я прекрасно болен и ранен очень.
Я по рощам в прах облетелым маюсь,
а диагноз вечный: любовь и осень.

Открывает осень своё застолье,
наступил прилив обновлённой крови.
И уже сияние сладкой боли,
ошалев, душа благодарно ловит.

С чудной вехой года, как жизнь, короткой
испытать намерен я лично встречу.
И уж стало нужно бежать за водкой,
как иначе я радость-высь отмечу?

Я живу, путь осени повторяя,
и с дерев листва легко облетает.
Голова скудеет, себя теряя,
зато сердце многое обретает!..

В одичалой бездне ценой работы
я нашёл редчайшую из жемчужин.
Только светлый дар полевой свободы
истомлённой зноем душе и нужен.

Что со мной стряслось, сам не понимаю,
я прекрасно болен и ранен очень.
Я по рощам в прах облетелым маюсь,
а диагноз вечный: любовь и осень.

* * *

Пароходы, хрипя, надрываясь, идут до Батума,
на Москву в лихорадочной тряске идут поезда;
я иду в серебристую осень от вздора и шума,
в серебристую осень иду ликовать навсегда.

Своенравной рябины багровый отлив неизменен,
ну а мало ли в сиюминутной среде чепухи?
Осень пишет узор на кленовых листах, как Есенин
на бумагу, пьянея в тон осени, пишет стихи.

В победительном завтра останусь ли жив?.. Не уверен.
О делах иных я сегодня светло загрустил.
Сердца бешенный ритм по ударам глухим соразмерен,
сообразен и равен извечному ходу светил.

И не надо, не надо каких-то иных измышлений,
у пытливого сердца наклон постоянный один:
только вслушаться в клёнов отчаянный шёпот осенний,
только вникнуть в осенний кладбищенский шорох осин.

Искушённому сердцу всего мироздания мало
и достаточно звонких берёзовых белых стволов.
Можно тело поранить, нельзя отменить идеала,
потому на душе и в ребристую стужу светло.

Я свеченьем берёз и осин дорожу как святыней,
мой язык, излученье тишайших глубин славословь!
Кое-где появляется первый игольчатый иней,
как же странно соседствуют в ясности смерть и любовь!

Пароходы, хрипя, надрываясь, идут до Батума,
на Москву в лихорадочной тряске идут поезда;
я иду в серебристую осень от вздора и шума,
в серебристую осень иду ликовать навсегда.

* * *

Я иду бесконечной равниной, прогулочным шагом.
Васильки разрослись и под пасмурным небом — погост.
Маета в голове. То ли ветер шумит над оврагом,
то ли в горечи жгучей над рощей свистит Алконост.

Васильки в неухоженном поле синеют всё резче,
и могилы травой заросли, в мирном сердце — надрыв.
И в извечных причудах, в прекрасном бреду птицы вещей
я ловлю что есть силы упрямый горячий призыв.

Сколько нужно исполнить весёлых отчаянных песен,
сколько нужно безумств на понурой земле совершить!
А потом уж собраться в другие заочные веси
и шальную свечу равнодушной рукой потушить.

Я успею сыграть свои роли, напрыгаться вволю,
а потом невозвратно навеки уйду в тишину
стародавней стезёй по такому же дикому полю,
как уходят суда океаном в иную страну.

Всё равно нипочём я не стану хрипатым и старым,
даже к смерти горбатой шаги мои будут легки.
Нужно жить расточительно, с барским размахом! Недаром
ослепительно густо синеют в полях васильки.

* * *

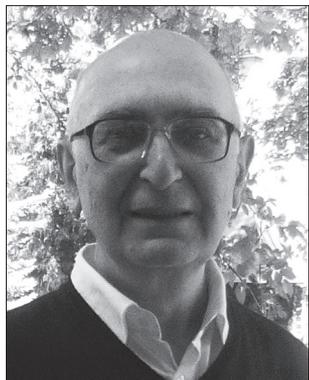
Человеку оплот подобает зелёный,
человеку потребны свобода и роздых.
Я кричу, как юродивый и прокажённый,
беспокойное сердце болит о берёзах.

А сосед мой не слышит язык леса птичий,
не выносит тоски своенравной старинной
и который уж час заунывно талдычит
об удобных замерах сухой древесины.

Если ж водки распить с ним хотя бы пол-литра,
станет видно: и он — человек не без сердца.
Предпочтений людских широченна палитра,
и однако же в каждом высокое теплится.

Пальцы радостно просятся перекреститься;
заходящее солнце румянится косо.
Как же в меры, что выдумал мир, уместится
неземная и светлая грусть о берёзах?

На проклятый вопрос не ответит эпоха,
или дружно объявят меня сумасшедшим.
«Нужно жить и страдать до последнего вздоха»,
— жаром губ сумасшедшим берёзы мне шепчут.

Об авторе

Гиршгорн Вадим Моисеевич, канд. техн. наук, работал вед. науч. сотр. во ВНИИ полимерных волокон, специалист в области мембранной технологии.

О, РУСЬ МОЯ!

Вальс «На сопках Манчжурии»

Девяностые годы. Я на площади Курского вокзала. Бегущие по своим делам в повседневной поношенной одежде люди. Рядом стоят горожане, продающие домашний хлам, чтобы добыть хоть немного денег. Моросит осенний дождь. И вдруг вижу группу музыкантов с духовыми инструментами, в куртках, блестящих от дождя, и мокнувших кепках, которые начинают играть забытый вальс «На сопках Манчжурии».

Меня посещает видение. Догорает вечер, быстро переходящий в летнюю южную ночь. Недалеко от моря на площадке, окруженной кипарисами и свечками тополей, играет военный духовой оркестр. Свет фонарей вырывает из темноты ветки деревьев и летающую тропическую мошкару, стрекочут цикады. 1952 год, мне пять лет. Я слушаю оркестр, но главное — жду, когда последним будут исполнять вальс «На сопках Манчжурии». Родители рядом, они разрешают мне остаться до окончания выступления оркестра. Начинают играть вальс. Льет грустная мелодия военного отступления. Наверное, только в первые годы после Победы страна позволяет себе вспомнить о поражении в русско-японской войне 1905 года.

И вот середина девяностых годов. Таким ярким воспоминанием на меня накатывает эта счастливая картинка детства, при-

шедшая через мелодию вальса. По сути вальс рассказывает о тяжелой странице нашей истории. Тоже происходит и сейчас, моя страна терпит поражение, происходит отказ от выбранного пути. В семьях стрессы и разлады из-за материальных осложнений. Эти проблемы не проходят и мимо меня. Может, что-то и надо менять, но ведь не так, по-живому.

Уже ушел в иной мир мой отец, нет и мамы. Раньше отец работал в министерстве легкой промышленности. Он разрабатывал техническую политику шелкоткацкой отрасли и несколько десятков крупных предприятий страны работали слажено. Теперь значительная часть их оказалась в других государствах, а оставшиеся, скрепя зубами, выживают, придавленные конкуренцией китайского ширпотреба. Уже на пенсии, в перестроечные годы, отцу предлагали войти в руководство одной частной корпорации. «Попробуй, папа!» — говорю я. Он отказывается. Понимаю: отец привык работать на социализм, на людей. Я, как и отец, привычен работать на государство, но оно отозвало свои полномочия. Моя редкая специальность, как и у многих других людей, уходит в небытие. Остается неквалифицированный труд и торговля. Что ж, я не белоручка.

Станным светлым воспоминанием звучит вальс. Несмотря на дождь и мокнущие ноты, оркестранты продолжают играть. Я кладу им мелкие деньги за пробужденную во мне светлую память. Буду ли я еще счастлив? В иной жизни — несомненно, в этой — вряд ли. Разве что прожить еще очень долго, и тогда все произошедшее станет грустной страницей жизни.

19 марта 2016 г.

История и мистика

Недавно я попал на праздничное застолье, где собралось много новых для меня людей. Было весело. После нескольких тостов мой сосед по столу ощутил себя созревшим поговорить о чем-нибудь в мировом масштабе. Подумалось: услышу анекдот. Однако на удивление разговор получился довольно необычный.

«Вот говорят, — заявил сосед, — единая цивилизованная Европа! Да никогда этого единства не будет, потому что Западная и Восточная Европа как в зеркало друг на друга смотрят:

Только у нас Ермак пошел завоевывать Сибирь — англичане тут же стали колонизировать Америку.

Только на Западе Варфоломеевскую ночь гугенотам устроили — смотришь, и у нас Раскол.

Только английские колониальные войска побежали из освободившейся Америки — тут и из России армию узурпатора Наполеона погнажи.

И все это в историческом масштабе практически одновременно, максимум разрыв в 30 лет.

Только у них Парижская коммуна, глядишь, — и у нас баррикады 1905 года».

— «Выходит, — спросил я, — Гитлер свое глупейшее решение воевать на два фронта, и с Англией, и с СССР, принял для сохранения симметрии судьбы Западной и Восточной Европы?» — «Да в том то и дело! Мистика какая-то! Логика здесь нет! — продолжал сосед, — Раз у нас Союз разделился на государства СНГ, значит намедни и англичане тоже отделяются от ЕС и голосуют за выход страны из Общего Рынка. Разбежаться так разбежаться! Как говорят, птица истории должна махать двумя крыльями. Поэтому Россия никогда с Западной Европой не сольётся!» — «То-то Вы, не сливаясь с Европой, подливаете шотландское виски!» — заметил я. — «Все верно, — ответил сосед, — а на Западе популярна русская водка! Опять симметрия!» — «Убедил!» — Я приподнял свою рюмку и чокнулся с ним.

1 июля 2016 г.

В лесах и на горах, 21 век

У меня, городского жителя, с детства оставалось и через всю жизнь прошло доброе воспоминание о прежней российской деревне. Ведь после войны ещё не было дачных садовых товариществ, кооперативов, и горожане чаще выезжали в отпуск в деревню, окунались в тамошнюю жизнь.

Сейчас многие деревни и сёла вымерли. Тому причиной изменение жизни общества. Раньше всякое поселение кормило себя и город, а теперь производство продуктов ушло в крупные пригородные полевые и тепличные хозяйства, птицефермы, в большие зерновые хозяйства на юге России, в фермерские наделы.

Однако, недавно я побывал в селе, которое живо до сих пор. Оно стало иным, чем раньше, но живёт своей особой, духовной жизнью. Думаю, можно сказать, что оно сохранило и упрочило себя. Это село на берегу Волги затерялось между Угличем и Рыбинском в приволжских лесах. В прежние времена кормило себя тем, что грузили на волжские пароходы топливо. Вагонетки подходили к кромке воды, трюмы заполнялись углём.

Село и прежде было небольшим, дворов двадцать. И сегодня сохранилась его прежняя планировка: на сельской площади стоят избы, которые и ныне, через сто лет продолжают именовать домом священника, домом пономаря, хотя служители там не живут. Храм порушен, но остался небольшой холм, бывший основанием церкви. Это место и теперь светлое: наверное, благодаря геологическим разломам в толще холма из него восходит вверх поток энергии, — так и должно было ставить церковь. Поэтому и кладбище рядом не выглядит мрачным, а просто местом покоя. Места первозданные: воздух чистейший, вдоль дороги, ведущей к селу, на снежных сугробах следы лосей, лисиц, зайцев.

Коренных жителей осталось немного, но это не значит, что село умерло. (Кстати, в Москве и Петербурге тоже остаётся мало коренных жителей, но жизнь этих городов, их история продолжается.) Чем же занимаются эти жители села? Кто-то обслуживает сельчан: поставяет дрова, очищает трактором дороги от снежных заносов, кладёт печи, строит. Кто-то работает в близлежащих городках, благо, пройдя лесом пару километров, выходишь на автобусные остановки регулярного межгородского сообщения. Бывает сельчане остаются по месту работы все трудовые будни, но на выходные возвращаются домой.

А кто же стал новыми жителями села, кто «понаехал»? В основном это москвичи, живущие на два дома: и в селе, и в Москве. Вы удивитесь! Это научная интеллигенция, за плечами которой МГУ и другие ведущие вузы Москвы.

Чем же не устроили их подмосковные дачи, санатории? Почему здесь живёт дошкольные годы, школьные каникулы и праздники младшее поколение семей? Наверное, у духовно зрелых горожан есть потребность вернуться к укладу жизни, из которого вышли они сами, либо их предки.

Нет возможности на дачных участках и в посёлках подмосковья поселиться поблизости семьям детей, а здесь дети ставят свой дом рядом или через дом-два от своих родителей. Нет на дачных

участках намоленных мест, а здесь развалины храма соседствуют с площадью села, на которой в день церковного праздника Иоанна Воина (а порушенный храм был посвящен Иоанну Воину) ставят столы и празднуют всем миром сельский праздник.

Многие земельные наделы, на которых поставлены срубы, спускаются прямо к прибрежной полосе Волги. Всем она видна. И чувствуется дыхание-пульс самой важной артерии страны. Центр России здесь! Как же не прийти, не поселиться, не притянуться к этим местам. Это село потеряло производственную принадлежность, но сохранило традиции, уклад жизни.

Сейчас первые числа марта, весна. Темнеет, изливается на поверхность через разломы льда волжская вода, смотрит на Свет Божий Волга. Она и подо льдом живёт, даёт силу окружающей природе. На другом берегу виднеется село с двумя храмами, с летней и зимней церковью. За ними — панорамой небо. Вечно меняющееся, расцвеченное то солнечным светом, то закатами, то войлоком туч-облаков.

«Гляжу в тебя Волга седьмой десяток лет», — поётся в песне. Не часто бываю на Волге, но почему-то кажется, что это и обо мне.

6–7 марта 2017 г.

ВРЕМЕНА ГОДА

Моя музыкальная весна

В юности первые мои самостоятельные поездки по Москве были связаны с обучением игре на фортепиано. Особенно мне были приятны весенние поездки на занятия: тепло, солнце, появляется зелень на деревьях; в руках у тебя легкая музыкальная папка, сероголубой школьный китель ловко сидит на плечах, охраняя от ветерка. Это было в конце 50-х годов, я брал уроки у Елизаветы Михайловны Лапиной. В дореволюционной Москве было две сети булочных: Филипповых и Лапиных. Елизавета Михайловна была из рода знаменитых булочников.

С малых лет она росла в музыкальной среде Серебряного века и стала известным музыкантом. Консерваторию она окончила по классу виолончели. Но это не мешало ей играть на фортепиано в четыре руки с Зилотти (помните знаменитую польку Зилотти?) и аккомпанировать певцу Леониду Собинову. В отличие от Лемешева и Козловского, прославившихся в СССР в годы политической обособленности страны, их предшественник Леонид Витальевич Собинов имел не только российскую, но и международную известность, представляя уникальный феномен русского лирического тенора на сценах европейской оперы в Италии, в Испании, Франции.

На фортепианных уроках я погружался в музыкальную атмосферу начала 20 века.

— В Мариинском театре, — рассказывала учительница, — Ленского пел известный тенор Фигнер, который исполнял партию юного лирического героя, но отказывался расстаться со своей бородой. Многие любители оперы, не найдя управы на него, жаловались царю. Желая разрядить ситуацию, на доносы царь наложил резолюцию: «А чёрт с ним, пусть поёт с бородой!»

Елизавета Михайловна угощала меня дорогими конфетами из красивых коробок. Я торопился отправить конфету за щёку.

— Шоколадные конфеты надо есть, откусывая маленькие кусочки, — поправляла меня преподавательница.

Для лучшего исполнения во время игры на фортепиано она заставляла меня напевать мелодию пьесы. Как-то будучи тридцатилетним человеком, я пришел на концерт в училище имени Гнесиных. Тогда молодой, но уже известный пианист Николай Пе-

тров играл Шопена. В зале сидело не больше 15–20 человек, и было слышно, как музыкант потихоньку напевает исполняемые мелодии. Такой подход к музыкальному произведению меня не удивил, я знал об этом исполнительском приеме.

Уже в 90-е годы я посещал музыкальные концерты в зале имени П. И. Чайковского. В перерыве в фойе выступала музыковед: рассказывала о жизни и творчестве композиторов. Я решил узнать у неё: осталось ли в истории российской музыки имя моей учительницы.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я, — Вам известна Елизавета Лапина?

— Елизавета Михайловна Ростерн-Лапина? Конечно, это известное имя.

Казалось бы, события жизни остаются в прошлом, но иногда я ловлю себя на том, что ем шоколадные конфеты, откусывая маленькие кусочки, и тогда вспоминаю Елизавету Михайловну. Музыкантом я не стал, но всю жизнь слушаю классическую музыку. В этом году весной я впервые привел свою шестилетнюю внучку в консерваторию. Она внимательно слушала музыку и потом выразила твердое желание приходить на концерты. Это будут ее первые дальние поездки по Москве (пока со мной) и тоже для знакомства с музыкой.

В фойе я буду угощать её шоколадными конфетами и расскажу как правильно их есть. Надо не забыть обязательно ей это рассказать.

Октябрь, 2016 г.

Доброта

Божьей милостью у меня есть внучка, дочь моего сына. Теща сына как-то показала девочке свою фотографию в молодости и спрашивает: «Твоя бабушка была красивой?» — «Да», — отвечает шестилетняя девочка. — «А сейчас красивая?» — «Нормальная», — резюмирует девочка. Все смеются, узнавая про такой ответ. Он очень тактичен, ребёнок уходит от прямого определения.

Признаться, я пытался выяснить какими словами будет говорить со мной внучка о внешности бабушки и наводил разговор на эту тему, но она сдержано с сожалением ответила, что «бабушка сейчас не совсем такая красивая, как была в молодости».

Недавно девочка побывала на работе у мамы, и в коллективе ей понравилось. На вопрос «почему?» она отвечает, что там она заработала двести рублей. Когда мамыны сотрудники спросили: «Как ты их потратишь?» — Она ответила, что будет собирать на пластическую операцию бабушке. — «Прикалывается!» — прокомментировал отец девочки.

Конечно, я могу ошибаться, ведь в детях возможна какая-то толика лукавства, не отрицающая общего положительного настроения, но думаю, что внучка искренна. Проблема возвращения бабушке былой ее красоты не оставляет малышку, хотя об этом ей никто не напоминает. О том что такое желание неподдельно, говорит и вся ее манера общения: характер у девочки что называется без «двойного дна», — она искренне смеется, играя со сверстниками, с улыбкой здоровается и общается при встрече. Сейчас она со своим денежным сбережением в пользу бабушки немного напоминает мне муравья, который, не осознавая объема предстоящей работы, таскает хворостинки, потому что так надо. И я начинаю понимать, что в условиях юмористической для взрослых ситуации внучка, не осознавая того, дает нам урок чистоты детского мышления. Я чувствую, что, благодаря мыслям и намерениям девочки, меня посещает редкое состояние счастья от сознания родственной причастности к этому маленькому человечку. Ну что еще лучшее можно познать в этом мире?

12–13 апреля 2016 г.

Об авторе

Родилась в Ленинграде. Окончила Технологический Институт имени Ленсовета, химический факультет. В Москве живу с 1958 года. Работала в Институте органической химии имени Н.Д. Зелинского РАН в лаборатории, по окончании Института Патентоведения работала в патентном отделе ИОХ РАН. Опубликовала 4 сборника стихотворений. Есть публикация в австралийском журнале «Русская мозаика», в литературном альманахе «Третье дыхание».

О, РУСЬ МОЯ!

Посвящение протопопу Аввакуму

Давно заброшенное кладбище
И деревянная церковка...
Стада туристов, как на пастбище,
Тропу протаптывают ловко.

Мальчишка, вольница зелёная,
Качнул подгнивший крест раскольничий.
И показалось, слышу стоны
И гулкий гомон колокольный.

Но показалось... Тихо спят
Когда-то крепкие и сильные,
И камни тяжкие лежат
Замком на их груди могильной.

Здесь берег крут и травы дикие,
Внизу — уснувшая Протва.
И деревянные, безликие
Кресты, стоящие едва.

И сердце в ужасе застыло,
На миг костра услыша вой.
Века прошли... Но это было,
Хоть поросло бьельём-травой.

* * *

Россия старая и новая...
Что общего у них — снег и язык.
Зима красива, но суровая,
Ауканья в лесу не слышан крик.

А слово тихое и нежное,
Что ласково шепнул родной язык,
Согреет в стужу белоснежную,
И праздник радости в душе возник.

О, сколько бед снегами запорошено,
Не сосчитать погубленных людей,
Не за что сгинувших. Заброшенных
Талантливых и нужных нам идей.

Ты — Мать, родной язык, кириллица,
Спасала в рудниках и на войне,
Защитница земли, кормилица,
Всегда, как мама, помогаешь мне.

* * *

В Петровск, в Петровск...
Бежит дорога,
Зовёт дорога,
Машина мчится
Во весь опор.
Ещё немного,
И у порога
Замрёт от счастья
И наш мотор.

В родимом доме,
Хоть на соломе,
Так сладко спится
И сладко есть.
Как жаль, что нету
Тех, чьи приветы,
Для нас и радость,
И наша честь.

Весна проснулась
И улыбнулась,
Набухли почки,
Мы ждём листву —
Весны ребёнка,
И очень звонко
Разносят птицы
О том молву.

Пока дорога
Ведёт не к Богу,
Весной мы едем
Одним путём.
И пусть он длинный,
Спеши, машина,
Туда, где ждёт нас
Родимый дом.

Памяти Юрия Гагарина

В сердце рану самолёт протаранил.
Погиб Гагарин, погиб Гагарин!

Многих хороним, не зная имён.
Слишком многих. Зачем же и он?!

С весеннего неба в тепло проталин
Упал Гагарин, упал Гагарин...

В каждом доме горе клубком.
В траурном звоне: «Зачем же и он?»

Вспомним в апреле киржачьи гари.
Здесь твои крылья лежат, Гагарин.

И как в апреле цветами задарен,
В стене кремлёвской лежит Гагарин.

Памяти Владимира Высоцкого

О чём он пел, когда газеты врили?
Нам рассказал об этом микрофон,
Который сделан был из прочной стали.
Актёр, к несчастью, был приговорён.

Ну сорок два, какой же это возраст,
Чтоб кануть в Лету вдруг и навсегда,
Ведь у него был самый главный козырь —
Он был талантлив, ни при чём года.

Народом принят был роднее сына.
И сквозь цветы пролёт последний путь.
Печаль и боль — прощальная картина.
Он олимпийцем был. И в этом суть.

90-е годы

Во сне меня преследует народ,
Давно не получающий зарплаты,
Живущий тем, что дарит огород,
И на одежды ставящий заплаты.

И всюду тень сумы, тюрьмы и смерти,
Без слёз об этом думать не берусь.
В помойках копошащиеся дети...
И стонет наша старенькая Русь.

Памяти Эрнста Неизвестного

Ушёл сегодня в мир иной,
В мир вечности своих творений.
Не понят был своей страной,
Теперь же признан всеми — гений.

И золотая голова,
Как тот початок кукурузы,
Хранит в молчании слова
Руководителя Союза.

Эрнст в жизни нашей был весной
Для молодого поколения,
Был ветром свежим и струной
Души высокого стремленья.

Звонит во все колокола
Печаль. Земля осиротела.
И в мир иной сквозь зеркала
Заглядываю то и дело.

Его дороги светел путь.
Орфея вырванное сердце
Стучит в мою больную грудь.
И никуда теперь не деться.

* * *

Родные берега. Песок обетованный,
Живёт здесь память молодости давней.
Всё те же станций имена.
О, как давно на самом деле
Для нас здесь птицы песни пели,
Светили солнце и луна.

И воздух Финского залива
Спокойно и неторопливо
Поил нас запахом сосны.

Но жизнь уносит вдруг с волнами
Куда? Зачем? Не знаем сами,
И это всё теперь лишь ты.

На шёлке голубых небес
Фонтаном корабельный лес,
Сверкает золотом берёза.
И я качаю головой:
«Ах, Боже мой! Ах, Боже мой!»,
Метаморфоза...

Вспоминая...

Мы с тобой не попали под пули,
И отцы не погибли в боях,
Но ранений войны не минули —
Эта боль живёт в наших сердцах.

Я склоняюсь у каждой могилы
В деревнях и в блокадном снегу.
Словно всех их сама проводила,
А вот встретить нигде не могу...

* * *

Я частенько вспоминаю:
Были дети мы когда-то,
Жизнь водила нас по краю,
А за краем шли солдаты,

Нас собою закрывая.
Чтобы жили мы и были,
И теперь, не забывая
Этой страшной чёрной были.

Жизнь идёт, меняя даты
И сменяя поколенья.
Будем помнить вас, солдаты,
Вечной памяти моленье.

* * *

Душой желаю материнской
Тебе, мой сын, не знать войны!
Но помни боль земли российской,
Родной и милой стороны.

Уйдут в историю, в архивы,
Года, дела. И старики.
Живи всегда, мой сын, счастливо.
Но помни их — Фронтовики.

Была нелёгкой их дорога.
И тяжёк труд, и краток путь.
Когда ты в жизнь шагнёшь с порога,
Об этом, сын мой, не забудь.

* * *

Мой Ленинград! Неужто ещё мало
Тебе: в тридцать седьмом, в войну, в блокаду...
Мы помним всё, что было и что стало,
И был не рай, но стало ближе к аду.

Мой город Ленинград, любимый, славный,
Ты был мне другом и родным крыльцом.
В судьбе моей всегда был самым главным,
И доброй школой, матерью, отцом.

По мне ударило тем страшным взрывом,
Душа болит, не выразить словами.
И сердце рвётся, плачу я с надрывом...
О, Петербург, с тобой я там, я с вами.

* * *

Я не смогла бы жить нигде,
Кроме родной моей России,
Хоть не найдёт никак Мессию
Ни в радости, да и в беде.

Как солнце, ливни и снега,
В моём краю есть то и это.
Но мне теплей не надо света,
И слаще нет мне пирога.

Душа и память дорога
Родных, кто близко, кто далече,
И так знакомой с детства речи,
Земли родимой берега.

Родителей моих могил
Мне не забыть и не оставить,
На веки вечные то память —
Кто был любим и кто любил.

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Хмурым утром ранняя весна
Заиграла в зелёные трубы,
Засверкали вдруг алые губы
И глаза после зимнего сна.

Взгляды голодны — серые волки,
Им улыбка, что свежая кровь.
И срывают одежды и толки,
И вопросом изогнута бровь.

И беременны почки листвою,
Воздух светом, надеждой мечты
И разносится птичьей молвою:
— Я и ты, я и ты, я и ты.

* * *

Дни бегут, за ними месяцы.
Вот опять пришла весна.
Золотое солнце свесилось
У открытого окна.

Ветер шепчет что-то нежное,
Занавеску теребя,
Небо синее, безбрежное.
Жаль, что нет со мной тебя.

На земле пора цветения,
Птицы песнями звенят.
Безрассудное, весеннее
Настроенье у меня.

* * *

Ах, липы сумасшедший аромат!
Он обнимает душу и тревожит.
Кто гимн тебе прекрасный сложит,
Июнь, июнь — цветущий сад?

Увы, не я. Хотя полна
И благодарности, и рвенья,
Любви, восторга, восхищенья,
Июнь, июнь — моя страна!

Ты в перламутровой ночи
Мне подарил благословенье.
Прими, июнь, моё почтенье,
Как я — огонь твоей свечи.

Ах, липы сумасшедший аромат!
Он в дом влетает радостью, мечтами,
Как этот летний день цветами,
Июнь, июнь, душистый сад.

* * *

Лета жаркая пора,
Пахнет скошенной травой,
Что стрижёт машинка с воем
Днём и с самого утра.

Птичьи песни ловит слух
Меж ветвей в лесу и парках.
Нынче что-то слишком жарко,
Перехватывает дух.

Над землёй летает пух —
Ищет место приземленья,
Жизни вечной продолженья,
Так же, как любой лопух.

Воздух раскалён и сух,
Пух летает — аллергия.
А кому-то — ностальгия
Перехватывает дух...

Тебе

Ну, поедem в лес осенний,
Где берёзка золотая,
Где смущаясь и краснея,
Лист осиновый слетает.

В серебристых паутинках
В свете солнечном горят
Разноцветные росинки
Миллионами карат.

Пламенеет на поляне
Клён, маня своим костром,
В дымном, ветреном тумане,
Устилая всё ковром.

Речка тихая крадется
 Между ивовых кустов,
 Ручеёк бежит — смеётся,
 В речку прыг — и был таков.

Головой сосна качает,
 Прислониться к ней плечом...
 У костра напьёмся чаю
 И картошки испечём.

Фонари зажгла рябина,
 Красно-рыжие огни,
 В тишине глухих тропинок
 Будем мы с тобой одни.

Ну, поедem в лес осенний,
 Воздух льется, как вода.
 На денёк, на воскресенье,
 Скоро грянут холода...

* * *

Пахнет сыростью и прелью
 Осень позднею порой.
 Ах, как долго до апреля...
 Грустных мыслей кружит рой.

Пусто поле, голый лес,
 Серый дождичек с небес.

* * *

Пришёл февраль. И замела метель.
 Поземка норовит опутать ноги.
 Спешу сквозь ветер вдоль дороги,
 И сердце хочет соскочить с петель.

И, задыхаясь, наполняюсь снегом,
 Душа вдруг обрастает льдом,
 Но думаю я не о том,
 А что заняться надо бегом,

Поменьше сладкого, мучного,
 И похудеть, помолодеть,
 И что-то модное надеть,
 И сна спокойного ночного.

Пурга кружит, как карусель.
 И глупых мыслей безмятежность
 Сдувает вихрем белоснежным
 Метель, метель, метель, метель.

* * *

А. С.

Была зима. И падал снег.
 И фонари светили звёздно.
 И было очень, очень поздно.
 Но впереди был целый век.

И вот летит он, этот век.
 Уже видны его границы.
 И потому ли, что не спится,
 Усталость сердца, тяжесть век?..

Сегодня, слушая твой смех
 И голос мягкий и серьёзный,
 Я вдруг припомнила морозный,
 Прекрасный, белый, чистый снег.

Ирина Ильина (Михайлюк И. К.) родилась и живёт в Москве. Окончила экономический факультет МИИТа, работала в космической отрасли, затем преподавала экономику. Поэзия присутствует в её жизни с детства, но печатается — с 1997 года, с 1998 — член МГО СП России, литературного клуба СП «Московитянка», позже — ЛИТО на Пречистенке Центрального дома учёных. За это время вышли в свет 10 поэтических сборников, основная тематика которых — философская лирика, принимает участие и в коллективных изданиях СП. По приглашению с творческими визитами была в Грузии (дважды), в Украине, в Словакии, в Австрии. В настоящее время эпизодически принимает участие в сборниках и творческих вечерах ЦДЛ, ЛИТО ЦДУ и библиотек Москвы. Её деятельность отмечена дипломами, медалями и почётной грамотой СП России «За вклад в российскую культуру».

О, РУСЬ МОЯ!

Россия

Где-то тихого звона уснут бубенцы ледяные,
 Растворяя в ночи несказанную сердца печаль.
 Разметалась по свету огромная пёстрая шаль,
 И снега укрывают узоры её расписные.
 А зовётся она величаво и звонко — Россией,
 За великой мечтой устремлённую в синюю даль.

* * *

Серебро развесила матушка-зима,
 Дымкой занавесила сонные дома.
 Тихо и торжественно движется рассвет,
 Краше русской зимушки в целом свете нет!

Об авторе

Тишина

Тишина, такая тишина,
 Словно онемело все живое.
 В небе ясноликая луна
 Усмиряет царство непокоя.
 Захлебнувшись вязкой тишиной,
 Приумолкли на гнездовых птицы,
 Под такой торжественной луной
 Им негоже петь и суетиться.
 Даже ветер, шельма и гонец,
 Усмирил свой норов у порога.
 Кажется, еще совсем немного —
 Благодать прольётся, наконец.
 Господи, какая тишина!
 Я не вспомню тишины такой.
 С неба молчаливая луна
 Шлет на души царственный покой.

А пока

Я — после — певчей птицей стану,
 А может, царственным орлом,
 И наш разбитый полустанок
 С небес покажется мне дном.
 А нынче каждая тропинка
 Мне в этом мире дорога.
 И в поле каждая травинка
 Сестрой мне кажется пока.

Деревенька

Деревенька обветшала,
 Дом за домом — скок — поскок.
 Словно мы ей дети малые,
 Приняла нас на порог.
 Вьётся речка синей лентою
 В кружевном уборе ив.
 Золотою крыты метою,
 Хороводятся кусты.

Убежала в небо рощица
 На свиданье к облакам,
 И душа за нею просится,
 Догоняет птичий гам.
 Отпущу её на выданье,
 Разгуляйся, свет-душа.
 Рано утром в поле выйду я...
 Эх, сторонка хороша!

Поклонюсь зелёным озимям,
 Речке с полем поклонюсь.
 Я сестра вам стала, вроде бы,
 Я сюда ещё вернусь!

С Алтайских гор

С Алтайских гор я привезу снега
 И розовое марево рассвета,
 И крылья, мной оброненные где-то
 И найденные снова на века.

С Алтайских гор любовь я привезу,
 Что, как дитя, доверчиво прекрасна,
 И всё меж нами снова станет ясно,
 И солнце засияет сквозь слезу.

И там, в горах, в прозрачной синей рани
 Или в холодном омуте дождя
 Я вдруг пойму, что я живу не зря,
 И эта запоздалость больно ранит.

С Алтайских гор я возвращусь иной,
 Поверившей в своё предназначенье,
 Отринувшей тревоги и сомненья,
 Что крались молчаливо вслед за мной.

С Алтайских гор я привезу ответ
 Молитве сердца, что ещё не спета,
 Святые строчки Вечного Завета
 И несказанный благодатный Свет.
 И всё придёт, чего так долго ждалось,
 Придёт и распластается у ног.
 И только выбирай из ста дорог
 Любую, чтоб по ней легко шагалось.

Разговор

Боженька, будишь меня — зачем?
 Миленький, хочешь сказать — о чём?
 Радость мою разделить ли — с кем?
 Душу мою раздавать — почём?
 Я о себе не спрошу — боюсь,
 Кажется мне, что живу не в лад
 С шалой волной, что накрыла Русь,
 Словно полночный лихой пират.

Ныне в толпе мирный дух не чтят.
 Весело мечут колоды в ряд.
 И из сумбура мирских стихий
 Редко, когда избирают стихи.

Боженька, я всё равно с Тобой.
 Я выбираю неравный бой.
 Сколько смогу, приму и отдам
 Света — в светлейший Храм!

Всё ушло

Всё ушло. Словно дождиком смыто.
 Всё ушло. И не стоит страдать.
 Я стою с головой непокрытой,
 Принимая в себя Благодать.

И рисуются в небе узоры
 На глубоком и мудром ковре,
 И плывут в небесах разговоры
 О тебе, обо мне, о добре.

Улыбнусь колокольному звону,
 По аллеям пройду в тишине.
 Как мучительно нежно знакома
 Эта тихая песня во мне.

Благодатным и светлым распевом
 Разливается радость в душе...
 И сама Богородица Дева
 Шлёт залогом прощенье уже.

На другом берегу

На другом берегу зеленее трава,
 На другом берегу кроны гуще.
 Ну, а мне не нужна никакая молва,
 Мне родимые дороги кущи.
 На другом берегу жарче солнца лучи
 И морская волна голубее,
 Ну, а мне в тишине подмосковной ночи
 Звёзды мудрые душу согреют.
 На другом берегу вереницы огней
 Зазывают пространной осадой.
 Ну, а мне лишь разбойник — шальной соловей
 Утром ранним рассыплет рулады.
 Но от щедрости той распахнутся поля,
 Ветер стихнет и дождик уймётся.
 А душа на нежнейшую трель соловья
 Тихой радостью вмиг отзовется.
 И пускай где-то там зеленее трава,
 Ярче солнце и сладостней пища,
 Но душа неумная всё же права
 В том, что счастье на родине ищет.
 На другом берегу я прожить не смогу.

Летний вечер

Летний вечер, дачная истома,
 Затихает утренний кураж...
 Прислонюсь к стене родного дома,
 Вот он, мой неколебимый страж.
 Здесь всегда мне распахнутся двери,
 Здесь тепло и в жалящий мороз,
 Здесь простятся все мои потери,
 Всё, что рок прожорливый унёс.
 А останется со мною рядом
 Только синеокая печаль.
 Ничего ей от меня не надо,
 Ничего из прошлого не жаль.

Всё пришло и всё ушло в забвенье,
 Как могла, так приняла судьбу.
 Не вернуть счастливые мгновенья,
 Не окликнуть встречу ни одну.
 Но взамен наполнят стены дома
 Звонкий смех, родные чудеса,
 Ведь душе так счастливо знакомы
 Юности задорной голоса!
 И пускай порою горькой нотой
 О себе напомним давний стон,
 Я не стану — судорожно — что там? —
 Вспоминать, и пусть уходит он.
 Летний вечер, дачная истома,
 Отшумела прошлого гроза.
 Тихий шорох навевает дрему
 На мои усталые глаза.

Волга весной

Река проснулась. Дышит, словно конь,
 И влажными губами лижет льдины.
 Она взыграла и её не тронь,
 Сомнёт за миг и унесёт в пучины.
 Какая мощь в беспамятстве воды,
 Какое ненасытное упрямство
 Катить свои свинцовые валы
 В непримиримом грозном постоянстве.
 Когда врагов несметная орда
 К её границам жадно подступала,
 Она поила силой города,
 И хищная армада отступала.
 Храни ж свою живительную мощь!
 Крепи свои Божественные силы!
 Ты Дух России, Волга, воплотила
 И никому его не превозмочь.

Отпуск

Деревенька Озерейка,
 Гор весёлая семейка,
 Туч упрямых хоровод,
 Словно стража у ворот.
 Утром солнце улыбнётся,
 Ночью дождичек прольётся,
 Да и каждых полчаса
 Удивляют небеса.
 Подводя всему итог,
 Море плещется у ног.
 Ливни, море и жара...
 Жалко — уезжать пора

Вечер над Волгой

Тихий вечер. И над Волгой,
 Над могучею рекой,
 Ходит — бродит сумрак долгий,
 Прячет лучик золотой.
 Птицы враз угомонились,
 Ветерок прошелестел,
 Ночь под ризой тёмносиней
 Проплывает в свой удел.
 Заключила всё в объятья,
 Запечатала уста.
 Спит людей шумливых братия,
 От дневных забот устав.
 Будет месяц желторогий
 Сторожить ночной покой.
 Словно ждёт кого-то, бродит
 В небе сторож золотой.

Тайга

Надо мною только птицы
 Разрывают облака,
 Солнце медленно ложится
 На кедровые верха.

Затуманились поляны,
 Прячут в травы грусть свою,
 Я тревожить их не стану,
 Тихо рядом постою.
 В этом царстве полудиком
 Властно правит тишина...
 Но внезапно чьим-то криком
 Вмиг разгневалась она...
 Разломалась... и тревожно
 Сотни разных голосов
 Отозвались осторожно
 На ворчливый скрип стволлов.
 Вековой покой нарушен...
 Разметался... снова сник...
 Я тайгу готова слушать,
 Как прилежный ученик.

Живи и пой

Живи и пой,
 пой и шагай —
 зовёт с собой
 любимый край!
 Зовёт с собой
 всё вдаль и вдаль,
 но ждёт там боль
 и крови аль.
 За каждый шаг
 плати сполна,
 чтоб с глаз спада-
 ла пелена.
 Чтоб сделать э-
 тот край любим,
 мы много све-
 та сотворим.
 И этим све-
 том осветим
 там дом один,
 там дом один!

А этот дом
есть Храм Души.
Зажги свечу,
молчи в тиши.

Пусть освещает
душу свет,
другого счастья
в жизни нет.
Ни в этой
жизни, ни в иной.
Живи со светом,
Бог с тобой!

В дороге

Здравствуй, розовое утро,
Здравствуй, снег на чёрных лапах,
Здравствуй, прелесть перламутра
На снегу и белых хатах.
Блики розовых узоров,
Стынь морозных разговоров.
Перелески, переправы,
Придорожные дубравы.
Кто-то нас переселяет
Под ревнивый стук вагонный,
Сном дорогу устилает
И считает перегоны.
Здравствуй, розовое утро.
Я глаза открыл в вагоне —
За окном Россия стонет
В ожерелье перламутра.
Здравствуй, утро, ты румяно,
От ветров немножко пьяно.
А за окнами, так близко,
Тянут руки обелиски.
Всё усыпано снегами,
Хороводится ветрами.
Перелески, переправы...
Может, в чём-то мы неправы?!

Старые улицы

Я по старым улицам бреду,
Словно в очарованном бреду.
В странной благодати старых мест —
Непонятный, неподвластный крест.
Я по старым улицам брожу,
Все приметы сразу нахожу,
Все вопросы пробую задать...
Чтоб на них потом и отвечать.
Вон томится тёмное окно.
Как печально замерло оно,
Как изящен стрельчатый обвод,
Сколько в нём томления... и вот...
Нет уже хозяев этих мест,
Нет ни их друзей, ни их врагов.
Но неслышно теплится окрест
Трепет этих душ, как вечный зов.
И во мне живущая душа
Вдруг затрепетала в унисон.
Я брожу, не веря, не дыша
И боюсь разрушить этот сон.
Как светло, как сладостно душе
В радостном неожиданном вираже!
В странной благодати старых мест
Мой извечный, мой прекрасный крест.

Мой город

Мой город... орхидеи дыма
Пасутся злом необоримым
В твоих распахнутых очах.
И всё отдельно, всё едино,
И умыслов твоих глубины
Прозрачны в призрачных лучах.

Промят, окалиною выткан
Твой лик в оправе трёх колец.
И наработанною пыткой
Вопрос: — «Ты, город, кто — юнец,

Старик, безумный небожитель,
Бездомный праведник, пророк?..»
По чёрным венам — кровотока
Непредсказуемых событий...

Бегут размытые пространства,
Переменяясь пустотой...
Пустыня одиноких странствий,
Рассадник судеб, город мой.

Кончезеро. Карелия

Незакатное солнце гуляет за тихим порогом,
Словно день растянулся на долгую тысячу лет.
Только сосны да камни, которые помнят так много,
Да цепочка озёр, словно вечностью пролитый след.
Разноликие мхи разметались блаженным покровом.
Видно, их приручает какой-то шальной фантазёр
В этом царственном крае, таком безмятежно суровом,
В этом древнем покое пречистых прозрачных озёр.

Жить!

Ради этих рассветов, ради этих закатов,
Ради тропки, стыдливо спешащей куда-то,
Ради серого, слёзы дарящего неба,
Ради поля, что снова беременно хлебом —
Жить!
И, отбросив с души горький пепел сомнений,
Веря в бешеный ритм разносортницы мнений,
В истерически замкнутый абрис познания,
Где тебя стерегут тупики пониманья —
Жить!

2017

Об авторе

Москвичка. Художник-живописец.
Член Международного Художественного фонда. Участник выставок в России и за ее пределами. Работы приобретены частными коллекционерами Германии, Франции, Японии, Италии. Проза опубликована в периодических изданиях.

ВРЕМЕНА ГОДА

С любовью к Господу

Родилась я зимой. Стрелец. А люблю весну. Ощущаю ее с первым ярко-голубым небом, пульсирующим всеми цветами радуги солнышком. В воздухе аромат и музыка — Вивальди и Чайковского — Времена года.

Оттаиваю и обязательно влюбляюсь.

Как-то в раннем детстве задумалась — а почему бы каждому времени года не продолжаться целый год!?

Тут же представила медведя в берлоге, сосущего свою лапу и... ужаснулась — да ведь он ходить разучится!!!

С тех пор прошло много лет, зим, осеней и весен.

Работаю преимущественно с натурой. Пишу пейзажи, цветы, не чураюсь графики и прикладного искусства в интерьере.

Поступил заказ на декоративную ширму. Объявили конкурс. Художественный совет выбрал мои эскизы — триптих «Времена года». Заказчик обратился с просьбой — чтобы случайно при перевозке не повредить работу — разрешить мне работать у него дома в Риге.

Удивительное совпадение — приступила к работе в первый день весны.

Центральная вставка — фигура осени и зимы на фоне пейзажа с силуэтами темных стволов деревьев, обнаженных от листвы.

Еще вчера осень любовалась своим отражением в воде. Зима легким движением коснулась ее и осень замерзая превратилась в сосульку, каплями воды стекая в омут. Зима не торжествует. Грядет весна и сама зима превратится в тающую сосульку.

Слева от центральной вставки — юная с длинными развевающимися золотистыми волосами идет по лесному ручейку босиком весна! Куда наступит — там появляются первые весенние цветы — подснежники и анемоны. Над ее головой порхают птички, вьются бабочки, чувствуется аромат молодой весны.

Вживую слышу музыку Вивальди и Чайковского — Времена года — за фисгармонией хозяин дома, заказчик ширмы. Работа окончена.

Послесловие

«Весна единственная революция которая на этом свете — достойна быть и всегда имеет успех». Федор Тютчев.

Об авторе

Поэт. Родилась и выросла в Ленинграде. Инженер. Любовь к поэзии привила — мама, педагог по образованию и призванию. Первые стихи были написаны в семь лет. В 2004 году в издательстве «Линор» вышла книга стихов «Год любви». Печаталась в газетах и журналах, таких как «Родники», «Факт», «Вокруг смеха».

О, РУСЬ МОЯ!

Россия 2000

Как страшно за Россию,
 За нищих и убогих,
 О них забыли Боги
 И кормчие страны.
 И ходят россияне,
 Партийцы и миряне,
 Кто в золоте, кто в рвани,
 Бедой окружены.
 И никому нет дела,
 Как сильно поредела,
 Дойдя до беспредела,
 Российская земля.
 И длинной вереницей
 Поток калек струится,
 Уже устав стыдиться,
 О помощи моля.
 На рубеже столетий
 Господь страну отметил
 Своею длинной плетью
 За прошлые грехи,
 За беды и напасти,

Когда людское счастье
Сгорало в одночасье
От росчерка руки.
По чьей вине в России
Господствует насилье,
И корчится в бессилье
Измученный народ?
Мир словно перекошен.
Когда старик заброшен,
Ребёнок не ухожен,
Куда страна идёт?

2000 год

* * *

В твоей истории, Россия,
Бесценна каждая глава.
И боль, и скорбь переносила
С тобою древняя Москва.

И пела гимны, побеждая
Своих врагов во все века,
И хлебом-солью тех встречая,
Кому святая Русь близка.

И разливались по округе
Кремлевских звонниц голоса,
Крестом взлетали кверху руки,
Светились верою глаза.

Живи, Москва! Сверкай огнями
Своих просторных площадей.
Сияй на солнце куполами
Старинных башен и церквей.

Будь вечно юной и спешащей
Навстречу солнечной весне.
И лучик счастья настоящий
Пошли со Спасской башни мне.

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Подошвы топчут снег,
А он скрипит от боли,
Завидую пушистому под елью,
Насыпанному ветреной метелью,
И отдыхающему в этой роли.

Когда ж весна войдёт в свои чертоги,
Подошвы талым снегом омывая,
Под елью куча снежная, сырая
Завидует ручьям,
журчащим вдоль дороги.

* * *

Непохоже на весну...

А весна.

И качает мрачно кроной сосна,
Крик вороний оглашает поля,
И травой не прорастает земля.

Непохоже на весну...

Солнца нет.

То не лес стоит, а чёрный скелет.
Он собрал остатки сил, а весна
Не желает пробуждаться от сна.

Только утром кто-то ветру шепнул:
Ну-ка тучи разгони, ишь, уснул.
Преврати их в перья птиц, в белый дым,
Сделай небо из седого голубым.

Как-то сразу ветер щёки надул,
С высоты своей на землю взглянул,
И давай гонять, кружить облака,
Вдохновенно бахромя им бока.

Лето в Хорватии

Острова, как тарелки с салатом
 На столе бирюзового цвета.
 Сверху диск тёмно-бурым томатом
 Тихо катится к краешку света.
 А у берега белые чайки,
 Словно важные гости, надменны.
 И рыбёшки сбиваются в стайки,
 И темнеет вода постепенно.
 А вокруг тишина и безлюдье,
 Передышка у хитрой погоды.
 Словно всё это — только прелюдия
 К грандиозному пиру природы,
 Когда море бурлит и клокочет,
 Недовольное тем, что волна
 Покорить острова его хочет,
 Грациозна, надменна, пьяна.

Июнь на Селигере

Дождь льёт неделю беспрестанно,
 И непоседы пузыри
 По лужам пляшут неустанно...
 Нет ни заката, ни зари.

И, кажется, что небо плачет,
 То затихая, то навзрыд...
 И струи меж собой судачат —
 Кто не умыт?
 Кто не умыт?

* * *

Горький запах хризантем — осени примета.
 Это значит, что совсем отгуляло лето.
 Лишь скользнуло по листве солнцем напоследок,
 И осталось на траве платье голых веток.

Осень на озере Рица

Как описать мне этот желтый цвет?
 Я думала, такого не бывает.
 А он янтарным блеском полыхает,
 Окутывая землю, как браслет
 Опутывает руку. Красота
 Восторгом буйным заползает в душу...
 Расщелина становится всё уже
 И камни дна скрывает темнота.
 Вершины гор пока освещены,
 Зелёный цвет перебивает красный...
 Весь этот мир создали не напрасно
 Те Боги, что Абхазии верны.

* * *

Когда осеннею порою лист ласкает
 Подругу-землю, он не понимает,
 Что всё не вечно.
 Стужи покрывало
 Её укроет, и любовь пропала...
 Но верю я, что хрупкий стебелёчек,
 Набрав под снегом воздуха глоточек,
 Весною сможет голову поднять,
 А осенью свой лист земле отдать.

* * *

Красота какая! Жёлтый клён
 Рядом с красной гибкою осинкой.
 Ветер, словно тонкой парусиной,
 Листьями играет. Ласков он.
 Не спешит сменить земли окраску.
 Паутина в воздухе парит,
 А над лесом птичий клин манит
 Улететь совсем в другую сказку.

* * *

Стихи не пишутся. Дождина льёт колючий.
А мысли рваные, как пасмурные тучи.
Осенняя пора накрыла землю,
Я мокроту такую не приемлю.

Но вдруг блеснул какой-то смелый лучик,
У солнца-батюшки он взял волшебный ключик.
Вмиг засверкали золотом верхушки
И стало сладостно, как в сердце у ватрушки.

Осенняя пора укрыла землю,
И шелесту листвы я тихо внемлю...

* * *

Посмотри, какая осень золотая.
Видно птицы,
 рядом с солнцем пролетая,
Нашептали ему тайные словечки
И набросили на облака уздечки.
И такая синева — не наглядеться.
Клёны не торопятся раздеться,
Ветер обозлиться не спешит
И лениво листьями шуршит.
И теплынь, и красные рябины,
И лохмотья рваной паутины...
Лето в гости к осени примчалось
И заговорилось, задержалось.

Первый снег

Осень влюбилась в снег,
Выпавший как-то под вечер.
Он к ней улёгся на плечи,
Когда выбирал ночлег.

Снег был пушист и нежен,
Желтое платье заснежил,

Коврик из листьев примял
И, с непривычки, устал.

Осень, полна надежды,
Сбрасывать стала одежды,
Поздним теплом обдала
И с нетерпением ждала.

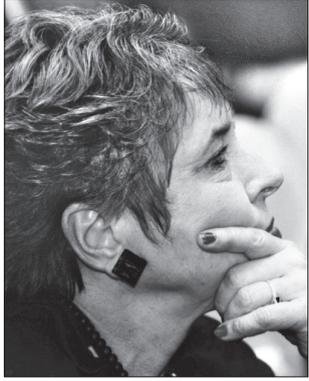
Снег же, душа нараспашку,
Белую скинул рубашку,
Но, первоклассник в любви,
Сразу растаял. Увы...

* * *

Уже так холодно в лесу.
И ветер желтую красу
С ветвей срывает.
И скоро белый цвет опять
Победу станет пировать
И засверкает.
Пока же осень суд вершит,
И под ногами лист шуршит,
И жук дырявит
Трухлявую обивку пня,
А ворон на исходе дня
Замёрз.
 Картавит.

* * *

Зелёные листья желтеть не хотят.
Но срок уже близок, они полетят
Под ноги прохожих и в грязные лужи,
Потом незаметно замёрзнут от стужи...
Но это потом. А пока лист зелёный,
По-прежнему в яркое солнце влюблённый,
Как дама в плену убегающих лет,
Менять не спешит свой привычный портрет.

Поэт, кандидат филологических наук, член Союза литераторов России, член Союза писателей 21 века (www.writer21.ru/kolodyazhnaya-1/).

Руководитель Литературного объединения Центрального дома ученых РАН. Автор более 30 книг стихотворений (в том числе детских — «Стихи-крошки Маленького Алешки» (2011–2015 годы) и Азбуки в стихах «Ступенька в Небеса» — 2016 год), опубликованных в издательстве «Московская Патриархия».

Многие произведения опубликованы как в периодической печати, так и в сети Интернет (наиболее известные порталы: <http://kulichki.poezia.ru/authors/lik7191/works>; <http://www.wco.ru/biblio/books/lik7/Main.htm>).

На стихи Людмилы Колодяжной написано более 300 песен.

Книги, песни, концерты можно посмотреть на авторской странице Литературного объединения ЦДУ РАН: <http://lito-cdu.ru/avtory/Kolodyazhnaya-Liudmila/>

О, РУСЬ МОЯ!

Фельдшер Тылового Военно-Санитарного поезда № 3 (1914–1918)

Это — заметка о моем родном деде — Николае Александровиче Соколове, пропавшем без вести на фронтах Гражданской войны в 1918 году.

Чудом сохранилось более 20 Открытых писем (Открыток 1914–1916 годов) Николая Соколова его невесте Александре Воробьевой (моей бабушке).

Все, что я о нем знаю — со слов моей матери — Марии Соколовой (в замужестве Колодяжной).

Николай Соколов был родом из Ярославской Губернии. В 1914 году был призван фельдшером в Тыловой Военно-Санитарный поезд № 3. Заслужил чин унтер-офицера.

Об авторе

(Военно санитарные поезда появились в России со времен Турецкой войны 1877–1878 годов. Продолжали действовать в Российской армии и в Японскую войну (1904 года), и в Первую Мировую. Поезда разделялись на Полевые и Тыловые).

Николай познакомился с Александрой Воробьевой примерно в 1911 году (так помечена первая открытка к ней).

Александра жила в Петербурге (Петрограде) на Лиговской улице и потом — на Обводном канале. Все открытки помечены этими адресами. Адреса Санитарного поезда были разными — от Москвы, Смоленска, Брянска, до Варшавы. Я помещаю в этой заметке только две открытки — 1914 и 1916 годов.

В основном, все остальные открытки похожи — это поздравления с Пасхой, Рождеством, Днем Ангела — двух любящих молодых людей.

Надеюсь, что мне удастся расшифровать все письма и опубликовать книгу памяти Николая Соколова.

В 1918 году Николай приехал в Москву, где уже жила и работала Александра. Они обвенчались весной 1918 года.

После этого, видимо, Николая Соколова призвали, скорее всего в Красную Армию и он пропал без вести где-то на земле Тамбова. В январе 1919 года родилась дочь Мария Соколова (моя мать), которая прошла всю Отечественную войну (с 1941 по 1945 годы) сержантом медицинской службы.

Александра Соколова ушла из жизни в 1943 году и похоронена в братской могиле кладбища Донского монастыря.

Два письма (из 20-ти)

Из Двинска. 30. 30. 14

В Петроград, Лиговская улица, домъ № 267, к. 36-я, Александре Воробьевой

* * *

Здравствуй, дорогая Шура
Спешу послать вам
с любовью niskий поклон
и сердечный приветъ

Спешу я васъ уведомить
 Что мы поехали в Москву
 в этом месяце
 Затем писать нечего.
 Прочай Дорогая Шура.
 Остаюсь Л. [Любящий] ваш Н. Соколов

*Из Брянска 30 сентября 1916
 В Петроград, Обводной канал дом № 96, кв. 11
 Александре Воробьевой*

* * *

Здравствуй дорогая Шура
 шлю тебе
 свой сердечный привет
 с тем целую тебя
 Милая Шура
 Твой Коля. Я жив и
 здоров слава Богу
 того и тебе желаю
 отъ со славой Богу
 здоровья и прочего.
 Любящий Коля

*Посвящение Николаю Соколову, моему деду,
 пропавшему без вести в 1918 году*

* * *

В терновом кольце восемнадцатый год,
 народы, народы, как пешки, — в расход.

Над Городом ветер, и пули, и снег.
 «Как ныне собирается Вещий Олег...»

На Горке Владимирской вечер и грусть,
 и Предок великий взирает на Русь.

За кремовой шторой разрушен уют.
 «Срывай абажур...» — ведь за нами придут.

Не будет уже кавалеров и дам,
 убит на Урале твой Царь-Саардам.

Не будет Николок, Алёшей, Елен —
 лишь серые будни, грядущего плен.

«К Деникину, к Дону — побег, так побег...
 Как ныне собирается Вещий Олег».

В терновом кольце восемнадцатый год,
 народы, народы, как пешки, — в расход.

На Горке Владимирской вечер и грусть,
 и Предок великий взирает на Русь.

ВРЕМЕНА ГОДА

БЕРЕЗА И ВРЕМЯ

Времени пряжа тянется

Времени пряжа тянется,
 распутываясь в дали,
 где пряди березы касаются,
 чуть косо, края земли.

Береза растет за околицей,
 поскольку земля мала,
 в краю, где блещут на Троицу
 вещие колокола.

Воздушной пряже не больно,
 она задевает, легка,
 вечности колокольню
 видную издалика,

где вольные колокольцы
голосом ветра поют,
когда березы на Троицу
из прядей косы плетут.

Может быть, пряжа прервется —
времени как устоять? —
когда березой сплетется
в кóсу последняя прядь...

За березою — даль

На столе еще —
теплый столбик свечи
той, погасшей в час,
когда стало поздно,
и я слушаю, как
шелестят лучи,
те, что сквозь окно
посылают звезды.

В растворенном окне
чуть белеет ствол
обнаженной еще,
замерзшей березы,
за березою — даль,
куда ты ушел,
там — разрезан лучом
небосвод морозный.

В этом доме уже
так мало тепла,
всё же — ждет в углу
тебя плащ дорожный...
Этот день нас свёл,
эта ночь — развела,
потому что ты —
только странник Божий.

Но хранится тепло
угасшей свечи
всё теряя, мы —
облетаем опыт...
И я слушаю, как
шелестят лучи...
Помнишь — наш разговор
продолжал звездный шепот...

Там, среди берез седых...

Плачет Великий пост,
благовест-звон, играй! —
там, среди седых берёз,
вход в одинокий рай.

«Душе, душе моя!..» —
плачем прервется тишь,
влагой взорвется земля,
«Возстани, душа, что спишь?»

«Пом-ни!», — поет благовест,
ангела вестью зовет,
там, среди берез-невест,
в райские веси — вход.

Возстани! Что спишь, душа? —
дней все ближе конец,
душные листья шуршат,
дужкой свивая венец.

Возстани от снов своих,
что тебе сны теперь? —
там, среди берез седых
в райскую долю дверь...

Береза склонила низко...

Береза склонила низко
 благословенный ствол,
 словно, равная, словно близкое
 самое — существо.

Словно с тобой, с нею можно
 о жизни поговорить,
 вместе с ветром она поможет
 молитву Божию сотворить.

Ты, далек — ты ангела вроде,
 неслышим и невидим,
 крылья твои надо мною бродят,
 бередят заоблачный дым.

Не повторяется то, что пройдено,
 дважды — не переплыть,
 все же, прошлое — это родина,
 которую — не забыть.

Мы — далекие, мы — два берега,
 прошлое кажется сном,
 а настоящее — это дерево,
 склоненное над окном...

Запутаны мысли в березах

Дождя назревает угроза,
 Шевелится, шелестит.
 Вздвигаются листья березы,
 Как рыбки в зыбке-сети.

Дождя награждает преграда
 Прохладой. Прохлады волна.
 Как ангелы вьются рядом
 В проеме, у бездны окна.

Протяжность дождя бесконечна,
 Натянуты нити, влажны,
 Нас жалуют, жалят и лечат
 Уколами тишины...

Но туча сочится просветом,
 На радуге — дерзкий излом,
 Ленивые линии веток
 Вослед — изогнулись крылом,

Чтоб, тяжесть отбросив земную,
 Еще попытаться, успеть —
 Сквозь ризу дождя, им родную,
 Забывшись, из клетки — взлететь.

Нам плечи сочувствием ломит,
 Простор ощущая, крыло.
 Оно вдруг поднимет, уронит,
 И станет нам — больно, светло...

И нас не минует угроза —
 Сквозь сети и ризы уйти...
 Запутаны мысли в березах,
 Как рыбки, забившись, в сети.

Меня береза обвила

Меня береза обвила
 ветвями юными и длинными...
 Она была еще невинной —
 а я земную жизнь прошла.

Я по стволу вела рукой
 чуть осторожно и несмело —
 по коже бархатисто-белой,
 и ощутила лишь покой.

Она сияла белизной,
лучами лунными одета,
она была на свете этом —
единственной тишиной.

Она летела в высоту
над крышами домов и зданий —
там, за границей мироздания
земную перейдя черту.

И я, казалось, вместе с ней
за ту черту перелетала,
я ей молилась и шептала —
ветвями тонкими одень...

Береза рябит верстою

Порой промелькнет страница,
как схимница, в белых ризах,
и мнится, что время двоится,
как рама, сквозь влажную призму,

и снится, что времени рана
сырою затянется мглой,
что в мире еще так рано,
так пусто еще над землею.

За тишиной не слышно,
откуда приходит зов Твой?
земля, словно Дева дышит,
обручена с горизонтом.

Береза рябит верстою,
с которой наш путь начнется,
возможно, мы даже не стоим
крыла, что вослед качнется,

когда рассыпется млечный
пепел над головою,
когда молчанье при встрече
с Тобой — тишину удвоит...

Но я принесу голубицу
в храм, как бедную лепту,
пророчицы гимн устремится
под купол строкою-лентой,

ведь тот, кто именье раздарит,
станет богат несметно,
окликнет меня Симон-старец —
короткою песнью бессмертной,

душу мою привечая,
пустив на простор голубицу,
ведь тот, кто Бога встречает —
смерти уже не боится...

Розовых берез развиты ветви

Позову — молитвою без слов,
ты откликнешься — горячей речью...
Снежной скатертью падет Покров
на просторный стол короткой встречи.

Глянец окон... Взглянем, даль деля,
облако — чуть сдвинет вечный ветер...
Вздоргнем — как бела уже земля,
розовых берез развиты ветви...

Ангел чуть качнется на часах,
словно воин, вставший за околицей,
и пройдет в раскрытых небесах
по горячей кромке — Богородица.

Ты возьмешь Минеи, иль Триодь,
и тропарь откроешь: глас четвертый...
Кратким гимном отзовется свод,
и скользнет к ладоням Плат простертый...

Береза там спешит надеть зеленый капор

*«И тихую зарей верхи дерев горят...»
Пастернак*

В вопросе скрыт ответ, ответа волны зыбки,
здесь пред иконами лампады не горят,
здесь ветхая изба и золотые рыбки
уплыли далеко в житейские моря.

И скошена трава ночами лунным серпом...
А мы с тобой уйдем, забросив невода,
туда, где ждет апрель и оживают вербы,
туда, где Бог воскрес и даль небес свята.

Крестами стянуты мерцающие окна,
и песнь колоколов туда войти зовет,
и красит купола рассвет Воскресный охрой,
и золотом блестя, вновь Рыбка к нам плывет.

Береза там спешит надеть зеленый капор,
там тихую зарей верхи дерев горят,
там тихо по утрам весенний дождик крапит,
как будто меж собой святые говорят...

Об авторе

Новикова Маргарита Георгиевна, закончила МГИИЯ имени Мориса Тореза по специальности английский и испанский языки. Преподавала в РГУ и МГУ им. М. В. Ломоносова. Член ЛИТО Дома учёных РАН РФ.

Маргарита Новикова

О, РУСЬ МОЯ!

К ПОРОГУ МИЛОМУ

Белеет парус

*А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!
М. Лермонтов*

Ветер стих. И паруса повисли,
Превратились в белую холстину.
Не поможет даже сила мысли
Сдвинуть с места нашу бригантину.

Лишь в борьбе, мятежно с ветром споря,
Паруса упруго напрягутся,
Заполощут на морском просторе,
К берегам родным они рванутся.

Ветерок подул. Корабль наш ожил.
Парусник готов продолжить путь.
И на белоснежных птиц похожи
Паруса трепещут, выгнув грудь.

И теперь, победно в море рея,
Глядя с высоты за горизонты,
Птицы-паруса, присев на реи,
Машут крыльями, встречая солнце.

В небе облако пророчит бурю.
Чайки застонали над волнами.
Рассекая воздух белой грудью,
Паруса корабль наш подгоняют.

Время есть — наш бриг ещё успеет
Долететь до берега родного.
Будет буря? Что же, мы посмеем
Дерзко с ветром побороться снова.

Perpetuum Mobile

В той жизни я кочевником была,
И степь мне снится до сих пор:
Седлаю я ретивого коня
И мчусь по ковылю во весь опор.

Пылает необъятный горизонт.
Меня призвание влечёт
Степи полынной голубой простор
И звёзд мерцающий полёт.

Я слышу топот диких табунов,
Земли гуденье, ветра свист.
Гортанный говор у ночных костров...
В движенье непрерывном — смысл.

И в этой жизни волю я люблю —
Мила мне перемена мест.
Отечество неспешно познаю,
Не иссякает к миру интерес.

Парить орлом, от счастья замереть —
Прекрасна как земля.
Стремясь пространство пересечь,
Другую узнаю себя.

Желанье нового? Что движет мной?
Иль к приключениям страсть?
Но возвращаюсь каждый раз домой,
К порогу милому припасть.

Наметив новых путешествий нить,
Опять я отправляюсь в путь.
Чем дальше горизонт — тем дольше жить —
В движенье непрерывном — суть!

ВРЕМЕНА ГОДА

И ЧЕТЫРЕХ ВРЕМЕН КРУЖЕНЬЕ

Предчувствие

*«Весна идет, весна идет...»
Ф. Тютчев*

Еще не пахнет талою землей
И прячется в лесу подснежник.
Как, вдруг, повеяло весной
Заглубело небо нежно.

Еще белеет за рекою луг,
Стеклит ночной морозец лужи.
А солнца мартовского круг
От утренней спасает стужи.

Синицы тренькают на все лады,
Встряхнули сон ожившие деревья.
И в воздухе — предчувствие весны,
А на столе — стихотворенье.

Весенний дождь

Всю ночь, не уставая, дождь стучал:
То мелкой дробью, то глухим набатом.
К утру, сорвавшись с крыши, он сбежал
Веселыми ручьями по Арбату.

Смеясь спугнул нарядную толпу,
Разлегся лужами на тротуарной плитке,
Росою окропил весеннюю листву,
Смыл облака, промокшие до нитки.

И брызнув в небе, радугой восстал —
Как будто зонтик над Москвой раскрылся.
И в каждой капле солнечный кристалл
Всевидящего Оком — отразился.

Преображение

Давно не жду я чуда в Новый год —
Куранты лишь отсчитывают время.
Прошедшего я сбрасываю бремя
В плавильню мною прожитых невзгод.

А мне мила кудесница — весна!
Начало всех начал и пробуждение.
Когда природа ждёт преобразования
Оттаивают души и сердца.

Я слышу птичьих голосов свирель,
Для новой жизни почки набухают.
Птенцов комочки тёплый луч ласкает,
И будит землю нежная капель.

Ну, разве ли не чудо? За апрель
Зимы седой холодная гравюра
Вдруг превратилась к — лету увертюрой —
В весеннюю цветную акварель.

Июльский полдень

Горячий полдень,
Сонное течение дня.
Жар-птицей солнце
В безмятежном небе.
Купаясь в полуденной неге
Балует лето красное себя.

Умолкли птицы,
Затаясь в густой тени.
Мохнатой точкою
Застыла мушка.
Расслабив бархатное брюшко,
Шмель задремал
Не на цветке... в пыли.

Цветы душистые
Поникли от жары.
Природа отдыхает на сиесте,
Чтоб насладиться с солнцем вместе
Прохладой утренней поры.

Летний вечер в Купавне

Вечер тихо на берег сошёл.
Кисть заката раскрасила небо.
Потрудилась она над холстом —
Расписала рябиновым цветом.

Облака, что закат подсветил,
Розовея, плывут лебедями
В синем небе озёрных чернил,
Берегов малахитовой раме.

Приютившие робких утят,
Камыши шевельнутся не смеют.
В отраженье безмолвно глядят,
Наслаждаясь стрекоз шелестеньем.

Где-то там электрички гудят.
Пахнет липа медовым дурманом.
Из Купавны языческой — сад
Райских кущ — манит яблок обманом.

Тишиной край озёрный объят.
Вдалеке роц кудрявых куртины.
Приглашает румяный закат
Любоваться вечерней картиной.

Август

*«Август — астры,
август — звёзды...»
М. Цветаева*

Ночью яблоки стучат по крыше,
Вздригнешь, вспомнишь: август на дворе.
Пенья птиц давно уже не слышу,
Тени удлинлись на земле.

Бархат неба стал ещё чернее,
Звёзды дальние мерцают хрусталём.
По утрам туман всё холоднее —
Стелется дымящимся ковром.

В буйстве форм и красок — щедрость лета,
В гроздьях флоксов и созвездьях астр.
Ну, а днём пылает красным цветом
Гладиолуса резной анфас.

Мудрость осени — в красе печальной
Роц прозрачных — золотой поре,
В увядании исповедальном
И прощаньи тихом в октябре.

Уходило лето

Облака, как дым, стелились
Над холодной гладью моря.
Мхом покрытые граниты,
Как гиганты — черепахи
Спины чайкам подставляли.

Чешуёй блестели волны,
Серебром переливаясь.
Из хрустальной чаши моря
Я пила прозрачный воздух
Со смолистым вкусом хвои.

На высоких дюнах сосны
Тлели отблеском агата.
Так последние приветы
Посылал янтарь небесный —
Уходило в море лето.

Осенний вальс

*«Такие дни под старость дарит осень...»
М. Волошин*

Мне так уютно осенью в лесу.
Нога ступает на ковёр из листьев.
Дождь бросил плащ промокший под сосну.
Рябина низко опустила кисти.

Оттенки желтого здесь правят бал:
Цвет не желтка и даже не лимона.
Высокой пробы золота овал —
Блестящим слитком лес на дальних склонах.

Всё дышит запоздалою красой.
Горчит лишь воздух от листвы опавшей.
Скользнул сквозь облака луч золотой,
И вдруг румянцем вспыхнул лес озябший.

А ветерок в хрустальной тишине
Играет с паутиною на ветке.
Трепещет пламя на берёзовой коре,
Звенят осины медные монетки.

Золотой гобелен

Осень ткёт золотой гобелен,
Разноцветные нити вплетая.
И листвы опадающий тлен
На дорожках в саду рассыпая.

Мастерица она хоть куда —
Расшивляет узорами поле.
И снуёт золотая игла —
У художника кисть наготове.

А узоры сложней и сложней:
Полыхают багряные краски.
Пролетающий клин журавлей
Машет крыльями чуду из сказки.

Сохранится надолго шедевр,
Пока весь не осыплется в небыль.
И висит золотой гобелен
На шпалере лазурного неба.

Ода вину

Испанское вино — тягучее, густое,
Как кровь быка — жестокий след корриды.
Напиток чувственный, как гибкий стан фламенко,
Таинственный, как выстрел кастаньеты.

Из ягод, что взлелеяла лоза в Севилье.
Хмельной, лиловой гроздью наливалось
Согретой щедрым солнцем иберийским,
Под оком неусыпным Диониса.

Вот бархатные кисти с восковым налетом
Любовно с древа жизни сняты,
И брызнул сок в кувшин из терракоты,
Рубином заиграл бокал хрустальный.

И терпкий аромат целебного напитка,
Что боги на Олимпе пригубляли,
Витают над зажженной чашею застолья,
Восторгом и любовью полня души.

Снежинка

Снежинка белой филигранью
Легла на теплую ладонь.
И, прикоснувшись нежной сканью,
Влетев Снегуркою в огонь,
Тотчас растаяла как небыль.

Кружилась в снежном хороводе
Подруг небесных, мотыльком,
Мечтала отдохнуть в сугробе,
Сверкать на солнце за окном
Звездой белой, глядя в небо.

До мартовской капели б пролежала
На белой насыпи, пока
Весной опять снежинкой талой
Вернулась вновь бы в облака.
Ее ждала судьба иная.

Летела гибели навстречу
Влекомая обманчивым теплом,
Себя забыв и жаждая Встречи,
И вот... расплавлена огнем,
Как мотылек в костре свечи сгорая.

Об авторе

Родилась в городе Днепропетровске. В 1959 году окончила Харьковский государственный университет радиотехнический факультет по специальности «Радиофизика и электроника». Работала инженером, затем старшим инженером в ОКБ, занимаясь разработкой радиолокационных систем. Большую часть жизни посвятила преподавательской работе. Преподавала в вузах Москвы (МИРЭА, ВЗИИТ, МАТИ) электронику и микроэлектронику. Доцент, кандидат технических наук.

Стихи и прозу начала писать в зрелом возрасте. Печаталась в коллективных поэтических сборниках «Третье дыхание», «Пересечение слов и судеб», «Славянские встречи», «Вместе — к Победе», в сборниках ЛИТО ЦДУ РАН, в газете «Московский литератор». Имея музыкальное образование, более двадцати лет занимается благотворительной концертной деятельностью.

О, РУСЬ МОЯ!

Артисты

День седьмого ноября — красный день календаря.

Это день Октябрьской социалистической революции. В годы Великой Отечественной войны седьмое ноября праздновали, как самый главный праздник нашей страны, которая тогда называлась СССР — Союз Советских Социалистических Республик.

В Красноярске, в школе военных техников, где преподавал мой папа, объявили, что будет большой праздничный концерт с настоящими артистами. В огромном актовом зале народу было много. Пустых мест не было. Студенты сидели даже на подоконниках и ступеньках лестниц.

Всем хотелось увидеть и услышать настоящих артистов.

Мы пришли на концерт всей семьёй — папа, мама и я. С нами был и мой друг Лёвушка, который жил в нашем доме на первом этаже. Он приехал из Москвы со своей няней и находился под

присмотром не только няни, но и семьи следователя Воронцова, с которым работала его мама.

Мама Лёвушки осталась в Москве. Она была следователем по особо важным делам.

Мы сидели близко от сцены, замороженно смотрели на занавес и с нетерпением ожидали, когда же он откроется, и начнётся праздничный концерт. Но занавес не открывался. Публика начала хлопать сначала разрозненно, потом объединяясь стала не только ритмично хлопать руками, но и стучать ногами так громко, что устроители концерта выскочили на сцену и начали успокаивать публику, объясняя почему задерживаются артисты. Публика немного успокоилась, но через некоторое время раздался голос:

— Где артисты? Уже час сидим, а артистов нет. Давайте артистов, а то мы вам тут всё перевернём.

Организаторы концерта, как сквозь землю провалились. Назревал скандал. И тогда папа, обращаясь ко мне и Лёвушке, спросил:

— Можете на время артистов заменить, песню спеть или станцевать?

— Конечно, сможем.

Папа поставил меня и Лёвушку на сцену, и мы начали петь замечательные военные песни, патриотические, которые наши советские композиторы пекли, как пирожки. И слова и музыка были прекрасны. Эти песни знала вся страна. Звуки новых песен лились из репродукторов с утра до вечера, перемежаясь с сообщениями Совинформбюро об освобождении наших городов от немецко-фашистских захватчиков частями Красной армии. Весь народ в едином порыве распевал эти замечательные песни. Поэтому, как только мы запели:

— Артиллеристы, Сталин дал приказ.

Артиллеристы, зовёт Отчизна нас, —
зал грянул:

— И сотни тысяч батарей
За слёзы наших матерей,
За нашу Родину — огонь, огонь!

Ну, а когда мы запели:

— Я по свету немало хаживал,
Жил в землянке, окопах, тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске,

Но Москвою привык гордиться
И везде повторял я слова:
«Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва».

Весь зал пел с упоением. Уже забыли, что должны приехать артисты, что они опаздывают больше, чем на полтора часа.

И вдруг объявились, пропавшие без вести организаторы концерта, и со словами:

— Кыш со сцены, — стали выпроваживать нас. Весь зал возмутился, и пока мы не допели песню до конца, настоящих артистов на сцену не пустили. А на следующее утро я услышала, как одна соседка другой рассказывала:

— Представляешь, а наши детки-пяtilетки Лёвушка и Верочка, держали внимание всего зала почти полчаса. И это была лучшая часть всего концерта.

Передача мыслей на расстоянии

Что происходит с моей мамой сегодня? Она не может найти себе места. Туда, сюда по комнате ходит и ходит. То к окну подойдёт и смотрит, смотрит куда-то далеко-далеко, то к печке прислонится, то опять к окну идёт. Всё у неё из рук валится. Вот опять ложка на пол упала.

— Мамочка, я сейчас подниму. Мне это совсем легко сделать. Сейчас, сейчас, подожди. Вот только шнурочек на ботиночке завяжу, а то запутаюсь и упаду.

То, что у неё всё из рук падает, это не важно. Я всё подниму. Мне это просто сделать. Я маленькая, мне даже наклоняться не надо. Только чуть-чуть присесть — и всё. Я же близко от пола нахожусь. А маме до пола очень далеко.

— Ой, по-моему, она плачет. Точно, слёзки капаят.

Я кидаюсь к маме, обнимаю её, целую. Слёзки у мамы маленькие, кругленькие, точно такие, как я вчера видела утром на травке и на цветочке. Лена, соседская девочка, сказала, что это росинки. Только те слёзки весёлые, а мамины печальные. Те, как водичка, а мамины солёные. Я, когда маму целовала, нечаянно язычком лизнула.

— Мамочка, ну что ты плачешь? Я же с самого утра тебя слушаюсь, ни разу не выкозюливалась. И до самого вечера буду

слушаться. Ой, а что у тебя такие холодные руки. Давай я тебе их погрею. Я дую изо всех сил на её руки. У меня из горла всегда идёт горячий воздух, как у Змея Горыныча. Только у меня изо рта огонь не вылетает, как у него. Нет, ничего не получается. Руки у мамы такие же холодные. Я их и тёрла изо всех сил и под мышки свои засовывала. Ничего не получается. Согреть не могу.

— Мама, что с тобой? Что у тебя болит?

— Душа болит, доченька.

Что за душа и почему она болит? Не буду приставать к ней с вопросами. Сама вечером перед сном додумую. У меня вечером, когда ложусь спать, всякие умные мысли приходят. Прямо лезут и лезут в голову. Аж голова распухает. И я становлюсь умная-умная. И сама могу ответить на все вопросы. Главное только бы не заснуть в этот момент, а то придётся до следующего вечера ждать. А душа, наверное, бывает только у взрослых и болит она только у взрослых. У детей, даже если душа есть, она никогда не болит.

Вечером, когда папа пришёл с работы, я первая кинулась его встречать.

— Папа, а мама, наверное, заболела.

— Что с мамой?

— Она целый день сама не своя.

— Сейчас разберёмся.

Папа быстро разобрался, что к чему. Мама рассказала папе, что у неё душа болит по её родителям, то есть по моим дедушке и бабушке. Они остались на Украине в маленьком приморском городке Бердянске, а там сейчас немцы хозяйничают. Папа сказал маме:

— Какое сегодня число? Запомни его или запиши. Я убеждён, что существует передача мыслей на расстоянии. Сегодня что-то неладное происходит в Бердянске, а ты это чувствуешь, хотя от Красноярска до Бердянска несколько тысяч километров.

Папа, как всегда был прав. Именно в этот день произошла эта трагедия.

Наши войска освобождали Украину от фашистов. Перед отступлением фашисты сжигали на своём пути всё, что только можно было сжечь. В Колонии (так назывался район, где жили бабушка с дедушкой) немцы сожгли все дома, кроме их дома. Почему, неизвестно. Соседи говорили:

— Это потому, что Клавдия Константиновна богомольная женщина. Вот её Бог и хранит.

Дом был большой. Он строился для большой семьи. В нём жили дедушка с бабушкой и их девять детей. Вообще у дедушки с бабушкой было тринадцать детей. Четверо умерли, когда были маленькие.

Все выжившие дети выросли и разлетелись, как они сами говорили, по всей стране. Во время войны одни служили в Советской Армии, другие эвакуировались на Восток.

С бабушкой и дедушкой осталась самая младшая дочка Лида. Для меня она — тётя Лида.

Ночью перед тем ужасным днём в доме набилось много народу — соседи с детьми и стариками. Наверное, фашисты хотели поджечь дом, когда в нём будет много людей.

Но в это утро соседи ушли очень рано. Как только они ушли, подъехала машина с солдатами поджигать дом. Бабушка с дедушкой выскочили из дома. А там, в погребе пряталась тётя Лида. Дедушка с бабушкой мечтают, не знают, как спасти тётю Лиду. Дедушка подбежал к главному и стал просить, чтоб тот разрешил взять из дома перину. Всё-таки ценность. Что он ему говорил, неизвестно. Но тот разрешил. Одну сторону дома уже подожгли, а другая никак не поджигалась. И дедушка бросился в дом спасать тётю Лиду. Он успел её втолкнуть в перину и в ней вынести из горящего дома.

Было ещё темно, фашисты ничего не заметили. А дедушка отнёс перину подальше от дома в виноградники. Там тётя Лида и спряталась пока немцы не ушли. Они спешили, чувствовалось, что наши близко.

У бабушки после таких переживаний не выдержало сердце. Оно разорвалось на части, и бедная бабушка умерла, не дождав своих детей с фронта и с эвакуации.

Мой папа был прав. Существует передача мыслей на расстоянии. Вот почему мама так переживала в тот самый плохой в её жизни день.

Не забывается такое никогда

К 72-летию освобождения Харькова от немецко-фашистских захватчиков.

Ура!!! Освободили от фашистов Харьков — один из крупнейших городов СССР.

Наша семья из эвакуации возвращалась на Украину в город Харьков. Почему в Харьков?

Старшая сестра мамы, тётя Нина, моя крёстная мама, всю войну жила там. Её муж, работник обкома партии, во время войны находился в подполье и организовывал партизанское движение в Харьковской области. И тётя Нина не могла, не хотела эвакуироваться. Ей казалось, если она останется и будет поближе к мужу, он не погибнет. Напрасно она так думала.

Мы ехали поддержать её в горе.

Ещё, будучи в Красноярске, когда решался вопрос, куда нам ехать, мама решительно сказала: «Едем в Харьков. Надо поддержать Нину. Она осталась совсем одна — ни детей, ни мужа. Столько страданий принесла ей эта война!» Папа не возражал. Раз надо, значит надо.

У тёти Нины и Корнея Ивановича, мужа тёти Нины, детей не было. А Корнея Ивановича, когда фашисты разгромили подполье, зверски пытали, а потом изувеченного повесили на балконе дома, где они жили.

Этот дом, вернее балконы этого дома, фашисты использовали как готовую виселицу.

Дом был большой, серый, находился на одной из центральных улиц Харькова. Перед домом огромный палисадник. Можно было согнать большое количество людей.

«Пусть любят, что их ждёт в случае неповиновения новым хозяевам. Пусть привыкают. Теперь они не люди, а рабы», — так думали фашисты.

Просчитались, зверюги!

Бедная тётя Нина чуть не сошла с ума. Жить в этом доме она не могла.

Всё бросила и переехала на Сумскую улицу.

Вы не представляете, какой был Харьков после войны! Сплошные руины. Сожжённые фашистами дома ещё долго стояли разрушенные. И мы, дети, со страхом ходили мимо этих домов. Нам казалось, что вот сейчас из окна сожжённого дома выскочат

Кощей бессмертный или баба Яга — костяная нога, схватят нас и унесут далеко-далеко от родного дома.

Хорошо запомнились чугунные тротуары, которые немцы положили по Сумской улице — центральной улице города Харькова. Они представляли собой громоздкое сооружение, которое вызывало неприятное чувство — по ним ходили фашисты. Каблуки стучали, когда по ним идёшь. Причём эти тротуары были очень высокие.

Я едва на них взбиралась и то с помощью папы. Он тянул меня за руку. И каждый раз в знак преодоления трудностей я отбивала чёточку, напевая: «Эх, фашисты изуверы, не достать вам нашей Веры».

Для многих людей эти высокие тротуары представляли собой непреодолимое препятствие. Особенно для безногих.

Сразу после войны было очень много безногих людей. Они ездили на платформах наскоро сколоченных из досок, деревянными култышками отталкиваясь от земли.

В качестве колёс использовались шарикоподшипники, которые изготавливались на местном заводе.

Мне всегда хотелось поговорить с этими дядечками. С ними, когда разговариваешь, не надо задира́ть голову вверх так сильно, аж шея болит. А то со взрослыми, когда разговариваешь, всю шею выкрутишь. А тут спокойно себе разговариваешь, и лицо, и глаза человека видишь. Но взрослые почему-то не давали поговорить, тянули за руку и уводили в сторону.

А дядечек этих было много. Но со временем становилось всё меньше и меньше. И совсем не стало.

Я тогда не понимала трагедии этих людей. Лишь спустя многие годы я ощутила весь ужас существования этих людей, когда вновь увидела молодых безногих ребят — следствие Афганской войны. Они просили милостыню у метро.

И сразу перед глазами возникали такие яркие и чёткие картины детства. Мама и папа ещё совсем молодые сидят на кожаном чёрном диване. Мама только что пришла с работы и говорит папе: «Представляешь, не верится, что я жива. Вроде война уже давно закончилась, а живу, как на войне. Я стою за прилавком (мама работала продавцом в военторге), и вдруг прямо на меня летит пустая бутылка из-под водки. Как я увернулась, не знаю. И первая мысль — только бы Верочка не осталась сиротой.

Я кидаюсь к маме вся в слезах, обнимаю, целую её.

— Мамочка, я тебя люблю. И буду всегда слушаться. Ты только живи. А кто же это бросил бутылку и чуть не убил тебя?

— Это безногие фронтовики, которые с горя выпивают бутылку водки и как гранату бросают пустую бутылку за прилавок.

— Мама, это плохие люди?

— Нет, детка, это обездоленные, и потому озлобленные люди. Такими их сделала война и условия, в которых они живут.

Я обливаюсь слезами. Мне очень жалко маму, себя, того безногую обездоленного дяденьку, который бросил бутылку и чуть не убил мою маму. Мне всех жалко. Мама тоже плачет. А папа обнял нас, и так мы все вместе горюем. Мы с мамой плачем, а папа не плачет. Потому что мужчины никогда не плачут.

ВРЕМЕНА ГОДА

Вешние воды

Когда приходит весна, всегда радостно на душе. Солнце улыбается чаще. Ручейки весело журчат, оповещая всех, что пришла долгожданная весна. А весной всё начинает расти, развиваться, цвести, а ближе к осени плодоносить.

Моя мама всегда была оптимисткой и весной говорила:

— И опять весна, и опять цветы.

Этими словами она подбадривала себя и всех вокруг.

Мы жили в Харькове на Холодной горе. Чтобы попасть в центр города, нам надо было спуститься с крутой горы.

Однажды мама, папа и я куда-то очень спешили. Был март. Ручейки так весело сбегали с горы. Один ручеёк вливался в другой, и уже в самом низу текла бурлящая река, образованная множеством ручейков, которые в основном начинали свой путь с самой её вершины. Мы почти сбегали с горы. И вдруг с маминой головы слетел берет прямо в ручеёк. Он как корабль лавировал среди булыжников, которыми была вымощена дорога. Папа почему-то мамин берет называл блин.

— Ты не забудь надеть свой блин, — говорил он маме.

А я хохотала, представляя на маминой голове пышный поджаристый блин, смачно смазанный сметаной.

Когда мамин берет упал в ручеёк, который понёс его быстро, быстро вниз к бурлящему потоку, папа молниеносно среагировал и кинулся его спасать. За секунду до того момента, когда ручеёк

с плывущим по нему беретом впал в бушующую реку, папа выхватил его из воды, и победоносно поднял высоко над головой.

Какой папа молодец! Он спас берет — корабль от верной гибели.

Но меня всё время не покидала одна мысль, и я спросила папу:

— Папа, а откуда так много воды в ручьях?

— А ты сама подумай хорошенько.

Я подумала и вспомнила один случай, который произошёл не так давно.

Зима. Мы с мамой поднимаемся на нашу Холодную гору по довольно широкой улице. По обе стороны её стоят приземистые нахохлившиеся домишки, засыпанные снегом почти до печных труб. Дорога, по которой мы идем, покрыта толстым слоем льда. Подслеповатые окошки домов смотрят на нас и подмигивают, как будто спрашивают нас:

— Ну как, взберётесь на гору или скатитесь вниз по льду? Мы ещё посмотрим, как вы весной будете сплавляться по реке вниз с горы. Зима-то снежная. Воды много будет.

И вдруг мама говорит:

— Видишь, бабушка с трудом тащит санки. Давай поможем ей. Ты будешь с ней идти, а я быстренько пойду с санками на гору. А то медленно тащить их тяжело, лучше быстро. Я поднимусь, а там вас подожду. Да и бабушка не будет волноваться за свои санки, я тебя в залог с ней оставлю.

— Давай поможем. Надо же старым людям помогать. Да, мама?

Как прочно врезалась в мою память эта картина. Сгорбленная маленькая старушка с трудом тащит санки, с каким-то грузом на обледеневшую гору среди огромных снежных сугробов. Так вот откуда берется вода весной!

А сейчас скользко, очень скользко. Санки не подчиняются старушке, не едут на гору.

Моя мама ещё совсем молодая обращается к ней:

— Давайте я помогу Вам довести санки на гору.

Старушка внимательно осматривает маму, определяя можно ли ей доверить груз. Наверное, на санках или дрова, или продукты какие-то.

— Помоги, детка, если можешь.

Мама подхватывает верёвку от санок и быстро и весело идёт в гору.

Пока мы медленно поднимались, старушка говорила:

— Это Бог мне послал вас в помощь. Хорошо, что есть добрые люди на земле, помогают мне.

Мой сынок не может мне помочь. Он погиб в боях под Москвой. Осталась я одна одинешенька на всём белом свете.

Когда мы довезли санки до её дома, старушка долго благодарила нас, крестила и всё время приговаривала:

— Дай Бог Вам здоровья.

Распрощавшись с ней, мы продолжили свой путь. Мама с горечью сказала:

— Ох, как же тяжело жить, хотя война и окончилась. Особенно старикам тяжело. Но выжить надо непременно.

Мы отошли уже далеко. Я обернулась, а старушка всё стояла и смотрела нам в след, изредка махая рукой.

— Мама, смотри, а бабушка машет нам рукой.

Мы с мамой обернулись и начали махать рукой сначала одной, а потом двумя. Мы с мамой махали в четыре руки. Бабушка увидела и стала махать двумя руками.

— Сколько всего рук махало?

— Шесть.

— Правильно.

Зимняя загадка

Сибирь. Зима. Мороз лютый. Но он и завтра и послезавтра будет такой же.

Есть хочется. Эх, молочка бы. Мама говорит:

— Давай пойдём на рынок. Авось не околеет. Порадуем себя — молока купим.

Мама одевает на меня всё, что только возможно. Конечно, валенки, шубу, варежки, меховую шапку. А под шапку, мой любимый, шлем. Я уже знаю, что такой шлем носит каждый лётчик, когда вылетает на самолёте бить фашистов. Мама на рынке его купила, у какой-то тётеньки. Я очень горжусь, что у меня есть такой шлем. В нём я смелая, представляю себя лётчицей. Я сразу делаю два дела — и самолётом управляю и из пулемёта строчу. Фашисты меня боятся. Ох, как боятся! А если какой-нибудь фашистский самолёт подлетит ко мне, я его сразу из пулемёта — трах-та-рахах — и нет его.

Вышли мы с мамой на мороз:

— Мама, а ты бидон забыла. Во что будешь наливать молоко?

— А у меня авоська есть. Набросаю молоко в авоську.

Интересно, как это набросаю? Вот это загадка! Но спросить нельзя. Мама не разрешает на морозе разговаривать, а то можно горлышко застудить.

Всю дорогу до рынка я думаю о том, как это можно набросать молоко в авоську, да и вообще, что такое авоська.

Когда пришли на рынок, мама подошла к дядьке с большущим мешком полным ледышек. Две большие ледышки он дал маме. Мама достала какую-то сетку, которую она называла авоськой, бросила туда ледышки, отдала за них деньги, и мы пошли домой. Я мысленно повторяла понравившееся мне слово — авоська. Это потом я узнала, что авоська — сплетённая из толстых ниток сумка. В сложном состоянии она занимает очень мало места, вмещается в любом кармане одежды. Идешь по улице — авось что-нибудь продают, достал авоську из кармана, положил в неё то, что купил, и идешь дальше. Очень удобная вещь! Правда, всем видно, что ты в ней несёшь. Но зато идешь, а тебя все спрашивают:

— Где вы купили? Где вы достали?

И мама всем объясняет — где. Дома мама достала одну ледышку, положила в миску, а миску поставила на печку. Другую ледышку в авоське повесила за окно. И как будто в сказке добрая фея взмахнула палочкой и ледышка в миске, поставленной на печку, превратилась в настоящее молоко! Такое вкусное! Мы с мамой выпили по стакану. Больше нельзя. Надо оставить папе. Он придёт с мороза. Ему надо подкрепиться. Я стала радостно прыгать по комнате, кружиться и удивлённо повторять:

— Зима, зима, зима. Ледышки, ледышки, молочные ледышки. Вот так загадка!

Антрацит

Антрацит! Какое красивое, звучное слово. Я узнала, что означает это слово, значительно раньше многих, многих других слов русского языка.

Антрацит! Антрацит! Как красиво звучит! Правда, произнести это слово чётко я ещё не могла. Буква «р» не получалась. Это уже потом, когда я подросла и, как-то подпрыгивая, сбегала с горки и пела песню «Красота! Красота! Мы везём с собой кота», у меня

вдруг так звонко и чётко получилась буква «р». Какая это была радость, я вам передать не могу!

А тогда ещё буква «р» никак не получалась. А мне так нужно было, чтобы она получилась! Особенно тогда, когда весь наш большой дом так возрадовался!

Удивительно! Столько лишений, такая неустроенность, а люди были такие дружные, друг другу помогали, как могли. Понимали, что выжить можно только сообща.

Все бежали во двор и по дороге стучали в двери всех квартир и кричали: «Антрацит завезли!». Мама быстро оделась и тоже побежала. А я что? Что я не могу одеться? Оделась, как могла. Сунула ноги в валенки, руки сразу сами попали в рукава шубейки, шапку сикось-накось натянула на голову и бегом за мамой. И так же как мама стучала во все двери и громче всех кричала, что антрацит завезли. Никогда было думать, что такое антрацит, и почему и зачем его завезли. Надо было всё делать, как мама делает. Причём, быстро.

Весь дом выбежал во двор. А во дворе! Красота! Прямо посередине двора лежала огромная гора блестящего-блестящего, чёрного-причёрного угля. Все улыбались, радовались, обнимали друг друга и восхищённо и благоговейно говорили: «Антрацит завезли!». Это значит, что в доме будет тепло, и мы не замёрзнем в сорокаградусный мороз.

А честно признайтесь — вы знаете, что такое антрацит? А я в свои четыре года уже узнала, что это уголь. Причём хороший уголь. С ним не страшно встречать Сибирскую зиму.

Сибирь, куда нас эвакуировали с Украины во время Великой Отечественной войны 1941–1945 года, всегда славилась жестокими морозами. Минус сорок, минус пятьдесят градусов по Цельсию — в порядке вещей. Хорошо, что хоть без ветра морозы.

Мама говорила: «Куда мы едем? Мы же там замёрзнем!»

Нет, не замёрзли. Во-первых, люди там необыкновенные. Приняли приезжих, как своих. Во-вторых, характер наших советских людей несгибаемый — любые трудности преодолеем.

Эх, жаль, что радость, которую испытал весь дом по поводу того, что антрацит завезли, длилась недолго. Гора антрацита во дворе таяла и таяла на глазах. И скоро печку топить было совершенно нечем. В доме холод невероятный.

Жили мы в трёхэтажном доме на первом этаже. И прямо под окнами проходила узкоколейка, по которой ходил паровоз, пыхтя, свистя, выбрасывая клубы едкого дыма. Для меня паровоз пред-

ставлялся чудовищем, но не злым, а добрым. Это чудовище не кусало меня, не обижало, а просто забавно пыхтело. Паровоз вёз за собой несколько вагонов, доверху нагруженных углём. И этот уголь сбрасывали вдоль всего железнодорожного полотна прямо под окна наших домов. Огромные горы чёрного блестящего угля антрацита лежали под нашими окнами, а мы замерзали.

Мама, спасая нас от холода, пошла на такую хитрость. Она достала ванночку, в которой я купала куклу, привязала верёвочку и тихо, смущаясь, сказала:

— Верочка, иди, играй под окном, но к рельсам, по которым ходит паровоз, не подходи. В ванночку накладывай уголёк и вези его домой».

— Но он же чёрный, грязный.

— Ничего, так надо. И если увидишь охранника в белом тулупе, делай вид, что просто играешься.

Охранника я видела не один раз. Это был большого роста мужчина в белом овчинном тулупе, шапке-ушанке, на которой красовалась красная звёздочка. За спиной у него был карабин. Охранник был не такой страшный, как я его представляла.

Мама поставила в подъезде под лестницей пустое ведро. И я возила и возила за верёвочку ванночку, наполненную угольком, заполняя пустое ведро под лестницей. Причём мне мама сказала собирать только мелкие кусочки угля. Большие нельзя! Большие — для фронта, для победы! А маленькие, россыпь, всё равно в землю уйдут.

В этот вечер дома было тепло и уютно. В печи весело плясали языки пламени, согревая нас своим теплом. Леденящий холод постепенно улетучивался из комнаты.

Печка! Печка — волшебница делала нашу жизнь радостной и прекрасной. Она представлялась мне царицей, которая взмахнёт рукой и комната превращается в царство со всеми его прелестями, чудесами.

А вообще это была четырёхугольная печь, выложенная из кирпича от пола до потолка. Она вплотную примыкала к стене, которая разделяла комнату и кухню. Со стороны комнаты — три стены, побелённые известью. На одной стороне печи находилась топка и поддувало для осуществления тяги воздуха в печи. Остальные две — были совершенно гладкие. Со стороны кухни в ней имелась плита, на которой мама готовила еду. Печка была отличная! Она никогда не дымила.

Начиналось волшебство. Мама разворачивала ватное одеяло и на вытянутых руках прикладывала его к пышущей жаром печи. А я готовилась. По команде: «Три — четыре» я раздевалась и ныряла в постель, а мама накрывала меня тёплым мягким одеялом. Постепенно тепло разливалось по всему моему телу. Я блаженно улыбалась и засыпала. И снился мне почти всегда один и тот же чудесный сон. Как будто я иду по полю, а вокруг конусообразные горы сахарного песка и горы ванильных булочек, источающих невероятно сладостный запах хлеба.

Так мы пережили первую суровую зиму в Сибири.

Яблочко

Я еду в электричке на дачу. Сажу и смотрю в окно. А за окном проносятся сады, сады, сады! Преимущественно яблоневые. Когда поезд замедляет ход, видно, что на каждой яблоне висят яблоки, как игрушки в Новый год на ёлке. А под каждой яблоней ковры красные, зелёные, жёлтые, белые. Ковры из яблочек.

Меня начинает одолевать беспокойная мысль, что мне делать с нашими яблочками. Нельзя же, чтоб добро пропадало! Такое несметное количество яблочек! Небывалый урожай! Неужели придётся зарывать яблоки в землю, как это делают соседи?

Я плохой экономист. Я не понимаю, почему выгоднее покупать заморские яблоки, которые пропитаны химией так, что их ни один завалившийся червячок не хочет есть. Эти яблоки везут на самолётах за тридевять земель. Удовольствие очень дорогое! А здесь проехать по деревням на машине, скупить недорого яблочек, переработать. И пей страна яблочный сок, здоровей!

Или почему в Германии садоводы могут излишки выращенной продукции сдать в магазин для продажи, а у нас этой практики нет?

Так я размышляла о бренности нашей жизни. И вдруг на меня нахлынула волна воспоминаний и понесла меня в те далёкие годы моего детства. Сопротивляться было бесполезно. Выход один — садись и пиши.

Я не могла не выжить. Я не имела на это права. В пожарище жесточайшей войны дети гибли тысячами, десятками, сотнями тысяч. Без отцов, матерей, в голоде и холоде гибли дети.

А я счастливый ребёнок. Наша семья была далеко от линии фронта. Со мной рядом любящие меня родители. В нашем доме тепло и уютно. Хотя за окном минус сорок градусов по Цельсию, пышу-

щая жаром печь разливала своё тепло по всей комнате. Комната была большая. Украшала её моя кровать, на перилах которой красовались блестящие никелированные шарики. Лучи солнца, проникающие в комнату, играли на них, и они светились всеми цветами радуги.

Лёжа в этой чудесной кровати, я тихо умирала. У меня была пневмония в тяжёлой форме. В то время у нас в стране ещё не было пенициллина. Он появился позднее, в конце войны.

Лечили пневмонию всякими подручными средствами — медицинскими банками, масляными компрессами, тёплым питьём целебных трав и т. д. и т. п. Многие дети умирали от пневмонии.

Лечившая меня врач уже сказала родителям:

— Готовьтесь к худшему. Вряд ли выживет.

Мама в ужасе металась по комнате. А я бредила. В бреду стояла, и сквозь стоны мама услышала:

— Яблочко. Хочу яблочка.

В этот лютый мороз — и яблочко! Мама побежала на рынок. В Сибири и летом то яблок не густо. А зимой в сорокаградусный мороз, где достанешь яблочко? В отчаянии она всё-таки бежала и бежала на рынок. Падала, сугробы намело огромные, поднималась и бежала дальше. Она боялась, что не успеет достать мне яблочко. Не успеет... Всё это мне мама потом рассказывала. Не буду описывать, что ей пришлось преодолеть, но домой она вернулась с яблочком. Вот что значит материнская любовь! Для своего дитя из-под земли достанет даже то, что достать невозможно. Мама тихонько подошла к моей кровати и, боясь, никогда не получить от меня ответа, чуть слышно сказала:

— Верочка, я достала яблочко. Ты хочешь яблочка?

Едва открыв глаза, как в тумане, я увидела мамино такое милое, родное, но такое измученное переживаниями лицо. В её молодых, красивых карих глазах был и испуг, и изнеможение от бессонных ночей, проведенных у моей постели, но и далёкий — далёкий лучик надежды на моё выздоровление. Мама вложила яблочко в мою обессилую руку. Одно! Одно единственное яблочко. Маленькое зелёное яблочко источало такой аромат, что казалось, он заполнил собой всю комнату! Я до сих пор ощущаю этот необыкновенный аромат яблока, как будто это произошло вчера, а не семьдесят с лишним лет назад. Съев это яблочко, то ли мне так отчаянно захотелось умирать, то ли произошло ещё какое-то чудо, но я медленно, медленно изо дня в день стала набираться сил, стала выздоравливать.

Это же не заморское, а наше родное яблоко и безграничная любовь моей матери укрепили мои силы и вернули меня к жизни.

Об авторе

Людмила Федоровна Плиско, канд. хим. наук, преподаватель Медицинского Университета, член ЛИТО Центрального дома ученых. Ее научные интересы — область биофизики, ее увлечения — путешествия по миру. Ее стихи — это ее представления о мире, о жизни и о себе. Опубликовано несколько сборников стихов и хроники семьи.

О, РУСЬ МОЯ!

Иван Грозный

Единственный на Руси памятник Первому царю Ивану Грозному был поставлен в городе Орле в 2016 году. Вопрос возникает сразу: почему? Никогда раньше не ставили памятников царю Ивану IV. Только хула в его адрес звучала и поныне звучит. Так почему же в наше время установили монумент — фигура на коне, величавая, в шлеме как в короне царской, на фоне золотых куполов города Орла. И захотелось узнать и почему в Орле, и почему сегодня появился этот памятник.

Орел — Город-крепость с 1566 года. Крепость строилась по указу Ивана IV для защиты от набегов татар: «лета 7075-го октября повелением государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси поставлен бысть город на поли на реке Орлее». Градостроительные традиции есть в Древней Руси строить крепости и города при впадении одной реки в другую — «на двух водах». Город стоял на Оке, на левом берегу, а под городом с левой стороны пала в Оку река Орел. Герб для Орловского полка был уже в Знаменном Гербовнике Миниха, а для герба города прописано: «Город белый, на воротах орел одноглавый черный, сверх орла корона золотая на синем поле», утвержден 16 августа 1781 года.

Смотрим, что пишут историки про деяния царя Ивана Грозного.

Иван Грозный (Ключевского) (25.08.1530–28.03.1584)

Иван рано привык думать, что окружен только врагами, так как осиротел в 4 года, когда умер отец, а в 8 лет — мать. Он обладал самовнушением и мог разгорячив свою голову до отважных и высоких помыслов, раскалить свою речь до блестящего красноречия, так что сыпались искры остроумия, колкие насмешки, меткие словца, неожиданные обороты. Иван — один из лучших московских ораторов и писателей 16 века.

Царь совершил и задумал много хорошего, умного и даже великого, а наделал поступков:

Разгром Новгорода по подозрению в измене,
Убийство сына,
Убийство митрополита Филиппа,
Безобразия с опричниками в Москве и в Александровской слободе.

Ивана учили грамоте, заставляя твердить часослов и псалтырь. Это был начитанный москвич 16 века не только в писаниях, но и в переводных греческих хронографах, в тогдашних русских учебниках всеобщей истории. В письмах Курбскому Иван выписывает подряд целые главы из ветхозаветных пророков (Моисея, Давида, Исаяи), апостольских и церковных учителей (Василия Великого, Иоанна Златоуста).

Основная мысль его посланий о царской власти. Он почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника Божия.

Начав править государством, царь повел смелую внешнюю и внутреннюю политику — добиться берега Балтийского моря и войти в торговые и культурные отношения с Западной Европой. С другой стороны привести в порядок законодательство, устроить областное управление, создать местные земские миры.

Земский собор, впервые созванный в 1550 году (Ивану 20 лет) должен был укрепить в умах идею земского царя взамен удельного вотчинника. В отношении государя к боярству он решил, что не может править государством, как правили его отец и дед, при содействии бояр. Он стремился к ослаблению боярской оппозиции, и своей опричниной внес в общество страшную смуту.

Иван постепенно и незаметно создал себе из любимых текстов и размышлений идеальный мир, в который уходил, как Моисей на свою гору, отдыхая от житейских страхов и огорчений. Он создал и оставил свою библиотеку.

Иван Грозный (Э. Радзинского)

Иоанн Мучитель. Кровь вокруг. Кровь и Власть.

В январе 1570 года царь объявил, будто Новгород «сношается с Польшей». По 1000 новгородцев в день по указанию Ивана IV сажали на кол. 60 тысяч человек погибли в дни новгородского погрома. После уже никто не мог перечить царю (Ивану 40 лет). 300 осужденных на казнь его опричников, прежних любимцев, должны были принять смерть на Красной Площади.

Для чего такой царь, как Иван Грозный был нужен России? Для азиатской революции. Не путём европейского просвещения Иоанн Мучитель пошел, а путём утверждения азиатской тьмы.

Из-за Грозного Россией был взят не республиканский путь, новгородский, а азиатский...

Иван Грозный (Б. Акунина)

Жестокий тиран. Властный царь.

В отечественной истории со времен Карамзина к Ивану Грозному отношение сложилось негативное.

Иван Грозный (царя Петра I)

«Сей государь есть мой предшественник и образец; я всегда представлял его образцом моего правления в гражданских и военных делах. Но не успел ещё в том столь далеко, как он. Глупцы только, коим не известны обстоятельства его времени, свойства народа и великие его заслуги, называют его тираном» (Император Петр Великий. Голиков Н. И. Деяния Петра Великого, М. 1838, стр. 56)

Но тот же царь много доброго совершил.

В русской литературе стараниями Ивана Грозного появился новый жанр — «публицистика». Он открыл первые типографии, и первой печатной книгой была книга «Апостол».

И всё это, несмотря на многочисленные войны и 20-ти летнюю борьбу с европейскими странами, поддерживающими Польшу, Литву и Швецию в войне против России.

Иван Грозный оставил мощное государство и боеспособную армию, позволившую его наследникам одержать победу в войне со Швецией и выставлять в поле 500 000-е войско в 1598 году.

По распоряжению государя основано 155 городов и крепостей, построено 40 церквей и 60 монастырей. Именно по царским указам Ивана Грозного создано мощное оборонительное кольцо вокруг России. С запада укрепляли Смоленск, с севера был основан главный порт России Архангельск, с юга Белгород, Воронеж, а с юго-востока от набегов татар построили целую цепь городов Орёл, Елец, Моршанск, дальше на востоке по берегам Волги города Самара, Саратов, Царицын. И все эти места построек были определены царём Иваном Грозным, и размечены им планы городов.

В городе Орле Россия увековечила добрые дела царя Ивана Грозного, поставив памятник первому русскому царю.

Иван Грозный

Украины Грозный объезжал.
Здесь на слиянье рек равнинных
Наметил место граду быть
И стать здесь граду-исполину.

И герб возник. На стенах белых
Орел, расправив крылья встал.
На синем поле — знак надменный
Короны — золотом сиял.

Теперь как памятник на троне
Воссел воитель на коне,
Он в шлеме, в царственной короне,
В широком поле — в град-Орле.

Его потомок Петр Великий
Сказал, что был он образец
В делах гражданских и великих
Стал на Руси как ЦАРЬ-ОТЕЦ.

И вместо шапки Мономаха
Надел корону Грозный Царь,
И хоть была не праздна плаха,
Он был народу государь.

Елец — город-порог

«...город тоже гордился своей древностью и имел на то полное право: он лежал среди великих черноземных полей Подстепья, на той роковой черте, за которой простирались «земли дикие, неизвестные». И одним из тех оплотов Руси, что, по слову летописцев, первые видели зарева татарских пожарищ, ими запаленых, и первыми ложились костью за Москву. Почему-то томлюсь мыслью о его старине, о том, что когда-то не раз его осаждали, брали приступом, жгли и грабили татары: я в этом чувствую что-то прекрасное, что мне мучительно хочется понять и выразить в стихах, в поэтической выдумке...»

И. Бунин. «Жизнь Арсеньева»

«Елец — город-порог, выросший на вражьем пути, перешагнуть через который оказалось для врагов гибелью...»

Написано на плите городского памятника в городе Ельце

«Тамерлану приснился сон, что, если он переступит этот порог, там ждёт его гибель...»

Из летописи

Елец — город-порог

Пороги делают высокими,
Чтобы вступленье осознать.
Остановиться перед створками
И поклонение послать.
А есть пороги неприступные,
Я знаю город был ПОРОГ
Елец граница степи жуткая,
Неслась на Русь миллионом ног.
Но есть препятствия иные —
На ровном месте — видит Бог,

Шальные конники Батыя
 Вдруг все споткнулись о порог.
 И, этот город был не главный,
 Но главным стал, когда помог
 Остановить татар ораву.
 Его зовут ЕЛЕЦ-ПОРОГ.
 И кладезь он загадок славных
 Стал на дороге, рубежом
 Стоит, а войско Тамерлана,
 Бежит от города бегом.
 В часы всемирного молчанья,
 В часы явлений и чудес,
 Сны посещают, предсказанья,
 Так Тамерлан с Руси исчез.

Архангельск — город-порт

Основан в 1584 году по указу Ивана Грозного как торговый пост и оборонительный пограничный пункт на Беломорье. До основания Петербурга Архангельск единственный морской порт России. Именно здесь зародилось отечественное государственное кораблестроение.

Академик Дмитрий Лихачёв очень высоко чтит заслуги этого города: «Архангельск — удивительный город. Это культурная столица Великого Русского Севера и вместе с тем порубежный порт. Он и в центре, он и на окраине. Это город богатырь, богатырь на заставе — морской и сухопутной. Недаром Русский Север спасал своими богатствами и воинами Русское государство в Смутное время. Архангельск во всём подобен Ломоносову, он озарён сиянием русской Славы».

5 декабря 2012 года городу Архангельску присвоено звание «Город Воинской Славы».

Архангельск

Архангельск город русской славы,
 Торговый пост, граничный пункт.
 Столицей Севера по праву
 Его в России нарекут.

Архистратига Михаила
 Он имя принял, план царя.
 Здесь колыбель, краса и сила
 Всех кораблей, идут в моря.

И это город величавый,
 Он на «заставе богатырь».
 Четыре века защищал он
 Границы Севера от пуль.

Архангельск орденом державы
 На Беломорье награждён
 И северным сияньем славы
 Он за заслуги озарён.

Смоленск — город-ключ

Впервые Смоленск упоминается в летописях 863 года как большой и хорошо укрепленный, многолюдный город. По числу каменных храмов в XII — XIII веках Смоленск был лидером среди всех других городов Руси. Смоленск возник на древнем торговом пути «из варяг в греки». В тех местах две реки Днепр и Западная Двина, делая крутые изгибы сближаются, и суда тащили из Западной Двины, а дальше путь шел уже по водам Днепра-Славутича в Черное море. Здесь же оставался узкий перешеек суши, по которому войска поляков, литовцев, франков могли идти дальше на восток без переправ через реки. Вот это и есть КЛЮЧ прохода к Москве. Это место и надо было укреплять.

С 1595 по 1602 год на месте деревянного кремля в Смоленске была возведена каменная крепость. Стену с 38-ю башнями возводил зодчий Федор Конь, построивший также стену Белого Города в Москве. 16 сентября 1609 года армия Сигизмунда III осадила Смоленск. Двадцатимесячная осада так ослабила вражеское войско, что король не смог вести армию на Москву.

Смоленск

Девятый век совсем не Троя.
Но всё ж Смоленск Москвы старей,
И лавры города-героя —
Заслуга многих ратных дней.

Так Годунова страх замучил:
Пройдёт поляк — Москве не быть.
Ключ для Москвы — Смоленска кручи.
— «Ключ-город — в крепость превратить!»

Шесть с половиной тысяч метров
Защитных стен задумал Конь,
Сколь камня надобно на это,
Считал он целый год — «Не тронь!»

Для русских смять врага новинка,
И враг силён и харч не тот,
Но есть мужицкая хитринка —
Не смелость города берёт.

Не унимается противник:
Ходы копал и стены рвал,
А за стеною вал насыпан —
На двадцать месяцев застрял.

Но это время — не потеря,
Поляков встретили в страде,
Пожарский с Мининым радели
За ополченье на Москве.

Мужчины гибли под Смоленском,
А жёны плакали в Москве.
Об этой долгой скорби женской
Смоленская икона есть.

Но не могла утешить в горе
Всех вдов Смоленская псалтырь,
Для них и основали вскоре
Смоленский вдовый монастырь.

Сказки

Сказки немцев твердят
О владении миром,
Ярким золотом Рейна,
Победным мечом.

А в былинах у нас
Богатырская сила
На границе стоит,
Охраняя свой дом.

В сказках немцев детей
Отведут в лес дремучий,
Мальчик-с-пальчик спасет
И дорогу найдет.

А у нас потерявшихся
Деток научат,
Ветки яблонька свесит
И печка спасет.

Сказки немцев направят
Мышиное войско,
И принцессы Щелкунчика
Только лишь ждут,

А у нас Василиса
Расправит вдруг крылья
Чередой лебёдушки
Там поплывут.

У германцев
Холодное сердце в пещере,
А у нас
Сердце доброе ищет и ждёт,

И Алёнушки,
Марьюшки, Вареньки в вере
Отправляются в поиски,
Посох ведёт.

ВРЕМЕНА ГОДА

Весна идет

Там в тишине туманной утра
Церковной службы перезвон.
Он открывал врата, как будто,
Благой он вести посвящён.

А здесь тихонько и нескладно
Весна к нам входит на порог,
И в звучной тишине отрадно
Белеет кружевной платок.

Летают снеговые хлопья,
А солнце светит, но не жжет.
И продвигаются столетья,
И жизнь идёт, идёт, идёт.

Об авторе

Познякова Нина Тимофеевна окончила МГПИ иностранных языков, работала преподавателем, переводчиком. Пишет стихи, рассказы, повести. С 2011 года является членом Литобъединения ЦДУ РАН, её произведения публиковались в альманахах ЛИТО за 2012–2015 годы. В 2014 году вышла первая книга Н. Т. Позняковой — лирическая комедия «Кумир». С 2013 года активно работает в творческом клубе «Зеркало» района Северное Измайлово, участвует в подготовке и проведении литературных и музыкальных тематических вечеров.

Нина Познякова

О, РУСЬ МОЯ!

Русская песня

Давайте вспомним песню русскую,
Она, ей-Богу, хороша!
Веселая, порою грустная,
В ней русская живет душа.

С той песней — как испить водицы
Весенним утром, в летний зной,
Российских песенных традиций
Здесь кладезь щедрый и живой.

Родная песня, сердцу близкая,
Она для слуха — благодать.
Поем французские, английские,
А наши — стали забывать.

Зовите в дом детей и внуков
На пироги или блины
И пойте с ними — не от скуки —
Те песни русской старины.

Про Хас-Булата удалого,
 Про Стеньку и его княжну,
 Про степь и ямщика простого,
 Что в снежном замерзал плену.

Про дуб могучий, клен опавший,
 Рябины гроздьев алый цвет,
 И про березку, что однажды
 Так нежно обнимал поэт.

Да не забудьте про дорогу,
 Про путь неблизкий, что кремнист.
 Ту песню подарил народу
 Наш юный гений, сердцем чист.

Пожалуй, пойте а-капелла,
 Коль нет баяна — подыграть,
 Так бабушка в деревне пела,
 Так пели ваш отец и мать.

Вдруг удивится внучка-девушка:
 «Мотив так за душу берет!»,
 Затянет песню старый дедушка,
 И внук любимый — подпоет.

Любите, люди, песню русскую,
 Пред ней народы все — равны,
 И мудрую, и безыскусную —
 Мы сохранить ее должны.

Ее нельзя предать забвению
 И чаще надо вспоминать,
 Чтоб молодому поколению,
 Как дар бесценный, передать.

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Ноябрь пришел с неожиданными дарами,
 С погодой теплой, с легким южным ветром,
 Настолько нежным, что порой казалось:
 Вот-вот наступит новая весна.

Ноябрь пришел с неожиданными стихами,
 И ты, лишь ты один тому виною,
 Что новые созвучия и ритмы
 Стучат в виски и не дают уснуть.

Ноябрь пришел с неожиданными словами,
 Которые сказал ты мне, прощаясь.
 Почудилось: птенца держу в ладонях,
 Дыханьем грею, чтоб не улетел.

Снег (баллада)

Уж отгорел поры осенней сполох,
 Дни свой привычный совершали бег.
 Пришла зима, и в сонме туч тяжелых
 Летел к Земле ноябрьский первый Снег.

Земля лежала жалкая, больная,
 В плену своей невольной наготы,
 От холодов и злых дождей — изнемогая...
 Все это Снег увидел с высоты.

Он понял, что беспечный и жестокий,
 Ее использовал и бросил Человек.
 В порыве нежности и жалости глубокой
 К Земле несчастной устремился Снег.

Три долгих дня и долгие три ночи
 Он над Землей усердно колдовал,
 Ее, закрывшую доверчивые очи,
 Пуховым белым одеялом накрывал.

Когда же утром Солнце озарило
Леса, холмы, широкие поля,
Воскликнул Снег: «О, как же ты красива,
Как ты прекрасна, милая Земля!»!

И шла зима, кружила белой вьюгой,
Свою неспешную плела кудель,
И каждый день Снег обнимал подругу,
И каждой ночью — с ней делил постель.

В лебяжий пух, в песцов и горностаев
Он, как царевну, Землю одевал,
И свечи звезд ночами зажигая,
Высь небосвода ярко освещал.

Но вот приблизились иные сроки,
И прилетел — предвестником весны —
Соперник Снега из широт далеких,
Бродяга-Ветер с южной стороны.

Он крикнул Снегу: «Прощайся с нею
И улетай в свои полночные края!
Я Землю разбужу и отопрею,
Оставь ее, теперь она — моя!»!

В последний раз к Земле Снег устремился —
С последней лептою своих даров.
На Землю бережно и трепетно ложился
Той белоснежной нежности покров.

«Прощай, Земля, не встретимся мы больше,
Прощай навек, красавица моя!»!
Так снег шептал весенней теплой ночью
И горько плакал, плакал в три ручья.

Оттепель

Ура! Сегодня оттепель
Посреди зимы,
У нее весна теперь
Три дня взяла — займы.

Стою с улыбкой на губах,
С распахнутым лицом,
А воздух — чувствую — запах
Как будто ... огурцом.

Сугроб уже почти размок
От яркого луча,
И выбегает ручеек
Из-под него, журча.

Защебетали воробьи
В сиреневых кустах:
Волнение вызвали ручьи
У легковых птиц.

Я им: нехстати ваш вокал,
Свою уймите трель,
У нас февраль еще пока,
А вовсе не апрель.

Ну а весны — придет пора,
Недолго ждать теперь,
Слезами радости с утра
Расплачется капель.

Живой, струящийся поток
Последний смывает лед,
И смелый, маленький цветок —
Подснежник расцветет.

* * *

В моем саду улыбка розы
 Меня встречает поутру.
 Сотру вчерашней грусти слезы,
 Печали след с лица сотру.

Пройду по утреннему саду.
 Он весь купается в росе,
 И за мои труды — наградой
 Он предстает во всей красе.

Предназначение земное
 На свой исполнила я лад:
 Детей родить, и дом построить,
 И вырастить цветущий сад.

СОЛОВЬИ

Ты помнишь летний домик мой,
 А рядом с ним — лесок.
 Не часто слышался весной
 Там птичий голосок.

Синички свой простой вокал
 Лишь предъявляли нам,
 Да дятел стук свой добавлял
 В нестройный птичий гам.

Кукушка пела на свой лад
 И по весне не раз,
 Считая годы наугад,
 Обманывала нас.

И вдруг под вечер — трели, свист
 Заливистый такой!
 Звук был так нежен, серебрист,
 Что мой смутил покой.

В орнитологии слабы
 Познания мои,
 Но кто же это может быть?
 Да это ж соловьи!

Как видно, гнезда свили тут,
 Ведь птичий прост уют,
 Нашли в лесу себе приют
 И вот — для нас поют.

Так песня для меня нова,
 Что свищут соловьи,
 В ней будто слышу я слова —
 Рефреном — Bonne nuit.

Смысл этих слов, такой простой,
 Тебе и мне знаком,
 Владеем оба мы с тобой
 Французским языком.

Пусть не Ромео больше ты,
 И не Джульетта — я,
 С тобой хочу — предел мечты —
 Послушать соловья!

Но ты живешь так далеко,
 И у тебя дела,
 Ко мне добраться нелегко,
 Дорога — тяжела.

Что ж делать? Завтра из ворот
 Я выйду в тот лесок
 На серебристый, звонкий, — тот
 Волшебный голосок.

И попрошу я поскорей
 Послать к тебе гонцов,
 Пусть выберут из стаи всей
 Лишь лучших из певцов.

Я расскажу им, как лететь
К тебе, в края твои,
Чтоб на заре тебе пропеть:
«Спи сладко! Bonne nuit!»*

Уходит август

Галиине Гашуниной

Царственный месяц август
Скоро свой снимет венец.
Август, уходит август,
Значит — и лету конец.

Август — пора звездопада,
Зыбкое счастье зову,
Россыпи яблоч опавших
Всю устилают траву.

Первый туман над садом,
В дымке нежданной — цветы.
Август, таким нарядом
Их не порадовал ты.

Вот и кончается август,
Месяц несбывшихся снов,
Август — манящий, дразнящий,
В вечность упрямо летящий,
Счастье пообещавший,
Но не сдержавший слов.

* *Bonne nuit* – Спокойной ночи (франц.)

* * *

Осеннее солнце последнее
Пригрело меня невзначай...
Где яркая живопись летняя?
Кругом — увяданья печаль.

Дождями навзрыд, безутешными
Оплаканы летние дни.
Так жаль, что в окрестности здешние
Не скоро вернуться они.

Палитру свою бело-черную
Раскроет седая зима,
И дачников племя упорное
Прогнав в городские дома,

Начнет заметать и куражиться,
И землю студить, и сердца,
Да так, что однажды покажется —
Ей вовсе не будет конца.

Смотря за замерзшими окнами
О лете красивые сны,
Воробышком грустным, нахохленным
Ждать буду прихода весны.

Прошу у судьбы снисхождения:
Пусть жизни продолжится ход,
Чтоб яркое солнце весеннее
Согрело меня в свой черед.

Об авторе

Поляков Василий Евгеньевич родился в г. Москве 4 июля 1938 года. Доктор медицинских наук, профессор, врач высшей категории, академик Международной Академии информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры, член Союза писателей России. Награждён знаком «Почётный донор СССР», медалью «850-летие Москвы». Лауреат литературной премии «Медицинской газеты». В 2013 г. награждён дипломом им. М. Ю. Лермонтова

«Недаром помнит вся Россия» и медалью «М. Ю. Лермонтов 1814–1841». Издал 5 книг художественной прозы и стихов: «Книгу о врачах и причастных к медицине» (2006 г.), книгу стихов «Грустное и смешное» (2006 г.), роман «Вирсавия» (2007 г.), книгу новелл «Розы обязательно зацветут» (2007–2008 гг.), книгу очерков «Молочный поросёнок под хреном» (2009 г.) «Персоналии» (2016 г.)

О, РУСЬ МОЯ!

Илья Ильич Мечников

В семье ремонтёра двух гвардейских полков помещика Ильи Ивановича Мечникова 3 (15) мая 1845 года в селе Панасовка Купянского уезда Харьковской губернии родился пятый ребенок, которого в честь отца назвали Ильёй.

Илья Ильич в детстве был светленьким, тоненьким мальчиком с нежным цветом лица, серо-голубыми глазами, которые обрамляли шелковистые светлокаштановые волосы. Он был подвижен, как ртуть, впечатлителен, вспыльчив, но его глаза постоянно искрились умом, живостью и добротой.

Когда Илье исполнилось 8 лет, на каникулы в Панасовку в качестве учителя старшего брата приехал студент-медик Ходунов. Есть сведения, что студент очень добросовестно учил старшего брата, старался привить любовь к ботанике, используя для этого не только застольные занятия, но и экскурсии в лес и в степь. Льва

не очень занимала ботаника, её он изучал поверхностно. А вот маленький Илья неожиданно из простого соучастника прогулок сделался страстным собирателем и определителем растений, составителем гербария, истовым создателем сочинений по ботанике, собирателем книг по истории естествознания, экспериментатором-натуралистом и даже импровизатором-лектором. По существу главное дело жизни было избрано им уже в восьмилетнем возрасте.

В 1856 году младшие братья Николай и Илья успешно сдали экзамены в Харьковскую гимназию. Илья учился достаточно успешно по всем предметам, но к четвёртому классу появились у него особенно любимые и почитаемые: естественная история (история естествознания), ботаника и геология. В то время на книжных рынках появилось множество переводных книг по естествознанию. Илья читал много и с жадностью. В четвертом классе гимназии, в возрасте 15 лет, он впервые прочёл в русском переводе монографию Генриха Георга Бронна «Классы и порядки животного царства». Приложенные таблицы демонстрировали «молодому ученому» никогда еще не виданный им мир микроорганизмов: инфузорий, амёб, корненожек. Илья испытал настоящее потрясение от открывшегося ему совершенно неведомого огромного мира, окружающего человека. Вот тогда он твёрдо решил, что будет изучать проявления жизни в простейшей форме. Клеточки микроорганизмов, которые он рассматривал в книге, казались ему одновременно простыми, доступными и сказочно красивыми, совершенными.

Вне занятий Илья увлекался музыкой и страстно любил её, а кроме того, очень любил споры с товарищами на самые общие, даже отвлечённые темы.

Илью манила наука, он мечтал сблизиться с кем-нибудь из профессоров Харьковского университета, чтобы иметь возможность заниматься серьёзной научной деятельностью в лабораториях университета. Пытливый Мечников заинтересовал молодого физиолога Щелкова, который принял Илью, уделил ему время, согласился давать гимназисту частные уроки по гистологии. Студенты-медики помогли Илье обзавестись микроскопом. Сбылась его мечта — самому увидеть и исследовать одноклеточные организмы.

Весной 1862 года, в 17 лет, Мечников окончил гимназический курс с золотой медалью. Илья сознательно добивался её, так как это давало возможность поехать для дальнейшего научного образования за границу. Несмотря на большие предстоящие расходы,

отец и мать выкроили сыну деньги и снарядили его в путь в Германию. Однако оказалось, что Мечников приехал к немцам на шесть недель ранее начинавшихся по немецкому расписанию занятий (только с середины октября). Впервые очутившись на чужбине и оказавшись совсем один, Илья растерялся и после метаний по разным городам, бытовых неурядиц и неприятностей бросил всё и уехал домой. Мечников привёз из Германии русский перевод книги Чарльза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», опубликованной в 1859 году. Илья тщательно проштудировал книгу и с этого времени стал убеждённым сторонником теории эволюции Дарвина.

В 1862 году Мечников поступил на естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета. Очень скоро, однако, Мечников понял, что университет даст ему с точки зрения образования совсем немного. Тогда он решил пройти университетский курс в два года. Для этого он уволился из университета, поступил вольнослушателем и готовился вместе со студентами четвертого курса к испытанию на степень кандидата. Экзамены Мечников сдал блестяще и окончил университет в 1864 году в возрасте 19 лет первым кандидатом.

Последующие 52 года жизни Мечникова в науке сопровождалась упорным трудом, исследованиями во многих областях естествознания, биологической науки, медицины. Илья Ильич не избегал нелицеприятной критики оппонентов, потерь и душевных драм. Но, вероятно, только такая жизнь и могла сопровождаться теми научными озарениями, за которые так любили и глубоко уважали Илью Ильича его научные коллеги, ученики, родные и близкие.

К окончанию университета Мечников был достаточно знаком с особенностями строения особей из низших отрядов животных. Сколько он наблюдал в микроскоп губок, червей и других, совсем простых беспозвоночных! Но если эволюционная теория Дарвина верна, то у более высокоорганизованных животных, в частности, позвоночных, должны обнаруживаться черты, роднящие их с низкоорганизованными животными. Нахождение таких родственных черт при сравнительном анализе строения низко- и высокоорганизованных животных как раз и может подтвердить правоту идей Дарвина. Но, к сожалению, ко времени появления таких мыслей у Мечникова фактического материала было мало. А происходило это из-за того, что эмбриология позвоночных к тому времени была развита и изучена значительно лучше, чем эмбриология беспозвоночных.

Вот почему с такой готовностью, даже с радостью Мечников в течение 3 лет занимался изучением эмбриологии беспозвоночных в различных странах Европы. Сначала он работал на острове Гельголанд в Северном море, затем в Гисене (возле Франкфурта) в Германии в лаборатории Рудольфа Лейкарта, а потом в Неаполе в Италии он сотрудничал с Александром Ковалевским. Итогом совместной работы Мечникова с Ковалевским стала премия Карла Эрнста фон Баэра. Оба исследователя пришли к выводу, что зародышевые листки многоклеточных животных демонстрируют структурное соответствие, или, выражаясь научным языком, являются «гомологичными». А именно так и должно быть у форм, имеющих общее происхождение.

В 1867 г., в возрасте 22 лет, Илья Ильич Мечников защитил в Санкт-Петербургском университете диссертацию на соискание учёной степени доктора наук, посвящённую эмбриональному развитию рыб и ракообразных. Защита диссертации позволила ему стать доцентом Санкт-Петербургского университета и 6 лет преподавать в нём зоологию и сравнительную анатомию.

В 1869 г., 24 лет, Илья Ильич женился на Людмиле Федорович. Они прожили счастливо 4 года, хотя у них и не было детей. Жена болела туберкулёзом, и, в конце концов, эта болезнь свела её в могилу. Мечников очень тяжело пережил гибель близкого человека.

Друзья уговорили Мечникова принять участие в антропологической экспедиции по обследованию калмыков, проживавших у Каспийского моря. После экспедиции Илья Ильич уже не вернулся в Петербург. В 1873 г. он был избран доцентом Новороссийского университета в Одессе. Не только возможность жить в южном городе с более благоприятным климатом привлекла Мечникова. Главное было в том, что город располагался на берегу Черного моря, животный мир которого был чрезвычайно богат и разнообразен, но при этом изучен совсем неполно.

В 1875 г., в 30-летнем возрасте, доцент Мечников познакомился с 15-летней ученицей гимназии Ольгой Белокопытовой, к которой его наняли репетитором. Довольно быстро взаимная симпатия переросла в большое чувство. На одном из уроков Мечников признался своей молодой очаровательной ученице в любви и сделал предложение руки и сердца, которое было принято тот час же, без размышлений. Они были созданы друг для друга и сияли от счастья. Однако оно чуть было не закончилось трагически. Ольга поступила в университет и там же стала работать лаборан-

том бактериологической лаборатории. В один из дней она случайно заразилась из пипетки культурой брюшного тифа и тяжело заболела. Понимая, что он снова теряет дорогого близкого ему человека, Мечников попытался свести счёты с жизнью. Он ввёл себе в вену культуру возбудителей возвратного тифа.

На этот раз судьба смилостивилась над преданно любящими друг друга людьми. Ольга осталась жива. Тяжело переболев, выздоровел и Илья. Душевные и физические страдания закалили Мечникова. Прошла его депрессия. И даже ухудшение зрения, наметившееся еще в период работы с Ковалевским и вызывавшее резкую боль в глазах, отступило. После перенесённого возвратного тифа зрение даже улучшилось.

До конца дней своих Мечников сохранил возвышенное чувство любви и уважения к жене. У Мечниковых не было детей. И когда один за другим в течение года умерли родители Ольги, супруги без колебаний стали опекунами и воспитателями двух братьев и трёх сестёр Белокопытных.

Хорошо жилось Мечниковым в Одессе.

Однако в России к этому времени усилились политические беспорядки, в том числе в студенческой среде. В ответ правительство предприняло целый ряд жёстких репрессивных мер. Работать в таких условиях стало невыносимо. Илья Ильич подал в отставку и переехал в город Мессины в Италию.

В этом городе Мечников проводил наблюдение за личинками прозрачных животных — морских звёзд. Он заметил, что если в организм звезды попадает или проникает чужеродное тело, его сразу же начинают окружать и поглощать подвижные клетки. Если чужеродные тела оказывались совсем небольших размеров, блуждающие клетки организма звезды постепенно поглощали их полностью. То, как звезда обороняла своё тело, совершенно не отличалось от того, что можно было наблюдать при воспалительной реакции организма человека. Однако до наблюдений Мечникова рассмотренное явление объясняли как способ распространения чужеродных веществ по всему организму больного животного через кровеносную систему.

Опыт эмбриолога позволил Мечникову взглянуть на это явление другими глазами. Блуждающие клетки организма морских звёзд не только окружали и поглощали объект вторжения, но и подвергали резорбции и уничтожению те ткани и клетки собственного организма, в которых он больше не испытывал нужды.

Мечников назвал эти клетки «фагоцитами» (от phagein — есть, пожирать и cytos — клетка). Но фагоциты морской звезды и лейкоциты человеческого организма принадлежат гомологичным рядам, так как имеют общее происхождение из мезодермы. А это, в свою очередь, могло свидетельствовать только о том, что и лейкоциты по существу являются фагоцитами, что и они выполняют и защитную, и санитарную функцию в организме человека, обороняя его от внешних пришельцев и освобождая от продуктов их распада. Анализируя впоследствии сделанное им открытие, Мечников писал, что «совершился перелом в моей научной жизни. До того зоолог, я сразу сделался патологом».

Хорошим объектом для демонстрации явления фагоцитоза оказались и прозрачные водяные блохи.

Наблюдения, открытие и анализ, сделанные Мечниковым, позволили ему представить всю картину болезни в целом. Он представлял болезнь как борьбу между поступившими в организм патогенными бактериями, микробами и фагоцитами — «клетками-пожирателями» самого организма. Воспалительная реакция в этом случае есть не что иное, как признак схватки фагоцитов с микробами-пришельцами, а излечение — это окончательная победа макрофагов над микробами после определённой динамической схватки в виде воспалительного процесса.

В 1886 г. в Одессе организовался Бактериологический институт. Мечников вернулся в Россию по предложению возглавить вновь созданное научное учреждение. В стенах Одесского бактериологического института Мечников изучал рожистое воспаление и возвратный тиф, наблюдал действие фагоцитов кроликов, собак и обезьян на микробы, вызывающие эти воспалительные процессы. Сотрудники лаборатории, которую возглавлял Мечников, работали и над созданием вакцин против сибирской язвы овец и холеры кур. Созданная вакцина против сибирской язвы овец, к сожалению, оказалась неэффективной. В 1887 г. Мечников впервые доложил в Одесском обществе врачей своё открытие — явление фагоцитоза. Доклад выслушали со вниманием, но всей глубины теории не поняли.

В этом же году Мечников вторично покинул Россию. Ему повезло, что в Париже его принял и выслушал Луи Пастер. Многочасовая беседа завершилась предложением директора создать новую лабораторию в Пастеровском институте и стать её научным руководителем. Мечников с радостью принял предложение, приступил

к работе и работал в этом институте 28 лет, до самой своей кончины. Он продолжал детально изучать фагоцитоз, изучал также холеру, сифилис и многие другие инфекционные заболевания. Однако наиболее важный вклад, сделанный Мечниковым в науку, носил методологический характер. Целью всей жизни учёного было изучение иммунитета при инфекционных заболеваниях с позиций клеточной физиологии. Однако приверженцы гуморальной теории иммунитета отдавали предпочтение в уничтожении «микробов-пришельцев» не лейкоцитам-фагоцитам, а определённым биологическим веществам, содержащимся в крови. Мечников признавал существование антител и антитоксинов, которые открыл Беринг, но вместе с тем очень изобретательно и искусно защищал фагоцитарную теорию, находя для её подтверждения всё новые и новые научные факты, добытые в скрупулёзных и изящных опытах. «Битва идей» завершилась тем, что апологетам фагоцитарного и гуморального иммунитета Илье Ильичу Мечникову и Паулю Эрлиху в 1908 году была присуждена Нобелевская премия по физиологии и медицине «за работу по теории иммунитета».

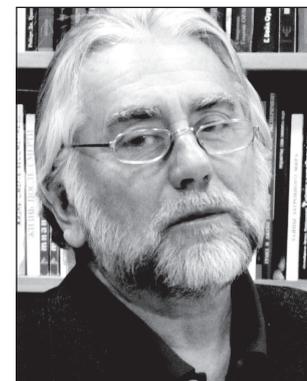
Илья Ильич прожил яркую и счастливую жизнь в науке. В 1883 году он был избран член-корреспондентом, а в 1902 году почётным членом Петербургской Академии наук. Мечников был избран почётным доктором Кембриджского университета, членом Шведского медицинского общества, членом Академии наук Франции. Среди его многочисленных наград — очень престижная медаль Копли, которой наградило его Лондонское королевское общество.

...Учёный умер после нескольких инфарктов миокарда в возрасте 71 года. Это произошло 15 июля 1916 года в Париже. Илья Ильич Мечников оставил глубокий след в науке своими научными идеями и своей многочисленной научной школой. Он из плеяды тех учёных, которыми гордится не только Россия, но и весь мир.

Очень точно вклад в науку, сделанный И. И. Мечниковым, оценил академик Н. А. Холодковский. В статье «И. И. Мечников как зоолог и значение его зоологических исследований для медицины», опубликованной в «Известиях Военно-медицинской академии (1917, 1, с. с. 2–10) Холодковский писал: «...ни один дипломированный медик не сделал для медицины столько, сколько сделал для неё химик Пастер и зоолог Мечников».

Об авторе

Член Союза журналистов России, член Творческого Союза художников. Работал в издательствах «Высшая школа», Плакат, АПН. В газете «Вечерний клуб». Издавал газеты «ГДЕ» и «Столичный сервис». Писать прозу начал в конце 80-х годов 20-го века. Автор рассказов и прозаических миниатюр.

Владимир Поляков

О, РУСЬ МОЯ!

В поисках Родины

Сегодня, когда безжалостные и агрессивные в своих рассуждениях молодые люди пренебрежительно и беспрестанно называют в интернете Россию «рашкой», я не столько возмущаюсь, сколько огорчаюсь и задумываюсь... Как же так?!

Ребята, ведь самая главная Родина для нас — это мать. Матери бывают разными... добрыми и ласковыми, суровыми и, даже, злыми, богатыми и щедрыми, беспечными и бедными. Но как можно не любить её — давшую тебе жизнь?! Из своей плоти и крови создавшую тебя. Как можно поменять её на другую? Мать — наша главная и самая маленькая Родина, в доме которой ты и родился.

Есть у нас и мини-родина — это наш дом, где каждый из нас, взрослея, становится в нём президентом, премьер-министром и министром обороны. Есть и малая Родина — деревня, посёлок, район, где мы проживаем. Моя малая Родина — мой район с арбатскими переулками, Пречистенкой, Волхонкой, Плющихой и Новодевичьим монастырём. Родина побольше — это, конечно,

моя любимая Москва — город, где я родился и вырос, с его бульварами, площадями, парками, Кремлём и Садовым кольцом. Ну, а самая настоящая, большая Родина — это Россия, которую я когда-то исколесил вдоль и поперёк, повидав Пензу и Астрахань, Вологду и Петрозаводск, Ульяновск и Волгоград, Ярославль и Кострому, Тулу и Тверь, Новгород и Псков, Чебоксары и Казань...

Раньше моя Родина была намного больше, когда в неё входила, нервная ныне, Украина, высокомерная Прибалтика, терпеливая Белоруссия, гостеприимная Грузия, трудолюбивая Армения, загадочный и ароматный Узбекистан. А, поглядывая тёплыми летними вечерами на медленно проплывающую по звёздному небу желтую луну, я задумываюсь: как же всё относительно?! Поэтому что если спросят меня когда-нибудь жители других планет: «Где твоя родина, сынок?» — Я гордо отвечаю им: «Моя родина — Планета Земля!»

Широка моя родная... (от Валдая до Алтая)

Врачебная солидарность

Круиз на теплоходе по Волге. В ресторане за обедом заходит разговор о медицине с соседями по столу. Сосед-врач рассказывает: «Когда мне сделали операцию, хирург спросил меня: А Вы где работаете? — На скорой! — Водителем? — Нет, врачом! — Что же Вы раньше не сказали? Мы бы Вам хороший наркоз дали!»

Назидание

Командировка в Харьков в 1985 году. Вечером, прогуливаясь, иду по Сумской, центральной улице города. Слева, между домами, на высоком заборе повисло несколько пацанов 7–8 лет. Прохожу мимо, слышу: «Дядь, покурить не найдётся?» Оборачиваюсь и игриво отвечаю: «Ну, что вы, ребята, я ещё не курю». Довольный своей находчивостью, двигаюсь дальше и слышу вслед печальное: «А пора бы, уж...»

Особенности менталитета

В Москве, на Садовом кольце, в троллейбус «Б», стоящий на конечной остановке, заглянул грузин. Крикнул, обращаясь

к молодому парню: «Скажи, дорогой, какой номер, А? «Б» — ответил тот. «Зачем обижаешь?» — расстроился грузин.

Ивановские гласные

В Ивановской области на Волге вслушиваюсь в очаровательный местный говор. Здесь в разговор экономят на гласных и мягких знаках: «Сделаш, скушаш, слетащ, приезжат»... а ещё заменяют букву «Е» на «Я»... ГалЯрея, лЯкторий, винЯгрет, серЯбро, лЯчебный, или на букву «А»... процАдура, жАлезный.

В санаторный буфет заходят за пивком пять девушек. Маленькая толстушка в чёрной форме охранника возмущенно говорит буфетчице: «Вот я говорила Ленке: «БЯри пять!» А она: «чАтыре, чАтыре!»

Веселая Анапа

На Казачьем рынке объявление на прилавке: «Голых и курячих не обслуживаем», а на рыбном павильоне приклеена бумажка: «Рыба в отпуск до 20 октября!»

Пензяки-патриоты

В Пензе на улице, в жару, какой-то мужик пьёт из автомата газировку: «Ну, шо это за вода? Вот я в Саратове пил, так там ледяная!» Вся очередь дружно и возмущенно взрывается: «Чё? В Саратове? Знаем, там хлорка одна!!!»

Разъяснение

В запорожском бюро путешествий, методист кричит в телефонную трубку: «Группа из города Чайковский! Запиши: Чайковский! Ну, это был такой... Моцарт!»

Подмосковный Клондайк

В совхозе под Дмитровым, работников московских издательств, прибывших «на Картошку», встречает местный колхозный бригадир в резиновых сапогах, телогрейке и в шляпе. Прохаживаясь перед строем вновь прибывших, строго инструктирует их, стараясь блеснуть эрудицией: «Заработать у нас много не надейтесь! Здесь обычный совхоз, здесь вам не Клойданек!»

Редакторы корчатся от смеха, но это ещё не всё... На следующий день, в поле, бригадир продолжает воспитывать уставших

женщин: «А вы как думали? У нас тут тяжелая работа, а не танцы в крепдешине!»

Ложечка

Полуголодный 1981 год. Золотая Хохлома под городом Горьким. В селе Семёнове музей народного быта, где на витринах множество старинных деревянных предметов и посуды. Хожу — разглядываю. Внимание привлекает большая, размером и формой с чайное блюдце, деревянная ложка, с очень длинной тонкой ручкой. Пытаюсь через витринное стекло прочесть надпись под ложкой. Наконец, читаю: «ложка икрная».

Подходит женщина, смотрительница музея: «Я смотрю, Вас наша ложечка заинтересовала?». Я подтверждаю, что ложка любопытная, и с интересом жду пояснений.

Смотрительница с явным удовольствием рассказывает. Мы в прошлом году были в экспедиции по глухим деревням, собирали старинную посуду, и в одной деревеньке на Волге подходит ко мне старенькая бабушка и говорит:

— Матушка, а икрная-то ложечка не нужна вам?

— Что за икрная, — спрашиваю я, — разве есть такие?

— Ну, как же, — удивляется старушка, — а чем же икорку-то из бочонка доставать?! И приносит эту ложку.

У членов нашей экспедиции, которые об икре, конечно, слышали и даже видели её, но только в стограммовых стеклянных бачонках, был тихий шок. Вот так нам эта ложечка и досталась, чем мы гордимся очень! — Завершает свой рассказ смотрительница.

Повезёт не всем

Едем на автобусе из Нижнего Новгорода в Дивеевский монастырь. Записываю по дороге названия деревень: «Лапшиха», «Арманиха», «Юловка», «Кужутки»... и названия речек: «Вилейка», «Водопрь», «Серёжа». А через 100 км, город Арзамас. Узнаю, что он назван по именам двух мордвинцев, первыми принявших православие: Арза и Масай. Ну, а дальше село Дивеево, или Дивеевская слобода. Святое место, 4-й удел Богородицы. Здесь местные жители сообщают нам забавную новость: В надежде на спасение от скорого Конца Света в декабре 2012 года, в селе купили себе дома, — Эдита Пьеха, Жанна Бичевская, Надежда Бабкина, Алла Пугачева и братья Михалковы.

Невидимый Брежнев

Мы все помним Леонида Ильича как главную фигуру эпохи застоя, как важного, величавого и недоступного руководителя страны. Таким его наблюдали и даже побаивались все, хотя и постоянно посмеивались, развивая искусство анекдота...

«Брови чёрные, густые, речи длинные пустые...

Кто даст правильный ответ? — тот получит 10 лет!»

Но за грозной, возвеличенной фигурой вождя скрывался обычный простой человек, с набором банальных слабостей и комплексов.

Я расскажу необычную и забавную историю о нём, свидетелем и, частично, участником которой мне удалось быть и узнать Брежнева таким, каким его знало только ближайшее окружение, что за глаза звало его ДЕДОМ.

Общеизвестна была его любовь к наградам, и окружение старалось постоянно удовлетворять эту страсть. И вот, в 1973 году, соратники додумались вручить ему главный полководческий орден — Орден Победы, который, по своему статусу, вручался полководцам, выигравшим крупнейшие сражения войны. После вручения, на котором бывший генерал, а ныне уже маршал Брежнев был сфотографирован своим личным многолетним фотографом Владимиром Мусаэльяном, издательству ЦК КПСС, в котором я тогда трудился, поручили срочно изготовить плакат на основе цветного фото с Леонидом Ильичом, в маршальской форме, со свежеврученными орденом, усеянным рубинами и бриллиантами.

В режиме «молния» был срочно отпечатан большой цветной фотоснимок, тщательно наклеен на плотный картон и отретуширован лучшими ретушерами издательства, убравшими малейшие изъяны на парадном портрете. Был написан редакторами и утверждён руководством соответствующий текст к плакату. Когда оригинал плаката уже подготовили к сдаче в типографию для печати тиража, руководство издательства вдруг обратило внимание на то, что клапан кармана на мундире Брежнева заткнут вовнутрь. О, ужас! В парке никто не придумал этому значения, а сейчас началась паника. Никто не захотел брать на себя ответственность за такой ляп, включая отдел пропаганды ЦК КПСС. И тут мой заведующий редакцией решает лично обратиться за помощью к Мусаэльяну, который вскоре прибывает и знакомится с досадной проблемой. Недолго думая, он связывается с охраной генсека и получает разрешение на визит в Заречье на дачу, где отдыхает после обеда генеральный секретарь.

Там, дождавшись, когда Брежнев проснётся, демонстрирует ему его парадное изображение. Радости Леонида Ильича нет предела. Он зовёт свою жену, Викторию Петровну, и они вместе восторгаются плакатом. Мусаэльян осторожно ставит Брежнева в известность о возникшей проблеме, рассказывая о кармане.

«Это потому, что я записку с ответным словом туда засунул! Что же нужно сделать, Володенька?» — вопрошает Брежнев.

«А вы подпишите плакат, Леонид Ильич!» — нашёлся Мусаэльян.

«Что подписать, где?»

Мусаэльян достаёт авторучку и показывает на служебный сопроводительный листок, приклеенный на обороте плаката: «Напишите здесь — В ПЕЧАТЬ! и подпишитесь, Леонид Ильич!» Брежнев послушно подписывает плакат и ставит число. Виктория Петровна приносит с кухни большой пластиковый пакет с крупными пунцовыми краснодарскими помидорами.

«Вот, Володенька, поблагодари ребят, пусть угостятся!»

Мусаэльян с подписанным плакатом и пакетом помидоров мчится на машину в редакцию, где мы уже извелись от нервного ожидания, и торжественно вручает нам, утверждённый самим Брежневым, многострадальный плакат с подарком. Издерганные и ошалевшие от неожиданного и благополучного исхода сотрудники не в силах проигнорировать высокопоставленное одобрение, быстро сбрасываются по трёшнику, и в редакции начинается двухдневное празднование под закуску от генерального секретаря ЦК КПСС. Ближе к вечеру нас навещает, возбуждённый и взвинченный от неопределённости, директор издательства в сопровождении многочисленной свиты. Застав всю редакцию в неприглядном состоянии, пытается в гневе пригрозить нам санкциями, но, выслушав рассказ о нашей удавшейся аванюре, выпивает рюмку водки за здоровье генерального секретаря, закусывает кусочком дарёного помидора, подписывает задним числом плакат в производство и тихо удаляется в недоумении. Плакат был оперативно отпечатан в типографии, а его издательский оригинал преподнесён фотографом самому Брежневу и продолжил свои приключения в его кремлевском кабинете, встав там на самом видном месте

Спустя несколько дней к нам вновь возвращается взволнованный Мусаэльян с хорошо знакомым нам фотоплакатом. Отвечая на немые вопросы в наших глазах, он рассказывает, что войдя в кабинет Брежнева, застал шокирующую сцену. Леонид Ильич, сняв галстук и пиджак, тяжело дыша, рихтовал непослушный картон

с фотографией об ребро своего стола заседаний. Оказывается, фотография, добротной приклеенная резиновым клеем к картону, высокохнув, стянула и выгнула его вовнутрь. Сцена была фантастическая! Руководитель и могущественный повелитель огромной страны, которому было достаточно повести бровями, чтобы исполнилось любое его пожелание, — сам, вручную, пытался исправить наш редакционный косяк. Срочно проведя мозговой штурм, мы находим простое и верное решение, приклеив на обратную сторону картона лист ватмана, после чего картон выпрямляется. Мусаэльян забирает плакат и устремляется в Кремль к ожидающему его Леониду Ильичу. Вот так и завершается эпопея с любимым плакатом Брежнева.

Осталось добавить, что в 1989 году М. С. Горбачев своим указом посмертно лишил Леонида Ильича его драгоценной награды и изъял орден у семьи бывшего генерального секретаря.

Доктор Крым..., или лечебные грязи Саки

В грязелечебнице снуют туда-сюда проворные женщины в клеенчатых жёлтых фартуках до пят. Слышны громкие крики: «Макс, большую в девятую!» — значит, ведро грязи в девятую кабину. «Макс, «брюки» в шестую!» — это полведра на половину тела в шестую кабину. И по проходу лечебницы катит тележку с ведрами грязи худенький, коротко остриженный парень в зелёной майке и, тоже длинном, фартуке. Чёрная, густая как сметана, горячая грязь вываливается на большой топчан, покрытый полиэтиленовой плёнкой. Туда вскоре забирается и плюхается на спину очередной пациент, которого быстрыми и ловкими движениями рук покрывает грязью сотрудница в фартуке.

«Макс-и-и-и-м!!! Забирай в седьмо-о-о-й!!!» — раздаётся протяжный и пронзительный голос. И Максим сгребает с топчана использованные полиэтиленовые плёнки, перепачканные грязью. Постоянно слышен шум льющейся воды. Вымазанных в липкой грязи клиентов отмывают из шланга и под струями душа. Пришедшие на процедуру в первый раз немного растеряны, стесняются и, раздевшись догола, прикрывают свои интимные места ладонями. Но после энергичного подбадривания сотрудниц грязелечебницы вынуждены голыми забираться на топчаны в разлитую на них грязь. Быстро вымазав и обернув клиента плёнками, сотрудницы обязательно спрашивают: «Одеялом накрыть?» Если такое же-

лание появляется, то они набрасывают на закутанную в плёнки «жертву» суконное одеяло.

А в коридоре, на длинной скамейке, обитой дерматином, ожидают очередных клиентов 3–4 женщины в длинных жёлтых фартуках. Но недолго. Периодически слышатся выкрики медсестры-диспетчера: «Надя,.. девочка!.. Петровна, у тебя мальчик!» — значит, подошли или подъехали на инвалидной коляске мужчина или женщина. Грязи на всех хватает.

То ли сказка, то ли быль... **«Путешествие на машине времени»**

Кто не испытывал соблазн окунуться в глубины истории и прочувствовать на себе — в каком времени было бы интересно и комфортно оказаться!?

Может быть, в 13-м веке, чтобы пережить монголо-татарское нашествие... или в 16-м веке, во времена Ивана Грозного. А, может быть, в 17-м веке, переживая смутное время и правление Бориса Годунова? А если очутиться в 18-м веке, испытав на себе реформы Петра Первого и Екатерины Второй?

Нет. Я бы, пожалуй, предпочёл путешествие в просвещенный 19-й век, когда были «упоительны в России вечера... балы, шампанское и хруст французской булки». Туда, где царили и торжествовали гусары, победившие французов. Где были изысканы манеры и строго соблюдались правила поведения в высшем обществе.

И вот моя мечта начинает сбываться как в волшебном сне. Я во дворце, где в огромных хрустальных люстрах горят сотни толстых стеариновых свечей. Я кружусь в вальсе по разноцветному наборному паркету в бальных туфлях-лодочках, поддерживая за талию прекрасную даму в роскошном длинном платье с кринолином, у которой развеваются локоны изысканной прически, горят восхищенные глаза. Украдкой поглядываю на себя в зеркало и совсем не узнаю. У меня шикарные седые бакенбарды, чёрный фрак, белая накрахмаленная сорочка, стянутая жилетом, с белой бабочкой-бантом, стягивающим воротничок-стоечку. Ко мне обращаются: «Ваше Сиятельство!». На лацкане фрака у меня почётный Орден Станислава, и через плечо — красная орденская лента. Кто-то вежливым шепотом предупреждает меня, что приглашать даму на танец на этом балу я могу не более двух раз подряд. Приглашая в третий раз, согласно великосветским правилам, я обязан сделать ей предложение

руки и сердца, иначе мне грозит отлучение от высшего аристократического общества, и даже возможен вызов на дуэль от её родственников, поскольку я поставлю девушку в сомнительное положение. Выпрямив спину, скользящим шагом подхожу к стайке беседующих дам и, согласно придворному этикету, вначале кланяюсь самой старшей из них. Затем делаю поклон выбранной мною очаровательной девушке и приглашаю её на мазурку, протягивая правую руку от пояса слева-направо и вверх. Юная дама делает книксен, слегка приседая, и лёгким наклоном головы выражает своё согласие. Гремит оркестр, пылают свечи, кружатся пары в танце.

Боже мой! Что за чудесный сон, что за прекрасное виденье? Вокруг меня элегантные дамы, блистательные гвардейские офицеры в мундирах с эполетами и аксельбантами.

Нет, уважаемый читатель, ты ошибаешься! Я — в здравом уме и трезвой памяти. Это абсолютно реальное видение. Просто, сейчас я снимаюсь в новом многосерийном фильме Карена Шахназарова «Анна Каренина». Мне выпал счастливый жребий. Пройдя многолюдный кастинг и, будучи отобраным в группу гостей бала, я осуществил своё тайное желание и проник сквозь слои десятилетий в тот самый желанный 19-век.

Съёмки на «Мосфильме» продолжатся несколько дней, и мы вживаемся в роли царских чиновников, графов и графинь, княгинь и князей, впитывая и перенимая стиль неспешных бесед и величавых манер. Нас предупреждают, что лица отражают содержание беседы, и потому не рекомендуют обсуждать проблемы отечественного футбола или современной политики, а советуют вести разговоры об охоте и скачках, балах и аристократических приёмах. Мы входим в роль светских бездельников и ведём непридуманные лёгкие диалоги.

Когда, разгримировавшись после съёмок, мы расстаемся со своим полюбившимся обликом, переодеваясь в костюмерной и напяливая на себя привычные джинсы, майки, куртки и кроссовки, мы уже не узнаем друг друга и, с глубоким сожалением, обнаруживаем своё возвращение в современный, упрощенный мир. Мы немного растеряны и, как спросонья, протираем глаза, вернувшись в хорошо знакомую реальность.

Сказка закончилась. Здравствуй, мир гаджетов, компьютеров, телевизоров, самолётов и космических кораблей!

Людмила Николаевна Саницкая — кандидат медицинских наук, врач высшей категории. Занимается литературой в течение многих лет — пишет лирические стихи, очерки, биографические эссе. Автор пяти поэтических сборников и книги мемуарной прозы «Вверх по ручью». Публиковалась в журналах «Юность», «Простор», «Будь здоров», «60 лет не возраст», международных альманахах «Муза» и «Связующее слово», альманахах «Московский год поэзии», «Литературная республика», «Золотое руно»

и др. Публикуется в периодической печати, постоянный автор литературной страницы «Медицинской газеты».

Член Союза писателей России, Союза писателей 21 века, Литературного клуба «Московитянка» Центрального Дома литераторов, Литературного объединения Центрального дома учёных «ЛИТО на Пречистенке», Регионального общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч». Номинант премии «Писатель 21 века» (2014, 2015), лауреат литературной премии им. М. А. Булгакова.
e-mail: biomed314@mail.ru

О, РУСЬ МОЯ!

Река

Голубокая река,
Ресницы — бархат камышовый...
Земли родной первооснова,
Чиста, тиха и глубока.

Туманом упадет грусть,
А утром всходит облаками...
Не замутнённая веками
Краса — есенинская Русь.

Она несёт благую весть,
Душевные омоет раны...
Края есть чудные и страны,
Но сердце бьётся только здесь.

Об авторе

* * *

Я говорю внимательным растениям —
Цикорию, ромашке и репью,
Как тихо в городскую жизнь мою
Вливается покой и вдохновенье.

Я поверяю травам и стогам
Наивных строчек дух исповедальный —
И благосклонен перелесок дальний,
И утешительно стихает птичий гам.

Осенняя всё осеняет грусть
Задумчивым лесным благословеньем.
Уходят городские настроенья
И слышится непреходяще — Русь...

Братцево

Запущенный парк за оградой,
Кирпичная кладка моста...
Как сердцу уютно, как радо
Оно этим милым местам.

Тенистость,
душистость,
дремучесть,
Нестриженность дикой травы,
Упрямой речушки живучесть,
Текущей из старой Москвы.

Поблекшая белоколонность
Усадьбы на древнем холме,
И трепетность, и растворённость
В покое, тепле, тишине.

Малиновый звон колокольный
Оттуда, где храм Покрова...
...Околица Первопрестольной.
Отечество. Память. Москва...

Красный Бор

Длинноногие мальвы
 раскрыли цветки-стетоскопы
 И слушают воздух,
 наполненный ритмом
 дождей...
 У медлительных дней
 ничего от изысков Европы,
 Но живёт палисадник
 без всяких мудрёных затей.
 Он баюкает душу,
 он помнит заветное слово
 И затеплит свечу,
 если боязно будет заснуть...
 А за кромкою леса,
 в берёзовой мгле и сосновой
 Ворожит нам речушка
 с языческим именем Мжуть.

Листопад

Золотые бабочки с берёзки —
 Листья августовские летят.
 Огневицы-осени наброски,
 Робкий, неокрепший листопад...
 Среди буйства зелени и сини —
 Первые янтарные мазки.
 На плечах печальницы-России —
 Павлово-Посадские платки...

Дом творчества. Переделкино, 2014

Ветшает наш писательский приют.
 И ниже прежней кажется ограда...
 Но сосны здесь до неба достают,
 И так же бел рисунок балюстрады.

В пространстве своего полукольца
 Она, как прежде, выслушать готова
 И откровения титана и творца,
 И строки малые отеческого слова.

Ветшает Дом, но всё светло крыльцо,
 И так же он отогревает сердце,
 Как навсегда любимое лицо,
 В которое глядеть — не наглядеться.

* * *

К истоку, к бьющему из почвы роднику,
 Младенчески прозрачному вначале,
 Где травы свежие, а детские печали
 Ещё не слиты в серую тоску!

Жизнь — что ручей, что малая река —
 Течёт и тает в море-океане...
 Но обернуться тянет непрестанно
 Назад, к истоку, к струям родника.

Воробьево

*Сергею Петровичу Фёдорову,
 лейб-хирургу Императорского Дома*

Пахнет осень прелою листвою.
 Слышен шум невидимой запруды.
 Гаснет небо. И явленьем чуда
 Диск луны плывёт над головой.

Над оврагом, с чёткостью резца,
 Старый дом диковинного свойства.
 Всё его дыханье и устройство
 Есть каприз владельца и творца.

Шпили, башни, лестницы, крыльцо,
 Все его изломы и извивы
 Ветхо и пленительно красивы,
 Как былой красавицы лицо.

То ли давней памяти следы,
 То ли лист семейного альбома —
 Силуэт причудливого дома
 Над зелёным зеркалом воды.

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

И снова пережить февраль,
 пройти по сумеркам звенящим,
 и давний лёд его и сталь
 принять живым и настоящим,
 и думать, что его броня,
 его ледовая преграда
 укроет родственно меня
 от губельного снегопада
 там, на обрыве бытия,
 у края бездны молчаливой.
 И жизнь продолжится моя
 на зимний день.
 На день счастливый.

* * *

Почти неизбежно прискорбно
 приблизился бледный февраль.
 Прискорбно, поскольку у горла
 сезонный недуг, чья печаль
 лишает особого вкуса
 течение кристального дня,
 поскольку Марина в Тарусе
 сегодня не встретит меня.

А я так давно собирала
 в копилку насущных задач
 холодную людность вокзала,
 автобуса ржавого плач.
 Весь день из недужного сплина,
 как будто свершая обряд,
 под пристальным взглядом Марины
 бумажные клочья летят...

* * *

Тот, кто неведом, всемогущ и благ,
 Заметил зябкость позднего апреля,
 И сиротливость слякоти и прели,
 И то, что тополь слишком долго наг.

Что снег сошёл, а город после сна,
 Как женщина, нахмурен и неприбран,
 И божью многоцветную палитру
 Ещё совсем не тронула весна.

И расплескалось мягкое тепло
 К земле продрогшей родственно прильнуло,
 И искоркой бесценною блеснуло
 В траве пожухлой битое стекло.

И вот уже, вздохнувши, как дитя,
 Всё сущее вокруг зазеленело,
 И вот уже взялось вершиться дело
 Благого устройства житья.

Из каждой щели тянется побег,
 Скрипят повсюду дачные калитки...
 ...Так нам дана ещё одна попытка
 Жить, называясь словом — человек.

Первое апреля

Ещё и травы не пробились к свету,
И грязный снег истаял не везде,
Но увертюра к молодому лету
Уже звучит в серебряном дожде.

Уже нас обнадёжил куст набухший,
Что скоро его веткам зеленеть...
И вот уж наши зябнущие души
Опять готовы жить, любить, звенеть!..

Часы

Мой дом жилищем многочасовым
был назван как-то гостем в одночасье.
Тогда был дом весёлым и живым,
и тёплым от нечаянного счастья.

И правда, обитали в нём часы,
во всех углах беседуя ритмично.
Для вящего порядка и красоты
творили время строго и привычно.

А после сбились с ритма, стали врать,
а то и вовсе тихо замирали...
Кукушка перестала куковать,
каминные безбожно отставали.

Меж ними, как меж гранями миров,
стояла жизнь, похожая на вечность.
Зима стелила скудный свой покров,
и осень простиралась в бесконечность.

Но стало утро. И большая ель
за окнами стряхнула снег с иголок,
и оказалось, что вокруг — апрель
и что к часам уже вернулся голос.

Взялась кукушка годы куковать,
одаривая щедро и без счёта...
А на столе пристроилась тетрадь
с вчерашней неоконченной работой.

Лето

И каждый день так много значит.
Черничник ягоду упрячет,
И стрекоза свой хищный лёт
Направит и перечеркнёт
Тропу, бегущую в траве.
И в малахитовой листве
Вязанье пряжи паутинной
Блеснёт в тени полудня длинной...
И медленно уйдёт Сегодня
Согласно промыслу Господню.

* * *

Всё тише, серебристей, некрасивей...
А сердце всё наивней, всё счастливей!
Ведь так листва зелёная обильна,
Так падают дожди светло и сильно,
Так длинен день в июльском упоенье,
Что совпадает он с сердцебиеньем.

* * *

Угасает чувственный июль,
Редкостный красавец и транжира,
Оставляя ощущение мира,
Будто древний заговор от пуль.
Ничего, что силы колдовства,
Вероятно, хватит ненадолго —
Две в стогу затерянных иголки,
Мы сплести успеем кружева.

Благо, зелен пышный окоём,
Ясен день, а небеса так сини...
У судьбы на самой середине
Помолчим, подумаем вдвоём.

Октябрю

Я люблю этот месяц озябший,
Эту грусть листопадных дождей,
Эти листья, что за руки взявшись,
Укрывают асфальт площадей.
Свет раздумья и тихой печали,
Затаённый рембрандтовский свет...
Всё — любовь, у которой начала
И конца, как у родины, нет.

Поздняя осень

Время поздней поры листопада,
Обнажённость каштанов и лип.
Допущенье нескромного взгляда
На ветвей беззащитных изгиб.

Стылый ветер, дожди, межсезонье,
Убыль дня, прирастание тьмы...
Чёрной тушью на охряном фоне
Кружевной иероглиф зимы.

* * *

Входит осень в стихи,
как в давно обжитые покои,
плащ повесив у входа
и мокрые сняв башмаки,
и опавшей листвой
осыпает строку за строкою,
отправляя к зиме
провожающим взмахом руки.

Белый вязаный плат
у холодной зимы наготове,
и рукою подать
до её ледяной немоты.
Но сквозь мартовский снег
прорастёт моё тихое слово
и прольётся ручьём,
напоив городские цветы.

* * *

По кленовому золоту листьев,
Горьковатой прохладой дыша,
Что ты бродишь устало, что ищешь
И чего ты разыскуешь, душа?

Нет в отчизне ни складу, ни ладу,
Море боли и капли тепла...
Утешайся же поздней отрадой,
Посмотри — это осень сошла!

Ненадолго её гостеванье,
Завтра лягут снега и снега...
И горька она, как расставанье,
как короткая жизнь, дорога!.

* * *

Едва морозец застеклил асфальт,
Как снова оттепель, и под ногой скользящей
Слезливый лёд. И снегопада жаль.
И жаль старух с их шагом семенящим,
С провизией в авоське и с клюкой,
С их жизнью хрупкой в равновесье зыбком...

И лишь дитя весь этот непокой
Вдруг озарит бестрепетной улыбкой!..

Святки

Зима вошла. Она дышала паром.
По-королевски куталась в снега.
Над кружевным от инея бульваром
Повесил месяц жёлтые рога.

И, растворяя горести земные,
Текла в окошко лунная река.
А письмоносцы были выходные.
Для счастья не хватало пустяка.

Зимнее

День всё короче и короче,
Уже как воробьиный скок.
И снег накатан и упрочен
На долгий срок.

Зима большой совой полярной
Кружит у ветра в поводу.
И пешеход неблагодарный
Скользит на льду.

И в тяжком коконе одежды
От холода едва дыша,
Живёт и греется надеждой
Его душа.

* * *

Мне было б жаль оставить этот снег
И перехлест ветвей витиеватый.
У февраля я в детях виноватых —
Не оправдавших, не свершивших, не...

И поделом навязчивый вопрос:
Неужто больше не увижу снега?
Давно нет альфы и близка омега,
И не вчерне живётся, а всерьёз.

Не избежать того, что суждено.
Но снег идёт — и хорошеет город...
Даст Бог, ещё проснёмся в эту пору
И будем с ней и снегом заодно.

Время

Волосы цвета платины,
синяя грусть — взгляд.
Время, когда заплатим мы
за опустевший сад.

Время оценки времени
по дорогой шкале.
Время понять, как временны
наши шаги по земле.

И улыбнуться времени
новому, как рассвет.
И не уйти в безвременье,
если ты был — поэт.

02.04.2017

Об авторе

Селезнев Евгений Федорович — по образованию инженер-физик (МИФИ), доктор техн. наук. Поэт, автор пяти поэтических сборников: «Верхотурье» (2000), «Плач души» (2003), «Признание» (2006), «Ты» (2012), «Выбор» (2015) и книги «Детство» (2013).

С 2012 г. — участник ЛИТО ЦДУ РАН.

О, РУСЬ МОЯ!

* * *

Вы помните, как временами ранними
России, в первые года,
Мы оказались эмигрантами
Не выезжая никуда.

Всё то, что раньше было ценностью,
Вмиг превратилось ни во что.
Было с небрежностью отвергнуто
И стало враз, как бы не то.

Мы просто сделали не нужными
Своей измученной стране,
Ещё вчера мы были дружными —
Вмиг оказались на войне.

Войне за ценности друг с дружкойю
В безмерном хаосе и лжи,
За то, что составляет лучшее,
От нашей страждущей души.

И в этой битве неожиданной,
Теряя почву из под ног,
Мы обрели смысл невиданный
Каким он раньше быть не мог.

А смысл тот прост, что жить нам вверено
С опорой только на себя,
Своею Родиной намеренно
Отвергнуты, её любя.

* * *

Когда хочу отринуть я века
Меж днем своим и временем событий,
Вблизи смотреть, а не издалека,
И для других нас совершать открытий.

Осознаю, что времени река
Вспять не течёт в своей сермяжной прозе,
И прошлого костлявая рука
Хранит грехи в жару и на морозе.

Но всё-таки бы надо разглядеть
Всё то, что до тебя здесь раньше было,
Чтобы понять прошедшее суметь,
Что жило, отошло и отлюбило.

И что из того прошлого со мной,
Вошло ко мне и в помыслы и в планы,
По жизни мне предписано судьбой,
В моей душе разбередив все раны.

И, может быть, оно во мне хранит
Свои победы и свои пороки
И в новое мне вырваться велит
Из рамок тех, учтя грехов уроки.

Так и живу, прошедшее храня,
По дню сегодняшнему медленно ступая,
И в каждом шаге завтрашнего дня
Вчерашнее я в новом открываю.

* * *

Среди ученых споры, мненья,
Идей несметное число,
Что ни проект — изобретенье,
Всё по любви, а не назло.

Если безумною порою,
Наперекор самой судьбе,
Вдруг что-то новое открою,
То, что не знали в старине,

Устрою чувствам всем веселье
Как наяву, так и во сне,
Где главным будет вдохновенье,
Что дарит будущее мне.

* * *

На лютой бойне жизнью не считают,
Да и смертей не принимают в счёт,
И проповедей, знаю, не читают,
На тех, кто рядом, лишь на них расчёт.

Таких как есть, других уже не будет,
Они придут, как водится, потом,
Всё разберут, осмыслят и осудят,
И заключат, что были не при чём.

Прошедшее легко суду подвергнуть,
Само уж за себя не постоит.
История любых кумиров свергнет
И новых для людей провозгласит.

Но жить живым сейчас необходимо,
Так на кого же положиться им.
На самых близких, кто неумолимо
Всегда с тобой, лишь ими ты храним.

Романтик

Пишу. Пишу стихи и в меньшей степени прозу. Конечно, хотелось бы писать не только для себя, но для других. Для этого иногда выступаю на творческих вечерах перед своими сослуживцами или перед настоящими любителями поэзии. Последнее зачастую происходит на местах моих служебных командировок, где есть договорённость с кем-нибудь из заведующих каким-нибудь учреждением, типа дома культуры или библиотеки. Как-то в одном, знаменательном для меня, месте, где о своём выступлении я мог узнать по местному телевидению, останавливаясь в гостинице, был назначен мой творческий вечер.

В очередной раз на главном местном предприятии, куда я приезжал в командировки, был юбилей и моё выступление, очевидно, как-то было вписано в юбилейные мероприятия, о чем я сам не догадывался. По крайней мере, когда я пришёл на свой вечер, то неожиданно для себя увидел в зале большую телекамеру на станке. У телекамеры стояли двое: очень красивая молодая девушка и высокий накаченный молодой человек, надо полагать — оператор.

Вечер стартовал. Я, как обычно, что-то говорил, читал свои стихи, отвечал на вопросы и прочее. Весь вечер, куда бы я не перемещался, за мной поворачивалась телекамера, фиксируя, в том числе и все мои промахи. По завершении вечера ко мне подошла та красивая девушка от телекамеры и попросила меня дать ей интервью, то есть ответить на её вопросы. Отказать девушке в её просьбе — это же просто невозможно, и я согласился.

Телекамера почти наехала на меня. Девушка, наверное, только осваивала свою профессию. Я видел, что ей очень нравилось быть перед телекамерой. Оператор покачиваясь, переступал с ноги на ногу, играя своими накаченными мускулами, которые выступали то слева, то справа из-за телекамеры, и выхватывал в кадр, судя по всему именно девушку, а не меня, всем своим видом показывая, что только ради неё он и занимается съёмкой. И, вообще, эта девушка — его. Вопросы же девушки для этого интервью, скорей всего, подготовленные заранее, показались мне дежурными и неинтересными и, как бы это сказать, не трогали меня, что ли. И, если быть предельно честным, показались пустыми, как и сама девушка, которая, почему-то больше смотрела не на меня, а в телекамеру, как-то при этом непонятно для меня улыбаясь. Было видно, что ей нравилась её роль — хозяйки существующей ситуации. Она

отдавала себе отчёт в том, что она красива и эффектно смотрится, как в окошке оператора, так и потом, на экранах телевизоров.

Так, что я воспринимал её как обычную современную девушку с понятиями своего возраста, знающую себе цену, но, как бы это сказать, по-человечески неинтересную для меня. Уже в самом конце интервью она непосредственно от себя мне сказала, что ей очень понравилось моё последнее прочитанное стихотворение «Ты». Я понял, что это уже было из неподготовленного заранее. Конечно, мне это было приятно. И тут, неожиданно для меня, я услышал её новый вопрос, как бы в развитие предыдущей фразы:

— Скажите, а Вы — романтик?

Я был ошарашен вопросом. Когда же я поднял на девушку глаза, я удивился ещё больше. Передо мной стояла уже не та девушка, которая разговаривала со мной сначала. Я видел зрелую мудрую женщину с бездонной глубиной вопрошающих глаз. Мне показалось, что я долго смотрел на неё, соображая, что ответить. Слева и справа от её головы проглядывалось выразительное лицо молодого человека — оператора, демонстрировавшего собственническое отношение к предмету своего обожания, ещё не понимавшего, какая пропасть только что выросла между ним и ей. Он остался тем молодым человеком, каким и представился вначале, а она была уже другой и совсем не его. Вопрошающие глаза девушки смотрели на меня, а не в камеру и так и остались не записанными последней. Наверное, всё-таки мои стихи запали ей в душу и это было здорово, в том смысле, что труд мой оказался не напрасным и хоть кому-то оказался нужен.

Что касается сути самого вопроса, то вопрос был интересен тем, что романтиком начинал сам А. С. Пушкин. Казалось бы, что романтика проигрывает реализму по отражению действительности, но именно романтическое, обеспечивая некоторую художественную возвышенность описываемой ситуации или предмета, если оно всё-таки проникает в душу, легче обеспечивает убеждение и внедрение своих положений читателю, зрителю или слушателю. Было очень приятно почувствовать себя в компании самого Александра Сергеевича, пусть и более двухсот лет спустя после него. И я ответил:

— Наверное...

На этом интервью закончилось. Через день я уехал, так и не просмотрев своё интервью по местному телевидению, чему я не огорчился, так как тех глаз, какие видел я, не будет показано никому. И как же будет счастлив тот упрямец, кто когда-нибудь всё-таки увидит в них своё отражение. Я буду рад за него.

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Весна, промозглая погода
И облаков сплошной покров.
Опять такое время года,
Когда всё время не здоров.

Цепочка луж на тротуаре
Отталкивает от ходьбы,
Прохожий в зонтичном футляре,
Спешит от влаги и судьбы.

То изнутри хандра нахлынет,
А то снаружи чей-то лик
Вас вдруг на подвиги подвинет,
Жить без которых не привык.

Но всё ж спешишь весне навстречу,
Чрез все преграды, поутру,
Смакуя утро, день и вечер,
Презрев и слякоть, и хандру.

* * *

Сижу в беседке, летний дождь по крыше
Стучит, вбивая крупных капель медь,
От сфер высоких музыку он слышит
И просит ни о чём не сожалеть.

В беседку капли влаги залетая
С высот небес, прохладны и нежны,
И ты сидишь, ничто не замечая,
Как гость природы — крыша, дождь и ты.

* * *

Осень, поздняя пора,
Ягодные кисти.
Как известно, вечера
Без тебя не мыслю.

Жду тебя на огонёк,
Хоть и нет возврата
К временам, чей вышел срок.
Знаю, будешь рада

Повидаться хоть на миг,
Хоть на пол мгновенья,
Силой сдерживая крик,
Сердца потрясенья.

Всем известно, хода нет,
Как же из забвенья
Воротить на белый свет
Душу для спасенья.

Как дожить мне этот век,
Каждый день итожу,
Самый близкий человек
Быть со мной не может.

Потому все вечера
За собою числю,
Нынче, завтра и вчера
Без тебя не мыслю.

* * *

Как мир прекрасен, даже если сер,
Пусть даже в тучах небо, в лужах почва.
Всё познаётся, если есть пример,
Обилье света познаётся ночью.

Чем мир прекрасен? Тем, что он живой,
Тем, что всегда находится в движенье,
Ещё конечно тем, что мир тот мой,
При всём моём к соседям уваженье.

То, что я вижу, вижу только я,
Никто другой на всём огромном свете
Не видит так дома, леса, поля
И мне в лицо особо дует ветер.

У каждого свой взгляд на этот мир,
И каждый видит лишь свою частицу,
Пространство дня, в котором был и жил,
Не замечая страны и границы.

И только вместе нам дано понять
Всю радость и особенности мира.
Таким как есть его в себя принять
О нём таком нам всем расскажет лира.

* * *

Живу зимой на даче, как в берлоге,
В кустах под снегом пришлый ёжик спит.
В гостях бывают разве что сороки
Да ветер в трубах по ночам сопит.

На воздухе гуляю то и дело.
Однажды, невзначай, мне при ходьбе
С небес в ладонь снежинка залетела,
Случайно, так сложилось по судьбе.

Она красива праздничным рисунком,
Небесный скульптор, что её создал,
Не удержал в безмолвии подлунном,
Своё произведение потерял.

Прозрачностью и лёгкостью блистала,
 Маня меня в свою же ипостась,
 Недолго на ладони пролежала,
 Растаяв, в каплю влаги собралась.

В моих руках, моим теплом согрета,
 Она судьбу закончила свою,
 Исчезнув здесь, чтоб возродиться где-то,
 Предсказывая будущность мою.

* * *

Черным чохом облака
 Снега белой круговертью
 Закружат наверняка
 Между жизнью или смертью

Всё живое на земле
 Посреди вселенской бездны,
 Где на каждой стороне
 Поджидает неизвестность.

Между небом и землёй
 На просторах буйной ночи
 Буря кружит надо мной,
 То ли плачет, то ль хохочет.

В этой черной пустоте,
 В жутком хаосе безбрежном
 Я один и как бы мне
 На спасенье нет надежды.

Только знаю, то, что есть
 Та, что, может быть, не знает,
 Что своею жизнью здесь
 До сих пор меня спасает.

* * *

Из тепла в мороз заledenело,
 Инеем покрылись кроны древ.
 Как в душе, всё то, что наболело
 Вне её стремится осмелев.

Расходилось, не дает покоя,
 Не боится застудить сердца
 Вам и не привидится такое —
 Душу всю наружу до конца,

Вывернуть больную наизнанку,
 Все её проблемы и долги.
 Ей душе мятежной, как подранку,
 Родственную душу бы найти.

Так велик соблазн открыться людям,
 Что её, усталую, поймут,
 В суматохе буден не забудут
 И надежду ей сполна вернут.

Только льдом покрытые деревья
 Ветками, стучащими во льду,
 Учат душу в снежной круговерти —
 Изливаться лучше в тишину.

Лес после ледяного дождя

Шёл поутру хрустальным лесом
 При тихом ветре в тишине,
 На каждом дереве навесом
 Свисала корка льда во мгле.

Ломаясь, падали деревья,
 Которых не уберегла
 Крона из веток, словно перья,
 Знать, неподъёмная была.

И только молодости поросль
Играла, музыкой звеня,
Прозрачным движимым убором
Под первыми лучами дня.

* * *

Ещё у ночи все права
И темнота чернее бездны,
Но в вышине едва-едва
Забрезжит в небе неизвестность.

Как наважденье, как вопрос,
Не праздный в повседневном быте,
Как будто кто-то мне принёс
Шанс на свершение открытий.

Ещё в работе фонари,
Но в небе светится полоска,
Как предвкушение зари
Неустранима и неброска.

Как намеренье чудака,
Среди пучины чёрной ночи
Всем показать наверняка
Что он на самом деле хочет.

Ещё у ночи все права
И темнота чернее бездны,
Но будущность всегда жива,
Приоткрывая неизвестность.

Прошлое

А прошлое не отпускает
Во тьме ночи и в свете дня.
Оно терзает и ласкает,
Не отдаляя от себя.

Как будто далеко за далью
И нет давно его со мной,
Но слышу, сладостной печалью
Оно смеётся за спиной.

Оно моей молитвой станет,
Всё, что не просит, всё смогу.
Хоть, знаю, что оно обманет,
Но от него не убегу.

* * *

Живу во времени, пространством ограничен,
Но сам я выбираю, где мне быть.
Вот разве что мне этот город симпатичен,
И в нём решаю временно пожить.

Лишь время моему желанью не подвластно,
Влиять на ход его я не могу,
Хоть чувствую его дыханье ежечасно
И сквозь него по жизни я бегу.

Свободен я в перемещениях по пространству,
По времени лишь мысленно хожу,
Пусть признаю его величье и коварство,
Но память всё записывать прошу.

Известно, время в своём беге постоянно,
Но вижу, как стремглав оно бежит
Когда среди друзей, когда оно желанно.
Когда один, то время не спешит.

Оно одно из всех известных нам предметов,
 Не подчиняясь воле и мольбам,
 Равняет разных нас, и именно за это
 Ему своё признание отдам.

* * *

Во тьме ли я из тьмы ли возрождаюсь,
 Свою судьбу пожизненно влачу.
 Быть здесь всегда не собираюсь,
 И всё же невозможного хочу.

* * *

Хочется быть простым человеком,
 Своим, доверчивым и нужным.
 Науку двигать в ногу с веком,
 Жить в коллективе кучкой дружной.

Хочется быть деловым, способным,
 Без риторики, без истерик,
 Только главное, быть свободным,
 И ещё, чтобы людям верить.

Хочется в ногу шагать с прогрессом,
 Что ни шаг, то прорыв в науке,
 Жить общественным интересом,
 И ощущать творчества муки.

Когда один, в окруженье ночи,
 И вокруг тебя разве что тени,
 Чего-то большего вдруг захочешь,
 Чем просто протирать колени.

Вот так и веришь, что это будет,
 В смысле взойдет помыслов семя
 И тогда никто не осудит,
 Что проживал в брэнное время.

* * *

Вот только что и больше никогда,
 Видением в толпе лицо мелькнуло,
 Оставшись в памяти возможно навсегда,
 И что-то там в душе перевернуло.

Закреть глаза и в мире никого,
 И чернота пространство обуяла,
 Как будто нет тебя, меня, всего.
 Опять судьба над нами посмеялась.

Но то лицо, мелькнувшее в толпе,
 Что в памяти навек запечатлелось,
 Своим отсутствием не даст покоя мне,
 И кто же ты и что тебе хотелось.

Но тишина и некого спросить,
 Вопрос повис в неведомом пространстве
 И вечный искус «быть или не быть»
 В который раз отметил постоянство.

Антон Павлович Чехова». «Медаль — Сергея Яковлевича Маршала». «Медаль — Александра Сергеевича Грибоедова».

Об авторе

Селезнёв Сергей Владимирович — Поэт: Член Союза Писателей России. Член Академии Российской Литературы. Лауреат «Золотое Перо России» с вручением Знака. «Золотая Есенинская Медаль» (За Верность — Традициям Русской Культуры и Литературы). «Медаль — Имени Нобелевского Лауреата Ивана Бунина» (За Мастерство — Продолжателю Традиций Классической Литературы). «Медаль — За Укрепление Боевого Содружества» (От Министерства обороны Российской Федерации). «Медаль —

О, РУСЬ МОЯ!

Тайна древних волхвов

Ныряйте за мной в омут чистой поэзии,
Не бойтесь, тоните в реке русских слов.
Для Вашей души нет лекарства полезнее,
Чем отдых в глубинах словесных основ.

Здесь чувствую я древность русской словесности,
Здесь речью дышу, здесь язык без оков.
Златое Руно в берегах современности.
Жива на Руси тайна древних Волхвов.

Ведмины круги

Леса у нас дремучие
По берегам реки,
Кустарники колючие,
Да ведьмины круги.

Здесь словно дети малые
Терялись казаки,
Охотники бывалые
И даже рыбаки.

Манили ведьмы шалые,
Влюблялись мужики.
А после зори алые
Встречали у реки.

Русалками пленённые
Несли мужскую плоть,
А после покорённые
Все стали чушь молоть.

Без разума, все пешие
Блудили по лесам,
Из уст их бредни лешие
Стекали по усам.

А было время — в строгости
Держали их Волхвы,
Не знали нечисть в волости
Ну а теперь — увы.

Берега

Русь широкая без края,
Неба синь без берегов,
Бесшабашная, родная.
Запах скошенных лугов.

Не покорна чуждым нравам,
Потихоньку не спеша,
По российским чистым травам,
Разливается душа.

Травным духом околдован,
Позабыв движенья лет,
Словно конь на водопое —
Пью очами лугоцвет.

Русский дух родного края,
Синь есенинских стихов —
И совсем для нас чужая
Жизнь... вне... этих берегов.

* * *

Обозначился восток
Красной зорькою над лесом.
Над селеньем — звонким бесом
Петушиный голосок —
Открывает день воскресный.
От речушки холодок
Растекается туманом,
И ложится по полянам
След на каждый колосок,
В виде капельки чудесной.

На околице пастух
Собирает скот с подворий,
И от стада Лукоморья
Над селом России дух.
Гонит скот в луга, за реку
Самый нужный человек.
И поход обычный, близкий,
Очень мирно по Российски,
Стадо в двадцать первый век...
Бог поможет человеку.

* * *

Есть место на земле, где дух и плоть — едины,
Где нива согревает гречиху, рожь и лён,
Где верится легко в сказанья и былины,
Где мудростью веками народ наш наделён.

Там травы шелестят умытые росой,
Там русский дух отчизны всегда встречает нас,
Там мать — ржаная Русь с пшеничною косою
И словно дети — россыпь из васильковых глаз.

Там солнышко лучами в лазурном небосводе
С утра ласкает кромки воздушных облаков,
А по ночам луна на звёздном небе бродит,
Даря поэтам строфы для золотых стихов.

Последний снег

Апрель явил нам чудеса и снежным валом,
Укрыл всю грязь вокруг сверкающим ковром.
На солнышке блестит прощальным покрывалом,
Прекрасный дар зимы, чтоб помнили добром.

Лежит последний снег, сияет и искрится,
Прощается зима апрельской белизной.
И солнечный огонь раскрасил наши лица,
Но яркий снежный блеск останется со мной.

Пусть плачут по зиме последними слезами,
Сосульки с острых крыш, под первой синевою.
А я гляжу вокруг влюблёнными глазами
И солнышко в стихах несу к тебе домой.

Моя Москва

Над звёздами Кремля растаял чёрный бархат,
Но спит моя Москва в пушистой пелене.
И тополиный пух, покрыв деревья парков,
Улёгся вдоль аллеи, подобно седине.

Раскинул горизонт малиновые крылья,
Проснётся через миг золотая голова.
И тьма уже сдалась, растаяв от бессилья,
И солнышко обнять готова синева.

Моя стихия

Люблю тебя — моя ржаная Русь,
 Люблю твои медовые просторы.
 Я в дальний лес с корзинкою пройдусь,
 Или пойду купаться на озёра.

Я здесь хозяин на родной земле,
 Я люб лугам, речушкам и болотам.
 Здесь мои предки жили на селе,
 Подковы прибывали на ворота.

Живу в Москве, но верю, что вернусь
 В твои просторы милая Россия.
 Уйду обратно в ласковую Русь,
 Прими к себе, навек, в свою стихию.

Суженый

Над головою синева.
 Июль в лицо нам зноем дышит.
 Листвой деревья чуть колышут.
 Дождалась солнышка Москва.

И на заслуженный покой
 Ушли дожди в начало лета.
 Влюбленных пары до рассвета
 Неспешно бродят под луной.

И счастье в старых парках вновь.
 Зависли ивы над прудами.
 И под ажурными мостами
 На лодках плавает любовь.

Скрипит весло. Твоя рука
 За гребешок волну щекочет,
 А та с журчанием хохочет,
 Лаская лодку за бока.

Толчок весла, ещё толчок,
 И сердцу в этом ритме сладко,
 А лодка словно бы лошадка,
 И под тобою облучок.

И хочется тебе всегда
 Скользить по жизни с милым рядом,
 Нести с ним крест свой как награду —
 Решив судьбу единым ДА.

Не сомневаясь ни на миг,
 Вступая в жизнь, как пристяжная,
 Что впереди любовь большая.
 Ведь рядом он – твой коренник.

ВРЕМЕНА ГОДА**Летняя ночь**

Ночью спит старый сад,
 Листья дышат прохладой.
 Лунным светом объят,
 Дом стоит за оградой.

Диким хмелем увит
 Он по самую крышу,
 И вокруг всё молчит,
 Но я музыку слышу

Ту, что льётся с небес
 Мне в раскрытую душу,
 Что зовёт в мир чудес,
 Я взлечу, я не струшу.

Поднимусь в вышину,
 Среди звёзд полетаю.
 Золотую луну
 Я поглажу по краю...

Зной июльского дня
Поднимается к небу,
Приглашая меня
В невозвратную небыль.

Первое сентября

Сказал отец ей: «В добрый путь»,
Поцеловала мама.
И вздрогнула от страха грудь,
Но всё-таки упрямо
Сказала: «Я теперь сама».
Дай Бог ей веры и ума.

Перешагнув через порог
По улице осенней
Уж не девчонка — педагог
Шагает без сомнений.
Но вся дрожит, ведь в первый раз
Идёт учитель в первый класс.

Пионы, астры, васильки,
Садовые ромашки —
Несут цветы ученики,
Ребята-первоклашки.
Ручьи московской детворы
Впадают в школьные дворы.

Всё как в старинные года:
Букеты, мамы, дети.
В руке табличка «1А»,
И ты за всех в ответе,
И душу каждого понять
Она должна теперь как мать.

Класс — будто маковки в рядах
Вихрастые макушки,
И важные в бантах сидят
Притихшие девчушки.
Теперь пора, — пришёл твой час!
УЧИТЕЛЬ – Входит в первый класс...

Сентябрь

Славная погодка — осени начало.
Одиноко дремлет лодка у причала.
Тихо, тихо речка мимо пробегает.
Солнышко мне спинку сладко припекает.
Дерево колышет чуткою листвою.
Посижу тихонько душу успокою.

Можжевеловый сон

Пошла по ягоды в лесок
Деввица, взявши туесок.

Последнее тепло дая,
Трудилось солнце сентября.

Что ж — бабье лето под конец,
А молодежи — под венец,

Пришёл знать девке бабий срок —
Красна, ядрёна — самый сок.

И молодежи лес густой,
Стелил под ноги травостой.

И тайно радовался он,
Что каждой ягодке — поклон.

В ответ листвою над ней шумел,
Душой лесною песни пел.

Уж ягод полный туесок.
Достала хлебушка кусок.

Чуть притомилася и вот,
У можжевеловых болот,

Под сенью пожелтевших крон
Сморил девицу красну сон...

И снится ей: Осенний лес —
Манит, целует, словно бес.

И к молодой лянёт листвою.
Она: «Уймись, отстань, постой»...

Ползёт, ластится нежно мох,
И обнимает стопы ног,

Вверх поднимаясь от колен,
Сполна захватывает в плен.

В ней жар от сердца до ланит, —
Уже не ждёт — сама манит.

И с милым, утонув во мху,
Резвиться на лесном меху...

Потом очнувшись от утех —
Гадает — грех ли был, не грех?

Лесным ли бесом принесён —
Был этот первый женский сон?

Как хорошо в мечтах о нём,
Лежать и думать о своём,

Смотря в безоблачную синь,
Из под берёзок и осин...

Опушка

Дрожит осинка на ветру,
Приходят поздние печали.
Скрывая сердца маяту,
Иду бродить в лесные дали.

Стремлюсь стихом себя лечить,
Залить печалью раны в сердце.
Лишь осень может научить,
Как, не сгорев, в огне согреться.

Гудит от ветра береста,
Скрипит сосна над головою.
Начать бы с чистого листа,
Но думы полнятся тобою.

И мысли вновь к тебе летят,
Сбивая жёлтые листочки.
Сижусь на пне, среди опять,
А в голове всё строчки, строчки.

Как звёзды, вновь передо мной
Твои глаза вдали сияют,
И Ангел твой с моей душой
Тебя повсюду охраняет.

Сладкий туман

Я провожаю тебя до вокзала,
Ты мне сказал всё, и я всё сказала.

Молча идём мы, укрывшись зонтами,
Дождь моросит, и лишь прошлое с нами.

Вот и финал у последней дорожки,
Лишь по мосту прогуляться немножко.

Ты пошёл в кассу стоять за билетом,
Кончился праздник любви вместе с летом.

Скоро уедешь. Что мне остаётся?
Память о счастье?! А дождик всё льётся.

Грязь на платформе, скамейка без ножи,
Капли дождя на вагонном окошке...

Я провожаю тебя до вокзала,
Ты мне сказал всё, и я всё сказала...

Предзимье

Красные сосны меж белых берёз
Кроны вздымают до утренних звёзд.

Ветви пушистые вверх поднялись,
Тянутся иглы в морозную высь.

Мёрзнут кусты и деревья в лесу,
Ветер сорвал с них лесную красу.

Корни берёзка укрыла листвой,
Словно готовиться спать под сосной.

Сжался под ёлочкой зайчик беляк,
В новенькой шубке не скрыться ни как.

Ни щебетаний вокруг, ни ку-ку...
Только ворона орёт на суку.

Зимняя сказка

Зима без снега? На Руси?
Так в жизни не бывало сроду.
А где ж снежинки с небосвода?
Скорей, метель, их к нам неси!..

И всполошились вдруг ветра,
И закружились в такт метели.
Снежинки с ветром прилетели,
И, слава Богу, уж пора.

И залетев в еловый бор,
Садилась ёлочкам на лапки,
Внизу как шубки, сверху — шапки,
Как снежный праздничный убор.

И новогодний хоровод,
Где на полянке в центре леса
Стоит зелёная принцесса,
Встречая светлый новый год.

Лисицы, зайцы, белки в круг
Поют и пляшут возле ёлки
И гладят лапами иголки,
А дед Мороз всем лучший друг.

Здесь всё как в школе, у ребят:
Снегурка раздаёт подарки,
И льдинки в лунном свете ярком
На ёлке весело блестят.

Снежинка

Из поднебесной высоты
Спускалась малая снежинка,
Кружилась зимняя пушинка
В конце пути без суеты.

И попадая точно в цель
На отведённое ей место,
Она, как юная невеста
Легла тихонечко на ель.

На новогодний снегопад
Она смотрела с верхней лапки,
Входя в основу белой шапки,
Теряя нежный свой наряд...

И я надеюсь что никто
 На рождество её не срубит,
 Не растрясёт и не загубит,
 Не тронет снежное манто.

Настанет солнечный денёк
 И наша ёлка станет плакать.
 Была краса, а будет слякоть.
 Но всё же лучше, чем пенёк.

Нас окружает жизнь всегда:
 Снежинкой, капелькой, росинкой,
 И даже детской слезинкой —
 Везде есть жизнь, где есть вода.

Об авторе

По профессии — библиограф. Выросла в Подмоскowie. Основное направление поэзии — природа и лирика. Много печаталась в советских газетах, журналах и сборниках (газета «Ленинское знамя» — 12 публикаций с 1981 по 1987 годы; подборки стихов в ежегоднике «Лес и человек» за 1980, 1983 и 1987 годы; «Новый журнал» № 174, Нью-Йорк, 1989 г.; альманах «Охотничьи просторы» — 2006–2008 и 2012 годы; журнал «Отчизна» № 8, 1983 г.; журнал «Охота и охотничье хозяйство» — 1994, 1985, 1987, 1989 годы.)

Мария Скавронская

Издала сборник стихов «Жаворонок» в 2003 году.

Не раз стихи читались по центральному радио в рубрике «Земля и люди».

О, РУСЬ МОЯ!

* * *

Мне мать не наряжала елку,
 Подарков не дарила мне.
 Немного веток нежно-колких
 Втыкали мы в дыру в стене.

Свет лампы тускл был и неровен.
 А радиус так жалко мал.
 Он угол почерневших бревен
 Почти совсем не освещал.

Оттуда тихо пахло хвоей.
 От печки веяло теплом.
 И временами дико воя,
 Бесилась вьюга за окном.

Трепал сердитый ветер сосны,
Мелькал луны холодный луч,
А на небе седые космы
На фоне грязно-серых туч.

Мне мать не наряжала елку,
Молчали мы под ветра стон.
Портрет отца стоял на полке...
И где же он? И жив ли он?

Реабилитация

Он уходил, и не было рыданий
В ту, в памяти оставшуюся ночь,
В последнюю минуту расставанья
Он все смотрел на маленькую дочь.

Хотел он унести черты родные:
И синие глаза, и пухлый рот.
И знал он, что на плечи дорогие
Кладет всю ношу тягот и забот.

Он уходил, и не было рыданий
В ту, в памяти оставшуюся ночь,
В последнюю минуту расставанья
Сказал жене: «Ты сбереги мне дочь».

Уж девятнадцать лет, как это было.
Дочь выросла похожей на отца.
В ее чертах мать часто находила
Черты его любимого лица.

И вот сейчас вдруг прорвались рыданья.
Те, что смогла сдержать она в ту ночь.
Как тяжелы в душе воспоминанья,
И не хватало сил прогнать их прочь.

* * *

Что он думал в последнюю ночь,
За которой рассвет не раскрылся.
Как же жить без него будет дочь,
И об этом он Богу молился.

Что он думал в последний тот миг,
От волнения скрывая удушье.
А палач посмотрел напрямик,
И в глазах, нет, не злость — равнодушье.

Дело номер... А вот он донос,
Вот другой — сердце сжалось от боли.
Кто вернет мне отца? С кого спрос?
Только подпись его в протоколе.

Русское кладбище

Русское кладбище в Ново-Дивееве —
Нет тут плакучих берез,
И на меня тихой грустью повеяло —
Столько не пролитых слез.

Строгий порядок, красивые линии
Четких и ровных рядов.
А на крестах имена и фамилии
Старых дворянских родов.

Серый гранит красит бликами нежными
Щедрый нью-йоркский закат.
Ну а в России, в Сибири заснеженной
Близкие ваши лежат.

Нет там крестов, нет надгробий, фамилий
Старых дворянских родов,
Стройные сосны в молчанье застыли
В мире ветров и снегов.

Долго брожу я одна по аллеям...
 Тихий, достойный приют.
 Время настало... И в Ново-Дивеево
 К вашим могилам придут.

И не одно десятилетие минуло,
 Память жива и светла.
 Если родная земля вас отринула,
 Эта земля приняла.

* * *

Почему мне так трудно порой,
 Потому что люблю я Россию
 С ее трудной великой судьбой,
 О которой она не просила.

Удалось ей подняться опять,
 Заживляя тяжелые раны.
 Но своею судьбой упрекать
 Я ее никогда не стану.

Вместе с нею я буду болеть,
 Вместе радость — ее тоже много.
 Ни о чем не хочу я жалеть,
 Лишь смиренья прошу у Бога.

Выйду в поле одна поутру,
 Воздух чист, как чисты мои мысли,
 За Россию я слезы утру,
 Лишь бы тучи над ней не нависли.

ВРЕМЕНА ГОДА

Ледоход рождается

Тучи, как чугунные,
 Темень глубока.
 Только в ночь безлунную
 Тронется река.

И ее не встретят
 Звезды поздравлять.
 Хочет без свидетелей
 Ледоход гулять.

Затрещала, сдвинулась,
 Встала на дыбы,
 С дикой силой ринулась,
 Приподняв горбы.

Льдины, точно колотый
 Сахар на куски.
 Бесшабашны, молоды
 Песни у реки.

Половодье

На волнах — голубые блестки —
 Улыбки солнечных лучей.
 И лед у берега — полоской,
 Как стая белых лебедей.

Спокойны голубые дали,
 Слились река и небеса,
 И в тонкой дымчатой вуали
 Стоят прозрачные леса.

На берегу — толпа народа:
 Сегодня полая вода.
 Впервые вышли пароходы
 И барж повыгнали стада.

Сирень

Сирень, сирень, сирень
С верхушкой тяжелой, махровой.
Светло-лиловый день,
Вечер темно-лиловый.

Царственна и проста.
Без озорного веселья.
Вся серебристо-чиста,
Вышита нежной синелью.

Сирень, на кустах сирень
Тихо роняет росинки...
Букета лиловая тень
Упала на скатерть из крынки.

Сирень хороша, хороша
Красою спокойной, глубокой.
Русской весны душа
Расплескалась лиловым потоком.

* * *

И тепло, и сыро.
Луг стоит не кошен.
Месяц коркой сыра
В черном небе брошен.

Звезды врассыпную,
Волны берег гложут,
Тишину лесную
Соловьи тревожат.

Пахнет медуницей,
Тишиной речной...
Пусть всегда мне снится
Родина такой!

Берестяной туесок

Из бересты туесок,
Что бывает проще?
Ходит солнечный денек
По прозрачной роще.

Роща радостна, светла,
Сколько обаяния,
И от каждого ствола
Тихое сияние.

Вот держу я туесок.
Полный земляники,
Молодой коры кусок,
Крепко сшитый лыком.

Мастер пел, его творя,
Сидя на крылечке,
А вечерняя заря
Полоскалась в речке.

Из берёсты туесок,
Что бывает проще?
Деревенский паренек
Долго бродит в роще.

* * *

Сосновый бор покоя полон.
И пахнет ландышами бор.
Не пробегают ветра волны,
И он не рвется на простор.

Смола стекает по коре,
И стайка шишек на земле...
Бор дремлет в летний день. Он стар.
Он много видел. Он устал.

* * *

Грибной и низкорослый,
Редкий березняк
По тропинке росной
Спускается в овраг.

По склонам его льется
Душистых трав поток.
На дне чуть слышно бьется
Прозрачный ручеек.

Нарушена лесная
Журчаньем тишина.
К нему я припадаю —
Вода, свежа, вкусна.

И что вкуснее, право.
Воды из недр земных.
Настоянной на травах.
На запахах лесных.

* * *

Как раскидались колокольчики,
Лиловой сделалась трава.
Я в шуме ветра слышу звонче
Твои веселые слова.

В глазах же столько безрассудства,
Которым мир всегда богат,
И нету меры моим чувствам,
Тобой повторенным стократ.

Как раскидались колокольчики,
Лиловой сделалась трава.
Я не хочу, чтоб поле кончилось,
Я слышу в нем твои слова.

Первый утренник

Нарядилась ночка
Шелковой тканью,
С звездной оторочкой
В темном сарафане.

Тихо. Предрассветно.
Месяц тает, тает,
И едва заметно
Новый день всплывает.

Лес притихший, строгий,
Вся трава седая.
Вышла в путь-дорогу
Очень молодая.

Ждет зарю розовой
В голубом сиянии
Молодца мороза
На первое свидание.

* * *

Клюква румянится, клюква румянится,
В мхах притаились бусы рубинные.
Тянется, тянется, по небу тянется
В выси прозрачной косяк журавлиный.

Окна болотные стянуты льдинками,
Воздух напоен прохладой пряной.
С кочки на кочку шагаю с корзинкой,
Полною клюквой, прохладной, багряной.

Зорькой холодной речка туманится,
Нивы пустые да крики грачиные.
Тянется по лесу, тянется, тянется,
Нить серебристая, нить паутинная.

* * *

Рябина в палисаднике
Об осени поет.
А небо в сером ватнике
По лету слезы льет.

Чуть-чуть дождем подмочена
Длиннющая гряда.
Широко разворочена
Большая борозда.

Крупна картошка белая,
Прилипла к ней земля,
И песней днями целыми
Наполнены поля.

Толкут дороги месиво,
Урча, грузовики.
Ложатся в кузов весело
Пузатые мешки.

От ветра листья падают,
Прощанье птичьих стай...
Но по-хозяйски радует
Богатый урожай.

Листопад

Листопад, листопад —
Солнца переливы.
Тротуар, как леопард —
Пестрый и ленивый.

То лежит себе пластом,
Вытянувшись гладко,
То сердито бьет хвостом,
Весь готовый к схватке.

В лесной теплице (колыбельная)

День морозный, яркий, звонкий.
Дятла стук в тиши.
Мирно в снежных спят пеленках
Ели-малыши.

И совсем посевы-стежки
Снегом замело.
Спите, хвойные матрешки,
Вам тепло-тепло.

Тут заботливо в теплице
Вскормлен целый бор.
И, наверно, елям снится
Солнце и простор.

И над зимней колыбелью
Здесь, в лесном краю,
По ночам поют метели:
«Баюшки-баю».

Я среди сеянцев растущих,
Среди детских снов
Слышу, слышу шум грядущий
Будущих лесов.

* * *

В сугроб зарылся старый пень
В папахе белой набекрень...
В платках пуховых спят кусты,
Вспорхнули стайкою клесты...

Весь лес, что иней припорошил,
В объятиях зимней красоты.
Вдыхая, радуешься ты —
Великолепная пороша!

Начало зимы

Река не вся застыла,
Ленива и мрачна.
Вода ее — чернила,
Седая бьет волна.

У берегов лед ломок,
Как матовый хрусталь.
С утра идет позёмок,
Туманя поля даль.

Спит в ватном одеяле
Уж солнышко давно.
Березки две в печали
Глядят в мое окно.

К скамеечке у пруда
Не видно и следа.
Гудят веселым гудом
Одни лишь провода.

* * *

Вечер лег лиловый,
Оттепели запах.
Снег платком пуховым
На еловых лапах.

Месяц однобокий
Точно крашен охрой.
Вертится сорока
На заборе мокром.

Кружатся лениво
Редкие снежинки.
Ночь неторопливо
Ходит по тропинке.

Об авторе

Выпускница МГУ им. М. В. Ломоносова. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка. Член Союза писателей России, член Союза писателей XXI века, член литературного клуба «Московитянка» и ЛИТО ЦДУ «На Пречистинке» Автор четырех поэтических сборников. Участник литературных проектов «Библиотека современной поэзии», «Родники России», «Православная лира» и др. Публиковалась в сети Интернет (на сайте «Стихи.ру»), в литературно-художественных зарубежных и отечественных изданиях, в том числе в журналах «Муза», «Российский колокол», «Поэзия», «Великоросс», в альманахах «Шедевры музыки», «Притяжение», «Витражи». Является лауреатом литературных премий им. А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина.

Татьяна Скорикова**О, РУСЬ МОЯ!****Берега**

Берега, берега, берега...
Дивных зорь золотой оберег.
Снова в сердце трепещет строка,
Зарождаясь в слиянии рек,

Что по жизни текут, по судьбе,
Сквозь истории ход и века,
Под спасительным ликом небес,
Сберегая одно — берега.

О, великая сила воды!
Ты охранная грамота нам.
Слово Веры от лютой беды
Охраняет дорогу во храм.

Посмотри — высоко над рекой,
 Над былинным обрывом крутым
 Воспарила церквушка легко
 Белой горлицей в синь высоты.

Берега, берега, берега ...
 В них — всё то, чем живу, что люблю.
 Вытекает из сердца строка
 И впадает в Россию мою.

Поэту

*«Словно зеркало русской стихии,
 Отстояв назначенье своё,
 Отразил он всю душу России!
 И погиб, защищая её...»*
 Н. Рубцов. «О Пушкине»

Какою мерою не мерит
 Своих посланников народ,
 Но всё равно в России верят:
 Поэт тропкою мук идёт!

Сполна судьбины горький опыт
 Он принимает на себя.
 Ведь что ему — смешки и ропот,
 Толпы мышьяная возня?

И в поле — пусть один не воин,
 Но Слово — этот тот же меч!
 Лишь тот Поэтом быть достоин,
 Чья к истине взывает речь.

Лишь тот, кому огонь священный
 Вложил Господь — творить — в уста,
 Поэтом станет во Вселенной:
 Ему подвластна высота!

И если дуло пистолета
 Рукою Рока наведут,
 То вспомним строки «Смерть поэта»,
 Что есть еще и «...Божий суд»!

22.01.2017

* * *

Вдали от России, но рядом,
 Ведь в сердце бегущей строкой
 Летит она то снегопадом,
 То солнечной бурей весной,

То хлестким сиреневым всплеском
 С дробинками капель дождя,
 То стылой листвой перелесков
 В тумане осеннего дня,

То ввысь заостренностью звонниц
 И строгостью тонких свечей,
 То Ликом, светящим в иконе
 Задумчивой глубиной очей,

То клином, который по-птичьи
 С небес окликает вослед
 Того, кто постигнул величье
 России и суть её бед.

Кто в этих — навеки — равнинах
 Остался — травой прорасти
 И вежами крыл журавлиных
 нам долго махать на пути.

Вдали от России, но рядом,
 Ведь в сердце бегущей строкой
 Обрушится тишь листопадом
 А Слово задышит... судьбой.

* * *

Капелью прошьются проталины дня,
Слова разлетятся дробинками света,
И в тёплых ладонях вихрастого ветра
Очнутся от зимних тенет забытья...

По улице, март проходя, через край
Плеснёт синевы на окошки и лица,
В хмельном упоении ранние птицы
Склюют, словно солнце, весны каравай...

Мне всюду мерещится звонкий отлив
Родного лучисто-ручьевого взгляда....
И в сердце шевелится горечь и радость
Владими́ро-Суздальской древней земли...

Возвращение

Над полотном земли апрельской,
Раскроенной на лоскутки,
Весна стекала синью гжельской
В распущенный рукав реки.

Шоссе, постройки, переулки —
Сплелась узором круговерть,
Где лаком палехской шкатулки
Блестя, внизу покрыта твердь.

И снова гул аэродрома
Живой встречает суетой.
Взахлёб... тепло земное... дома
Глотну за лесополосой.

Блеснёт слезой родное небо,
К щеке берёзы прислонюсь,
Протянет мне ладонь сквозь вербы
Моя оттаявшая Русь...

Русь

Клёнов аlostью опьянённая,
Вешней талостью утолённая,
Хвойной стёжкой-дорожкой прошитая,
Мхом, как мехом, лесным, подбитая
Перелесками перевитая...

И как ветрами

За околицей,
Горем-бедами

Сердце полнится.
Сколько выпало

Ей на долюшку!
Цветом липовым

Зорька в полюшке...

Ах, медвяная, Русь багряная,
Золотистая и туманная,
Белоснежная и безбрежная,
Белоствольная, колокольная,
Своевольная и раздольная...

Русь соборная,

Непокорная,
То степная,

А то озёрная,
То холмистая

И лесистая,
Родниками своими

Пречистая...

Расплескалась рекою закатною —
 Стороною родной, необъятною...
 А душа моя всё тревожится:
 Как, Россия,

Судьба твоя сложится?

ВРЕМЕНА ГОДА

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Иерусалим в ноябре

Сквозь золотую дымку ноября
 Иерусалим легко и просветлённо
 Под отдалённое звучанье перезвона
 Парит над ликами земного бытия.

Здесь воедины осень и зима,
 И лето — как дыхание пустыни.
 А в храмах христианские святыни
 Хранит навек история сама.

Прикосновенье к вечности седой,
 Проникновение в библейские истоки,
 Записанные временем, как строки,
 На древнем камне волею святой.

Божественно мгновение, когда,
 Небесным светом осеняя Гроб Господень,
 Огонь священный благодатно сходит
 И омывает лица, как вода.

Сквозь дымку ноября бреду к тебе,
 Иерусалим, парящий над пустыней.
 Где колокол с небес, бездонно-синих,
 Звучит набатом в человеческой судьбе.

22.11.2016

Из дневника природы

Прислушаюсь к себе:
 Как память, листопад,
 Чуть слышно шаркая
 Шершавою тропею,
 Листая прошлое,
 Зовёт шагнуть назад,
 Воспоминая напоив
 Живой водою.

Заблудшей осенью
 Непрошено явлюсь,
 Позёмкою листвы
 Взметая годы...
 Я твой мотив,
 Небес озёрных грусть,
 Твоя строка
 Из дневника природы...

* * *

Сквозь колоннаду гордых сосен
 В прохладой выветленный грот
 Княгиней древнерусской осень,
 Как пава гордая, плывёт.

Глаза её строги и дивны,
 И золотом расшит убор.
 Парчой обитые гардины
 Раздвинул перед нею бор.

Рукоположена на царство —
 О, как торжественно велик
 Парящий над лесным пространством
 Октябрьский иконный Лик!

Её не трогает мирское,
 Она превыше суеты.
 Какую магией покоя
 Исполнены её черты!

Махнет — и птицей обернётся
И устремится в небеса.
И по её велению солнце
Пронзит, как глубь озёр, леса...

И снова я возьмусь за кисть

Какая тишь стоит окрест!
Мне счастье выпало сегодня
Живописать осенний лес,
Входя в него, как в храм Господний.

Раскрыть палитру и смешать,
Пылающие охрой краски,
Пока осенняя душа
По лесу бродит без опаски.

Слегка дотронется плеча
И взглянет кротко, без укора...
Душа осенняя, свеча
Твоя, увы, погаснет скоро!

Пока же теплится она
В кленовом отроче устало,
Размоет краски тишина
В моей палитре жёлто-алой.

И снова я возьмусь за кисть:
Листвяного прикосновенья
Продлится маленькая жизнь
В строке, как миг, как вдохновенье!

* * *

В кленовом солнце растворясь,
На охре живописных линий,
Осенний день, в листве паря,
Стекал струёй янтарно-синей...
И на берёзовый листок,
Впитавший тёплый отзвук лета,
Он акварельной гаммой лёг,

Медово-мятной каплей света...
И вспыхнув тысячами свеч
Дождинок, с запахом сосновым,
Светилась тихо леса речь
Своим — исконно русским — словом...

* * *

Нарисую поле и мороз,
Нарисую неба бесконечность...
На снегу сияньем тысяч звёзд
Высветится лунной ночи млечность.
Нарисую магию огня,
Веток треск, дыхание метели —
Белое пространство бытия
С зёрнышками будущей капли...
Нарисую на листке судьбы
Всё, чем так душа моя томится.
И слова молитвы и мольбы
Снизойдут с небес в мои страницы...

Январский вечер

Ещё не сказаны слова,
А пламя, росчерком паря
Над кипюю бумаг, едва
Лизнуло край календаря.
О, как легко его перо!
И тени зыбкое тепло
Струится плавно между строк,
Виньеткой окаймляя слог.

В окне синее мокрый снег,
На миг остановив свой бег,
Январский вечер в полусне
Прищурясь смотрит из-под век.
Хочу его навек продлить
И уходя — не уходить,
Смыкая снежной бахромой
Свечу и тьму, метель и зной...

* * *

Зима, чуть видимая оку,
 От дней осенних не очнулась,
 Едва земли крылом коснулась,
 Прильнув к замёрзшему порогу...
 И под покровом Рождества,
 Приоткрывая тайны миру,
 Настраивала тихо Лиру,
 Ища к мелодии слова.

Капелью звёзд отмерив такт,
 Позёмкой пробежав по нотах,
 Года неслышно пролистав,
 Зима тоскует отчего-то,
 Тая в бесснежье тишины
 Скрипичные ключи весны...

Оттепель

По старой улочке московской,
 Стоящей по уши в снегу,
 Мне солнце скользкие полосы,
 Как в детстве, стелет на бегу.
 Оплыли свечками морозы,
 И оттепели кутерьма
 Вершит в глазах метаморфозы,
 Хотя в душе ещё зима.

И вот в мой зимний переулочек
 Сквозь вспугнутый сорочий гвалт
 Вихрастый, с тёплым духом булок,
 Врывается мальчишка-март.
 Окоченевшими руками
 Прижму к щеке его лицо,
 А рядом, потонув в рекламе,
 Бежит Садовое кольцо...

* * *

Нам никуда уже не деться
 От шалой талости снегов,
 От взлётов и падений сердца
 На хрусткий мартовский покров.
 От наледи в оконной раме
 И дребезжащего стекла,
 И от всего, что стало с нами,
 Когда сосуллек синь стекла...

Дней очертания текучи,
 А вслед за стаей голубей
 Взлетает март, цепляя тучи,
 За стрельчатый разлёт ветвей..

Отголоски лета

Лета дальние отголоски
 В серебристой студёности рос...
 И, как прежде, бегут березки
 На пронизанный солнцем откос.
 Ну а там, за ольховой чащей,
 В полудрёме июньских чар
 Притаился в листве дрожащей
 Соловьиного голоса дар.

И лишь вечер обнимет плечи,
 Расплескав синий сумрак вокруг,
 Вдруг накатит волной и – заплещет
 Переливчатой радугой звук.
 Будто выйдет невидимый кто-то
 Огласить и пригорки, и бор,
 Всем раздав — без остатка, по нотам
 Соловьинной струны перебор.

Июньский снег

Даль моих переулков медленных,
 Где июнь по московским дворам
 В продувной своей курточке ветреной
 Запоздало бредёт до утра,
 Где сейчас тополиной порошею
 Тропки стелет в наш август, а мы
 Отголоски из детства и прошлого
 Ловим в летней позёмке зимы.

Снег июньский, как облако, кружится.
 Посмотри-ка: сошли небеса
 И поплыли в витринах и лужицах,
 Надувая всю паруса.
 В этот парусник, лёгкий и ветреный
 Время вышло садиться и нам,
 Чтобы плыть — в переулочки медленно,
 Ближе к давним родным берегам...

* * *

Я стала лёгонькой, как пёрышко,
 Крылатой, как сама строка.
 Я — лета солнечное зёрнышко
 И пламя твоего зрачка.
 Я — побережья отражение
 И синева морских небес,
 Я — чайки плавное скольжение,
 И пляжа нестерпимый блеск.

Во мне рождается Вселенная,
 Пересечение миров...
 С ладоней моря сокровенно я
 Беру от августа улов.
 Мгновений звёздное сплетение
 На нестинарском берегу
 Вечерней кистью — светотенью я —
 В строке навечно сберегу.

18.08.2015

*Бухта Нестинарка, г.Царево, Болгария***Об авторе**

Сорокина Наталия — поэт, родилась в Москве в семье научных работников. Окончила Московский инженерно-экономический институт, кандидат экономических наук, преподает в Московском государственном строительном университете.

Наталия Сорокина**О, РУСЬ МОЯ!****Славянский эпос**

Славянский эпос, с чем он схожий?
 На ветер, шум дождя похожий.
 На солнца яркие лучи,
 На звезды и на блеск ночи.

Славянский эпос, — он чудесен,
 Наивен, искренен, прелестен.
 До нас дошли его штрихи,
 Как мифы, сказки, как стихи.

Он воплотил в себя природу,
 Её законы, землю, воду
 И звуки песен, их напевы,
 Под них шла жизнь, любили девы.

А даты праздников! Их ждали,
 Всегда всем миром отмечали.
 Дела вершили по приметам,
 Прислушивались и к заветам.

Славянский эпос много значил,
Другое время обозначил.
Внимай ему, познай, неси —
Начало праведной Руси.

ВРЕМЕНА ГОДА

Апрель

Апрель, апрель!
Звенит капель,
Намокший снег под солнцем тает.
Прозрачна тень
И светлый день
Уже быть долгим обещает.

Журчит ручей.
Тепло лучей
С любовью землю согревает.
Закрой глаза,
Уйдёт слеза.
Твоя душа, как лёд, оттаёт.

Март

Ещё снега, ещё морозы,
И спит еще застывший лес.
Но минули зимы угрозы,
Всё чаще светит синь небес.

А солнце даже припекает,
Заметно стал длиннее день.
Снег понемногу оседает,
Но зябка и морозна тень.

Весна идёт, вначале робко,
Потом смелей, ещё смелей.
Легка, тиха её походка,
А дальше — больше, всё шумней.

Не март, а просто мартовщина*
Не разберёшься, не поймёшь:
То снег пойдёт — зимы картина,
То воду талую найдёшь.

А в воздухе весною веет,
Она пришла, она живет,
Сил набирается и зреет,
И к пробуждению зовёт.

Конец октября

Конец октября, предзимья начало.
И смеха, и слез не покажется мало.
С деревьев листва почти облетела,
А та, что осталась, совсем пожелтела.

Золотистое кружево белых берёз
С веток свисает, полное грёз.
Пышный ковёр шуршит под ногами,
Узор его дивный пока ещё с нами.

Лишь ели и сосны стоят величаво,
Вечнозеленым красавицам слава!
Смотрит цветок, как живая картинка,
И летит к нему сверху с поцелуем снежинка.

* *Мартовщина — на Руси гулянье в марте с песнями, плясками и пивом*

Об авторе

Соснова Маргарита Львовна — актриса, кандидат педагогических наук, доцент, работает на кафедре русского языка и межкультурной коммуникации в РУДН. Окончила с отличием Театральное училище им. М. С. Щепкина (ВУЗ) при Государственном академическом Малом театре СССР. После окончания вуза — актриса драматического театра им. Ф. Волкова (г. Ярославль.), (дипломы на всероссийских смотрах творческой молодежи); затем — актриса драматического театра им. А. С. Пушкина (г. Москва). Несколько лет провела в Турции (г. Анкара) в связи со служебной командировкой мужа. Работала много лет в Московском государственном университете культуры и искусств, совмещая творческую, педагогическую и исследовательскую деятельность, затем в нескольких других вузах Москвы. Защитила кандидатскую диссертацию, сотрудничает с сектором психолингвистики и массовой коммуникации Института языкознания РАН. У М. Л. Сосновой имеется значительный опыт преподавания дисциплин гуманитарного цикла, ею созданы и апробированы авторские курсы, опубликованы более 50 печатных работ научного и научно-методического характера, среди наиболее значимых: Искусство актера: Учебное пособие для вузов. — М.: Академический Проект, 2005, 2007, 2008 гг. (Гриф УМО).; Технологии креативных решений (в рекламе и не только). — Калуга, Изд. «Эйдос»; 2009; Тренинг коммуникативного мастерства: Учебно-практ. пособие. — М.: Академический Проект, 2010. М. Л. Соснова является участником нескольких литературных объединений, в том числе ЛИТО ЦДУ РАН. Ею написаны, но не опубликованы, несколько пьес, проза (рассказы и антиутопия), поэма, стихи и басни.

О, РУСЬ МОЯ!

* * *

Нельзя Свободы не воспеть!
В ней человека продолженье,
Ей жертвовать, о ней корпеть, —
Наш долг и миссия, служенье!

Барак не создан для людей,
Скорее, для животных, стада.
Замки навешает злодей,
Народу не жалея... ада.

Идеология — царица?
Слова и фразы — инструмент.
Укажут: как, куда стремиться:
Решает дело — блат, «презент».

Стремятся все к «Свободе от»:
От тюрем и ограничений
В словах, идеях, от «болот»
И от заезженных речений!

«Свобода от» — от бреда власти,
(Гниет сообщество без критик),
Цензура обожает ластик,
(Зато доволен паралистик).

«Свобода от»: стереотипов
И от партийных «положений»,
От догмы и от хрипов-шипов,
От бедности и унижений.

«Свобода от»: мещанских вкусов,
От мненья пошлого толпы,
В себе — от дикаря и труса,
От сноба, от кривой губы...

Мечта людей — в «Свободе для»!
Для творчества, открытья, риска, —
Слетит с привычного седла
Душа юна, идеалистка!

Судьба — создание твоё,
За всё самим держать ответ.
Быть вместе с жизнью, Бытием,
И честный, свой, оставить след.

«Свобода для»: эксперимента
В делах и над самим собой,
Хотя и нет казны и ренты,
Но — Хаос вызовешь на бой!

«Свобода для»: души и воли,
Для мысли, дружбы и игры,
Для чувства жизни, страсти, боли,
Потомку завещать дары!

* * *

Германцы просят нашего прощения...
«Жалеют», что сжигали, убивали,
Что миллионы мучили в подвале,
И ждут теперь привет и угощения.
Простили б их задушенные дети?
Простила б женщина беременная их?
А где хвалена цивилиность, добродетель?
Простил бы юноша, создавший первый стих?
Простили б их деревни, что сгорели?
Простила б мать у мертвого мальчонки?
Простил бы лес без соловьиной трели?
Простили б городов обломки?
...А мы — простили. Вы же обнаглели,
Бандеру поддержали и нацистов.
И факелы на площади затлели,
И вновь на Русь толкают реваншистов.
Теперь делам поверим, не словам,
Вам не шагать по нашим головам!

* * *

Какая была бы страна...
Какая была бы Россия!
Крик выроdkов: «Ваша вина,
Уж слишком привольно, красиво!»
...Лежат по полям и болотам
Мужчины, герои, бойцы,
Танкисты, радисты, пехота,
Красавцы, отцы, молодцы.
Построили б зданья, мосты
И школы, дороги, больницы...

А вместо... могилы, кресты, —
Бесчисленная вереница.
Медсестры-девицы лежат,
Ташили израненных братьев,
Да им бы детишек рожать
И таять от счастья в объятьях!
Весь ужас нельзя осознать,
У горя, известно, нет слов.
Но людям пора бы понять:
Как Жизнь защитить от «ослов»?!

2-е мая, Одесса, Куликово поле

Кто не осудит палача,
Тот, значит, сам палач
И сам погибнет от меча,
Его найдет пугач.

«2-е мая» — навсегда,
Людей сожгли фашисты,
В крови и Запад на года,
Лжецы-авантюристы.

А мы-то думали: свет мира,
Цивилизации надежда!
А там, по-тихому — мортиры,
Руси сдирая кожу...

Мозги промыли недоумкам,
Мальцов в орудье превратив,
Чтоб золото — себе по сумкам,
Из кровушки — аперитив...

* * *

На Украине и здесь ветераны
Так по-разному жизнь завершают.
Хоть и схожи их старые раны,
Здесь их подвиги уважают.
Ну, а там недобитки-бандеры в чести,
Их грибницу не всю скорчевали:

«Гегемон» торопился спасти,
 Чтоб Россию вконец доконали.
 ...Боль в глазах старика-ветерана:

Он Европу и мир защитил,
 Разрушая нелюдей планы,
 Верил: жертвой народы сплотил!
 Но, обманут продажною сворой,
 Злобой выродков и иуд.
 В ком от совести нету укоров,
 Покарает того Божий суд!

Декабрь 2014 г.

* * *

Есть в русской мысли море чувства,
 Простор полей, лесов и рек.
 Без демагогий, словоблудства,
 Пахал и сеял человек
 И в поиск истины внедрялся,
 Чтоб жизнь и суть ее понять.
 В сомненьях к Богу обращался —
 Дух Целого не потерять.

Мы Пушкинской идем тропюю:
 «Нет истины, где нет любви»!
 А если Русь толкают к бою,
 Мечтая утопить в крови,
 Тогда... И мысль и лира-меч,
 Все станет Родине защитой.
 На время мороком прошиты,
 Освободим и взор, и речь!

* * *

И вот — в Кремле опять...
 Скучаю по нему.
 Той связи не ронять —
 По сердцу и уму.
 Покинешь суету,
 И — обнажится суть,
 Из детства чистоту
 Не лишнее — вернуть.
 Здесь место для отчета,
 Чтоб совесть говорила:
 К чему твои полёты?
 Чего ждала, молила?
 Незримо по дороге
 Идешь, судьбы не зная.
 Надеешься, что боги
 Ведут путями рая.
 Для русского — святыни:
 Россия, Кремль, Москва.
 В душе коль не пустыня
 И с думой голова.

* * *

Советских поколений высота,
 Отцами поднятая планка...
 Иконой не были комфорт и суета,
 Работа! — в поле иль пером, рубанком.
 Конечно, «пропаганда героизма»
 Дала настрой на подвиг поколениям.
 Но все же штамп «строитель коммунизма»
 Не послужил железным подавленьем.
 Его, скорей, восприняли формально,
 Терпимо, как погоду, и лояльно.
 А главным было Дело, чувство чести,
 В семидесятых мало, кто в аресте.
 ...Советская — в противоречьях — власть,
 Кому-то — просто жизнь, кому-то — пасть

* * *

Хорошо, что есть Россия,
 Мама, папа и она.
 В рифму с нею и Мессия,
 К подвигу страна годна.
 Слово в нас рождает Дух —
 Непонятно чужакам.
 Их — к монете взор и слух,
 А не к людям, облакам...

Русь — святыня и творенье,
 Ей служение — награда,
 Ей и жертва и раденье,
 И победы и парады.
 Хоть враги порой грозят,
 Их потуги отразят
 И моряк, и воин смелый,
 И ракетчик — знают дело!

ВРЕМЕНА ГОДА

«ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ»

* * *

Все споры с Временем — старинная забава,
 Но сей Игры загадочен итог:
 Цветистый, как ромашковый венок,
 Заманчивый — и сладость, и отрава.

Исход неясен: ты всегда внутри,
 Летишь ракетой в вихре скоростей,
 Издерган валом диких новостей,
 Пред истиной у запертой двери.

Сурово предъявляет Время счет:
 Тебе казалось, что прошло мгновенье,
 Веселье, радость детская — в зачет...

Но чувства куража и упоенья —
 Неужто зряшный аккомпанемент?
 Иль Бытия заглавный элемент?

* * *

*«Немногие для вечности живут,
 Но, если ты мгновенным озабочен,
 Твой жребий страшен и твой дом непрочен...»
 Осип Манделъштам*

Мгновение — для дошлых гедонистов,
 Молящихся, как богу, наслажденью
 И, ради выгоды, лакейству-угожденью,
 Им не понять творцов-идеалистов.

Не всем идти по Млечному Пути,
 Лишь мастеру, искателю и детям,
 Нужда порою распихает их по клетям,
 Свою тропу мешая обрести.

Но ветер странствий к риску увлекает!
 В глубины сути, дальше от толпы.
 Не выбрали они иной судьбы,
 Душа в неведомое, тайное толкает.

Призванью верных не пугает Вечность,
 Страдание и жизни быстротечность.

* * *

О, Времени и Вечности загадки!
 Вас до конца постичь нам невозможно,
 Нести свой факел должно непреложно,
 Чтоб Небо не сказало: «Взятки гладки!»
 Не бесполезно думать о годах,
 Прокладывать всё новые пути,
 Чтоб к звездам через тернии дойти,
 Чтоб вечно — вишни, яблони, в садах...

Ведь жизнь и день не так уж не похожи:
 Рассвет и полдень, к вечеру — закат.
 Служенье ближним иль... черта меж дат?
 Попытка Быть — езда по бездорожью!

* * *

*«И дремля, едем до ночлега,
 А время гонит лошадей...»
 А.С. Пушкин*

Жаль, не всем удастся дожить до «дремоты»...
 Этой странной поры, где для мудрости час.
 Разрядка Фортуны, небесные квоты?
 Ты исполнил посланье, Небесный указ?
 В этой «дрёме» — события и Времена,
 Красотою и силой, и правдою меряются.
 Все иное: идеи и строй, и страна...
 Кинолента фантастики? —
 Право, не верится...

* * *

*«Я не знаю мудрости, годной для других,
 Только мимолетности я влагаю в стих...»
 К.Л. Бальмонт*

Открываешь секреты мгновенья,
 Если ты человек и — живой.
 Жажда жизни, ее утоление,
 Опьяняющий праздник с тобой.
 Ты — единственный на планете,
 У другого иное чувство.
 Твоего не разделит буйства,
 Видя смыслы в ином сюжете.
 Проживая свою судьбу,
 Позабудь про награды, статус.
 Превратится душа в рабу,
 Если чуда понизится градус!

* * *

*«Можно переносить жизнь, только каждый день
 работая на Абсолюте, остальное — необходимая дань...»
 Светлана Семенова*

Если душу свою породнишь с Абсолютом,
 Компас, точка опоры твоя — Идеал,
 Не позволишь себе злой, пустой ни минуты
 И всегда впереди перевал...
 Человеком становишься только в пути,
 Ошибаясь и падая, и спотыкаясь:
 «Pro иль Contra?» — ответы пытаюсь найти,
 Из оврагов и ям поднимаясь.
 Выживание — дань, ничего не попишешь,
 Но в тебе и мечта, и свобода,
 Приоткроешь суровую правду, коль ищешь,
 «Лезешь в воду, не ведая брода»!

* * *

Куст сирени. Ручей серебристый.
 Свет и тень вперемешку. Луна.
 Изумрудны березы мониста.
 А на сердце — восторга волна!
 Первый лучик восхода в надежде:
 День придет и дела, и покой.
 Всё столетьями будет, как прежде
 По традиции вековой:
 Жизни радость и тихое счастье
 Блеском юности в милых глазах.
 На мгновение — туча, ненастье,
 И — сосна от дождинок в слезах.
 Всё в движении, ход терпеливый:
 Одуванчики? — значит, весна.
 Вся природа в трудах, кропотлива,
 Как душа, и бодра, и грустна.

* * *

Суетою болен век:
 «Жить бы слаще, веселее,
 День чем легче, тем милее,
 Идол наш — блаженство нег!»
 Но достигнуть их не просто,
 И мошенники-прохвосты
 Обещают к чуду мостик,
 (Совість сгнула в коросте).

Если б каждый отвечал
 Перед Небом и людьми,
 Не тогда, когда... причал,
 А в расцвете... так плетью
 Не стегали б за паденье,
 Все исчезли б преступленья...
 Здесь мы, чтоб любить,
 творить!

* * *

И мгновение и Вечность — тайны,
 Лишь минута, час, подвластны нам,
 Коль с унынья не впадешь в отчаянье,
 Коль в душе не хаос, не бедлам.
 Ход времен нельзя остановить,
 Сделать можно другом иль врагом.
 Ариадна нам протянет нить,
 Чтоб по «лабиринту» мы — бегом!
 Если нить пропустим, не заметим,
 Потеряем время навсегда,
 Не оставим ничего планете,
 Как сквозь пальцы протечет вода...

* * *

*«Смысл есть единство подвижного покоя
 самотождественного различия...»*

А.Ф. Лосев

Мы в тайне века обнаружим смысл...
 Свой собственный, подвижный и спокойный,
 Себе лишь равный и на дивно стройный
 В различии... В основе Дела — Мысль!
 Она родится из переживаний,
 Стихии сердца, бьющей через край.
 Добыча истин — это трудный рай...
 Но Ева всё же выбрала познать!

О Временах (басня)

Заспорили, Вчера, Сегодня, Завтра
 На тему: кто из них главней.
 Вчера, закончив завтрак,
 Явило значимость корней:
 «Важней всего закладка,
 Ведь это — база, клад.
 Чтоб не было упадка,
 Из прошлых дней — заряд.
 Нельзя былое не ценить,
 Со мною, со Вчера, всё уложилось,
 Энергия иль вялость народилась,
 Из прошлого любая нить».
 Тут Завтра эфемерное спросило:
 «Не поняли вы сути до сих пор?
 Ко мне на крыльях вас мечта носила,
 Я — пыл желания, надежда, не укор.
 А кто грядущего боится,
 Возьмет рутину в оборот,
 Со мной к успеху устремиться,
 И никакой вас черт не задерет!»

Сегодня никому не возражало,
 Оно Вчера и Завтра поддержало,
 Всех собраннее, в деле не до бала...
 Всегда нужда на пятки наступала:
 «Сейчас в гостях вы у Сегодня, у меня,
 Вы живы мной, хваля или кляня...
 Я откровенно вам скажу:
 Вчера, тобою я бывало,
 Вот снимок, фото, покажу,
 О главном верно рассказало.
 Ты, Завтра — фантазёр, шутник,
 Пройдут часы, в тебя перемещусь,
 Проект исполню иль пикник,
 Иль к юным через книгу обращаюсь...
 Всего важней
 Вот этот час, минута,
 И сколько б ни изведал дней,
 Отдашь свое сейчас кому-то».

* * *

...Что движет Времени арбу?
 То вознесет, то кинет в бездну...
 Что душу превратит в рабу?
 Ужель законы бесполезны?
 Увы, царит Свободы случай —
 И грех, и подвиг, — самовластно.
 За высью счастья — грозы тучей,
 Движенье Хаоса опасно.
 Среди массы человек — песчинка,
 Но для Вселенной не чужак,
 Планеты в космосе — пылинки,
 Но Жизнь — святыня, не пустяк!

* * *

На фоне Вечности мы — крохотки времен —
 Из этих вот, единственных мгновений,
 Любовью-искрой если опален
 И вдохновлен мелодией творений...

Внутри событий, обстоятельств,
 Мы лишь частично жизнь поймем.
 Мы дети всяких «обязательств»,
 И хлещет каждого ремнем.

Над нами социум не трясся,
 Но от каких-то бед сберег.
 Призвания спасала трасса,
 Протест на мужество обрек.

Свою судьбину проживали
 С родной страной в связке общей.
 Порою и траву жевали,
 Но — побеждали, и не ропщем.

Не всю картину нам видать,
 Усвоим искаженно что-то,
 О правде можем лишь гадать,
 Грядущего заботит нота!

Мы обживем свою планиду,
 Свою особую судьбу.
 И, как когда-то Атлантида,
 Уйдем, закончив жизнь-борьбу.

Свидетель каждый уникальный,
 Оставит весть о Времени.
 Тревожно-странном и сакральном,
 Свой голос — в память племени.

Член Союза писателей России. Член Российского союза профессиональных литераторов с 2015 года. Участник ЛИТО ЦДУ РАН с 2012 года. Награждена медалью «Золотое перо». Область литературного творчества: поэзия, проза, статьи для литературно-художественного Альманаха «Лазурь». Автор 16 поэтических сборников, 5 повестей. Руководитель литературных объединений в МГУП имени Ивана Фёдорова и в школе № 1454 ЦВР САО, поэт, писатель, журналист.

Член редколлегии альманаха «Лазурь». По профессии — преподаватель физики. Работала в школе и вузах Москвы, и за границей. Много путешествует. Посетила более 50 стран мира. Впечатления о странствиях нашло отражение в литературном творчестве.

О, РУСЬ МОЯ!

Крым

Далёкое детство, лагерь «Артек»,
Походы, костры на привале.
И в памяти ты остался навек,
В душе твои песни звучали.

Манил виноградом, морем, теплом,
Лавандовым полем пахучим,
Дорогами горными, где излом
Уводит к вершинам могучим.

Гордый Ай-Петри, крутой Роман-Кош —
Заслон, если северный ветер.
Упрямый, — значит, к вершинам дойдёшь,
Чтоб солнце встречать на рассвете.

Об авторе

Причудливы скалы, профили их, —
Что, может быть, созданы магом?
Пещеры и гроты, — каменный лик.
И назван был мыс Аю-Дагом.

Алупка, Ялта, Мисхор, Симеиз, —
Легенды, сказания, мифы, —
Как будто над морем дивный карниз —
Обитель и греков, и скифов.

Под топот копыт народ кочевой —
Татары, киммеры и турки, —
Столетиями войны, где моря прибой,
Да ветры степные так гулки.

Подобно свечке, стоит кипарис,
Самшит растёт, вечнозелёный,
Секвойя, сосна и ягодный тис,
Платаны и пальмы, и клёны.

Умыта крымская роза росой,
Она королевой предстала.
Среди разноцветья дивной красой
В лучах предрассветных сияла.

В долинах меж гор растёт виноград.
В легендах крымчан — князь Голицын.
В подвалах Массандры зреет мускат.
Вином золотым край гордится

Есть символ Крыма: на самом краю
Высокой скалы, что над морем, —
Старинный замок. Там ласточки вьют
Гнёзда над синим прибором.

Ткачевская Елена Петровна — участник ЛИТО Центрального дома учёных РАН, канд. хим. наук, доцент (<http://www.lito-cdu.ru/avtory/Tkachevskaya-Elena/>), член Союза писателей XXI века (<http://writer21.ru/tkachevskaya-e/contacts.php>), член литературного клуба ЦДЛ «Московитянка».

Об авторе

О, РУСЬ МОЯ!

* * *

«Язык неистоим в соединении слов...»

А.С. Пушкин

«Язык неистоим в соединеньи слов»,
 В их сочетании и новом, и знакомом,
 Пространство слов, как и пространство дома, —
 В числе ценнейших жизненных основ.
 Живёт язык в соединеньи слов,
 В их трепетном сцепленьи и теченьи,
 В звучаньи, написаньи, изреченьи
 «Язык неистоим в соединеньи слов».
 4.06.2016 г.

Дом Учёных на Пречистенке

Охраняемы львами ворота,
 Смотрят окна в вечернюю тишь.
 Особняк на Пречистенке, что ты?
 Неужели о прошлом грустишь?
 Ностальгия неведома зданьям,

Люди могут метаться, страдать,
 А дома в суете мирозданья
 Молча призваны всё созерцать.
 Повезло, не снесён, не разрушен,
 Клёны шепчут осенний мотив,
 Уверяя, что ты ещё нужен,
 Добродушие приютив.
 В Лету канули прошлого тени,
 Не приходят сюда, как домой.
 Белый мрамор холодных ступеней
 Не обрёл тишину и покой.
 Светлой, доброй мелодии ноты
 Настигают вечернюю тишь.
 Особняк на Пречистенке, что ты?
 Неужели о прошлом грустишь?
 5.10.2012 г.

* * *

Мне память говорит, что вот — моё окно.
 Рассудок говорит, что там — чужие люди.
 Не важно — сколько времени прошло,
 Всегда душа болеть о прошлом будет.
 Метаться будет по родным местам,
 Где жёлтый дом под мшистой крышей
 И сад, известный до последнего листа...
 И в поисках душа летит всё выше, выше.
 27.12.2016 г.

«Купание красного коня»

Диалог со стихией краток и кроток,
 Пространство втягивает меня,
 Не отвязывая незакреплённых лодок,
 В «Купание красного коня».

Ухает в бездну, в иное царство
 Выверт текущих линий судьбы.
 Есть тревожность, но нет коварства
 Предчувствия дикой пальбы да гульбы.

Всё, напротив, — иконописно...
 Конь — воитель, надёжен и крепок,
 Как в былине, вовеки и присно,
 Много символов — мысленных скрепок.

Ни одной не отбросив тени
 Всадник скачет, худ, беззащитен,
 В то купание — как в искупление
 Век уж... Красен конь иль кровопролитен?
 28.02.2017 г.

* * *

Таким путём,
 пути другого нет,
 наверно, сотни раз шагал поэт
 от поезда до дома.
 Спусти почти что сотню зим и лет
 иду к поэту в дом и чувствую — знакомы
 деревья до небес, стволы зеленоваты...
 И шишки под ноги кидает мне сосна.
 Приметы времени не властны над словами.
 И Сетунь также тороплива и вольна
 Похожей быть на все другие реки.
 Шумит листва
 и цветники цветы переполняют,
 Нежданный солнца блик смыкает веки,
 Движеньё тормозит и слепит временами.
 А дом живёт:
 доверчиво распахнуты окошки в сад
 и теплым светом из-под абажура
 наполнена гостиная уютно.
 Не раз ещё услышат эти стены

стихи притихшим вечером.
 Теснятся новые картины
 на ветром продуваемой веранде,
 утром она по лестнице перетекает в сад,
 Тенистый и загадочный, как омут,
 Где грядки свежей зелены пестрят
 и яблони растут — они поэта помнят...
 3.07.2016г., Дом-музей Б. Пастернака в Переделкино

* * *

Веряя открывает ворота и двери,
 Тянет улицы прямо в леса и поля.
 Перезвон колокольный созвучен доверью,
 Той защите, которую дарит земля.

Город стар, невелик и по-доброму светел,
 Мы его чудеса принимаем как дети.
 И — в полнеба закат в завершение дня.
 Ветер шепчет в листве: «Веряя, Веряя...»
 5.07.2015 г.

Заброшенная деревенька

Пару километров — по лесу пешочком
 Узенькою тропкою по корням, по кочкам.

Глушью несусветною деревенька кажется.
 Так её безлюдие с красотой не вяжется...

А туман низиною стелется да кра́дется.
 Русь моя, глубинная, жизнь твоя не ладится:

Без полей распаханых по амбарам — ветер,
 Избы стали чёрными — одни на белом свете.
 17.06.2015 г.

* * *

Находит дрожь, и ускоряюсь я невольно,
 Пересекая деревеньку Волковойня.
 Среди лесов в глуши-тиши
 Проистекает речка Сольба, не спешит.
 Неужто Сольвейг здесь бывала ранее?
 Для деревеньки в верхневолжской глухомани
 Баскаки, проскакавшие в ночи,
 Оставили названье — Баскачи.
 Веками сохраняются названья
 Для памяти, для нового познания...

10.11.2013 г.

* * *

Окна университетские
 Смотрятся в поля...
 Сторона Елецкая —
 Тёплая земля.

Кромка лесная с дорогою
 На горизонте сливается.
 Бабочкою-недотрогою
 Душа отзывается.

16.05.2015 г.

* * *

Иконостас — в лесах, летает ветер в храме.
 Проём ворот подобен раме,
 В которой — Дон, поля, села окраина
 И облака, лучом, как шпилем раненные.

16.05.2015 г.

* * *

Когда дела из города отпустят —
 Скорей туда: в дорогу, вдаль,
 В то бунинское захоlustье,
 Где всё — как встарь.
 Поля, поля да перелески,
 Оврагов стынь.
 А на ветру, как шёпот детский,
 Шуршит полынь.

7.02.2017 г.

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Ох, метель метёт — то февраль идёт!
 Высоки снега, да в полях пурга,
 Замело пути, к лесу не пройти,
 Небо хмурое, небо серое...

Вот был лисий след, а его уж нет.
 Или лось проходил, глубоко наследил?
 Следы спутаны... Что поделаешь?

Не дойдёт рыбак до реки никак,
 Тропка узкая, неприметная,
 Снег летит в лицо неприветливо.
 И застыла река, лёд не тает пока.
 Рыба спряталась, схоронилась.

Не достать саней, не запрячь коней —
 Так сиди на печи да молчи, иль пеки себе калачи.
 Шубу белую — зиме под ноги, чтоб не злилася.

8.02.2016 г.

* * *

Иду дорогою весны — идти далече...
Глубокий вдох — и небосвод ко мне доверчив.

Прощён, отринут прошлый груз — идти всё легче.
Не важно — ждут или не ждут — расправлю плечи.

Ни вещей сон, ни дальний зов мне не перечут.
Мой сговор с раннею весной уж рассекречен.

И каждый звук, и каждый штрих уже намечен...
Картина будет чёрно белой — раскрасить нечем.

1.03.2017

* * *

Нынче ночь — без неба звёздного,
Потому что ночь светла.
То ли рано, то ли поздно —
Непонятно до утра.

Нынче ночь бела. На севере
Лишь такая ночь случается
Лунный свет цветочек клевера
Осветить вовсю старается.

По воде — дорожка лунная.
Неба край — закатный отсвет.
На траве к утру проклюнулась
Из росы роскошной россыпь.

29-30.06.2015 г.

* * *

Неспешно варится варенье,
Втекает в дом жара июльская,
На зиму травы и коренья
Всё сушатся. И есть предчувствие —

На вечер зимний, неприкаянный
Сгодятся все запасы вкусные.
А на реке перекликаются
Гудками баржи сухогрузные

И отчего-то просто верится,
Что жёлтой бабочкой капустною
Весьма надёжно охраняется
Жилище наше захолустное.

15.07.2016 г.

* * *

Топтанье роскошных гортензий под окнами —
Как тайное пиршество летнего сада.
На лунную бледность немая досада
Есть в шёпоте ветра. Дрожащими стёклами

Откликнулся дом, всё ещё не проснувшийся.
А лунные тени от кроны берёзы
К крыльцу подступают — легки, несерьёзны,
Как сон, из прошедшего робко вернувшийся.

15.03.2017 г.

* * *

Осень бросила золото в стылую воду,
Обижаться не стоит на плохую погоду.

Лето мерили красное шагами аршинными,
Обещанья напрасные холода сокрушили.

А с песчаного берега смыты замки волною.
Охраняются бережно одинокой сосною

Все мечтания летние, все усталости осени.
Многоточье наметила птичья стая на просини.

Обижаться не стоит на плохую погоду.
Осень золото бросила в стылую воду...
12.09.2013 г.

* * *

Начинаю слышать тишину,
Наблюдая серую волну,

Ветра вздохи и листвы паденье,
Осени холодной пробужденье.

Начинаю понимать истоки
Мыслей, что диктуют эти строки.

Принимаю дождь и холода,
Даже то, что есть не навсегда...
7.09.2015 г.

* * *

Такой оттенок голубого
Лишь только северному небу
Дарован в этом мире красок.

И золотой наряд кленовый
Так ярок никогда бы не был
В предчувствии осенних сказок,

Когда бы не было такого
Холста, небесно-голубого.
7.09.2016 г.

* * *

Принимаю обстоятельства —
пазл судьбы почти сложили...
Недосказанность, невнятица вороньём вокруг кружили.

Листья леса осень тронула — полотно пылает ярко.
Теплота прикосновения — нет роскошнее подарка!
8.10.2016 г.

* * *

При многократном повтореньи
лишь он один остался первым,
лишь он один остался белым,
при том, что, в сущности, холодный,
да и всего лишь — «аш два о»
20.10.2016 г.

* * *

Как утрата без досады и тревоги —
У подножия берёз в осенней дрёме
Золотых монеток россыпь, у дороги
Дом пустующий, в дверном проёме

Чуть подрагивают паутинки,
Ощущение тепла почти пропало,
Утро лужи превращает в льдинки,
Осень краски подбирать устала.

Скоро снова будет первый снег...
14.10.2016 г.

* * *

*«Вот они, мои земные блага:
Комната с окошками на Русь,
Стол, перо да чистая бумага,
Над которой вволю наревусь...»
Нина Краснова, 1982 г.*

Мои земные блага... Где они?
Прозрачной осени задумчивые дни
Слова находят о существовании
Душевного тепла и пониманья.

Считаю благом холодность зимы:
Всё для того, чтоб чувствовали мы
Мороз и солнце — царства льда и снега,
Метельного не устрась набега.

Предчувствие весны — и благодать, и благо.
Так, в ожидании строфы, бумага
Готовится расстаться с белизной.
Живет природа переменой, новизной...

Пора итогов благодатным летом
Поэтами восторженно воспета.
Как глухо яблока падение в траву...
Хочу — и яблоко заранее сорву.

За что они, земные все благá
Не ведаю... Но счастлива пока.

17.12.2015 г.

Об авторе

Родилась на Урале, влюбилась в этот удивительный мир чудесной природы, пишет стихи с 20-ти лет. Изданы два сборника: «Снегопады любви», «Святые родники», издан диск песен (2000 экз.), написан цикл песен для Смоленской АЭС. Редактором первого сборника был Мишин Алексей Викторович, смоленский поэт, был на презентации первого сборника в гор. Десногорске в 2001 году. Татьяна Хатина — учитель с тридцатилетним педагогическим стажем, высшей категории, любит свою профессию, детей — это единомышленники. Поэзия — это способ выживания в нашем таком странном мире.

Татьяна Хатина

О, РУСЬ МОЯ!

Родовое имя Глинки

Горький запах полыни с разноликостью трав,
Коронованных синью венценосных дубрав.
На аллеях тропинки, что ведут к родникам.
Мы в имении Глинки вторим тихим шагам.

На ажурном мосточке у прудов постоим
И согреются строчки вдохновеньем одним.
Золотистые тени от дубов-колдунов
Преклонили колени в тайны царственных снов.

Из распахнутых окон льётся музыки свет,
Как когда-то далёко в память прожитых лет.
Те же розы темнеют от вечерней росы,
И закат пламенеет, затихают часы...

Близко к Тихвинской церкви сладко колокол бьёт,
Снова музыка Глинки в каждом сердце поёт...

Денис Давыдов

Денис-поэт, как ты писал стихи,
 Смеялся над чинами государства.
 Насмешнику прощались все грехи,
 Тех эпиграмм высокое коварство...
 К Багратиону принят адъютантом,
 В боях с французами ты первым был.
 Храбрец, высоким обладал талантом:
 «Вперёд, вперёд!» — насколько хватит сил.
 Был страшный бой, французские уланы
 Аллюром бросились, преследуя тебя...
 Друзья-гусары их разбили планы,
 Спасли тебя и веря, и любя.
 Тебе за бой суровый, как герою,
 Святой Георгий с почестью вручён —
 Нарядной буркой, саблей золотою
 И лошадью воздал Багратион.

Ты в каждой битве воин — храбр и стоек,
 Вся в орденах сияет гордо грудь.
 Давыдов — патриот России, стоик!
 В сердцах потомков лучшим воином ты будь!
 Орденоносец, партизан, гусар!
 За землю, за Отечество святое!
 Поэт России, свой высокий дар —
 Отдал народу сердце золотое...

По картине Исаака Левитана «Тихая обитель»

Русской природы простор и величье,
 Гордого неба плат голубой.
 Запахи леса и пение птичье,
 Тихой обители звон золотой.
 В зыбкой воде небо спит затонувшее,
 Старого моста усталый настил.
 Светлая нежность в лете уснувшая,
 Ею Господь их с лихвой одарил.

Храма высокого к небу летящего —
 Пять вознесут куполов...
 Звонница в небе над лесом парящая —
 Благовест колоколов.
 Древней Руси красоту и величье,
 Веру в надежде, любви...
 Леса прохладу и пение птичье
 В душу свою позови...

У портрета Есенина

Глаз твоих васильковая просинь,
 Чёткий профиль, припухлость губ.
 И волос золотая осень,
 Взгляд из прошлого нежен, не груб.
 Я листаю стихов страницы,
 Что ты нам раздарил на века.
 Где-то бродит твоя кобылица
 И с ладони пьёт из родника.
 Твой рассвет так же в пламени алок,
 Разлита по России грусть.
 И берёзовым соком в бокалах
 Нас весной одаряет Русь...

По картине Ивана Айвазовского «Девятый вал»

Нависло небо всполохом огня
 Над бешеной стихией моря.
 Тяжёлых волн кипит броня
 Со стонами и рёвом споря...
 Рвёт ветер огненный ковёр,
 Что соткан из небес и волн.
 Девятый вал — судьбы укор
 На утлый набегаёт чёлн...

Корабль, погубленный стихией,
 Лишь на волнах его останки...
 Вцепившись в них, зовут Мессию
 И молятся судьбы подранки.

А с неба огненный оскал
Смешался с бурей морскойю.
Девятый вал! Девятый вал!
Стихии братство огневое...

По картине Исаака Левитана «Вечерний звон»

Святые волжские места, соборов древних стены,
Торжественность и красота — природы русской гены.
Взлетают купола церквей в темнеющее небо...
Заката дивный чародей — пленяют краски Феба.

Как Волга праведно течёт, спокойна и широка,
Вечерних облаков полёт в воде плывёт далёко.
Уходит яркий летний день в вечернюю прохладу,
И леса сказочная тень несёт душе отраду.

По гладкой тишине воды переплывают в лодке
Паломники к местам святым с молитвой чистой, кроткой.
А с высоты над тенью крон так бархатно и свято...
Вечерний звон... Вечерний звон... Колоколов кантаты...

ВРЕМЕНА ГОДА

Осеннее настроение

Сентябрь раскрыл свои объятия
В кружение рыжих фонарей.
Ещё деревья не сменили платья,
А ночи уже стали холодной.
Москвы живой зелёный ветер
Вдруг струнами листвы зашелестит.
Опустится на плечи синий вечер,
И где-то тихо музыка грустит.

Пронесется в седую даль машины,
Как будто грусть мою хотят умчать
В далёкий край, где море и дельфины,
И яхта на плаву устала ждать.

Приду домой, мой чай, вновь телевизор
И томик Грина под моей рукой,
А под ногами старый кот-подлиза
Качает изумлённо головой.

Автомобильный шок

Начало ноября... День первый... Воскресенье...
А над Копотней чёрные дымы.
И скопища машин стреляют в небо чернью
Густого смога, в нём сгораем мы...
Огнём вечерних фар на острие асфальта
Чуть движется гряда жующих свет машин.
И кажется, что все мы часть нелепой фальши,
Усталой, злой — сумятицы картин.

Стремимся перегнать крутой вираж соседа,
Вслепую встретив ненависть и злость.
Ругаясь на чём свет и накликая беды,
Лишь только бы удрать из пробки удалось.
Смывая грязь в душе и копать колеи МКАДа,
Мы радуемся, что сумели ускользнуть
Из бесконечных пут бензинового ада,
А завтра, завтра вновь проходим тот же путь!

Утро в деревне

Свежий запах смолы и гречишного мёда,
От бревенчатых стен веет тёплой сосной.
На крыльце половики домотканого рода,
Рядом ковш расписной, да бочонок с водой.
В кухне печка белёная, словно невеста,
И дымится картоха на круглом столе.
Подходя, чуть фырчит растомлённое тесто,
Пирогом угостит в полудённой жаре.

Ожидает гостей каравай пропеченного хлеба,
И с парным молоком на припечке подойник стоит,
А в открытом окне солнца шар греет чистое небо,
И в забытом ведре у колодца вода заблестит.

В кухне старые ходики тихо свой день начинают.
 На соседском дворе слышен жёсткий удар топора.
 На полу два котёнка хвостом своей мамки играют.
 И звенит рукомойник, хозяйку зовёт со двора.

Лето

Пустилось лето влёт зелёным жарким кругом,
 Духмяных трав полёт рассыпался над лугом.
 Дыханьем лунных гроз расцвечены зарницы,
 И белый свет берёз в гармонии струится.

Серебряных дождей нежны, прозрачны струны,
 И стайка лебедей плывёт дорожкой лунной.
 Свечением реки так радуются звёзды,
 И плачет от тоски туман пьяняще — росный...

* * *

Окольцована ночь синеокостью лунного света,
 Чуть видна, упадёт, и растает в нём чья-то звезда.
 Разметавшись во сне, спит сирени раскрытой планета,
 И фиолетовой лентой плывут над рекой облака.

В тихой заводи плёса промелькнёт запоздалою тенью
 Чья-то старая лодка и усталая тень рыбака,
 И рассеет кукушка тишину леса сонно и робко.
 И на струнах рассвета заблестит, заиграет река...

Осень

Горько-сладкий мёд сентября
 Весь в оранжевых красках осени.
 Листья падают, тепло даря,
 Грустно шепчут, что все их бросили...

Разрывая вязь паутин,
 Ветер плачет от безысходности.
 И краснеют гроздь рябин
 В этом танце осенней модности...

Весенняя сказка

В небе заря стонала алостью безответной,
 Сладко роса упала в травы стразовой веткой.
 Ветер, лаская пряди, нежной листвы весенней,
 Тихо берёзку гладил, встав пред ней на колени.

И восходило к крышам солнце в лучах рассвета,
 Песню весны услышав, в нас просыпалось лето.
 Гордо цвели фиалки, ландыш тянулся к свету.
 Мне почему-то жалко прошлую сказку эту...

Бабье лето

По тропинкам идёт не спеша
 Осень в ярко-малиновом платье,
 А листва, под ногами шурша,
 В вальсе ветра к нам рвётся в объятия.
 Разгадать этот сон золотой
 Нам еще не пришлось на мгновенье,
 И стоит над моей головой
 Лета бабьего златокруженье.

Бабье лето, бабье лето,
 В паутинках лучик света,
 На ресницах у осины
 Неспроста дрожит слеза.
 Бабье лето, бабье лето,
 Ты любовь воспетю,
 Это осени прощальной
 Лебединая пора.

Вновь зовут нас на юг журавли,
 Это время щемящей разлуки.
 И рассветы в багряной дали,
 Словно птицы, раскинули руки.
 Ветка клёна нам шепчет: «Прощай!»,
 Солнцем налиты гроздьи рябины.
 Лета бабьего счастье познай
 С горьким привкусом сока калины...

Бабье лето, бабье лето...

Снегопад надежды

Снова спрятались фонари
 Под волшебную вязь снегопада.
 И парят с небес до земли
 Эти птицы — зимы награда.
 Звёзды тают в ночной дали,
 Вновь даря любви поцелуи,
 И звучит, затихая вдали
 Эта музыка, нас чаруя.
 Лети, лети, лети
 Пленительно и нежно,
 Сверкая на пути
 Наш снегопад надежды.
 Ты даришь нам мечту
 И вечности мгновенья,
 Земную красоту
 Столь снежного круженья.

Снова слышу твои шаги
 Из далёкого снегопада.
 Пусть бегут наших дней круги,
 Их порой нам коснуться надо.
 Всё, что было издалека
 Иногда мне ночами снится.
 Как нежна та была рука,
 Что спасала от снега ресницы.

Об авторе

Чернова Татьяна Александровна.
 Окончила «Прикладную математику» в МАИ.
 В жизни занималась разным, побывала в командировках во многих уголках России и за её рубежами.
 Доктор наук, в настоящее время профессор МАИ.
 Участник ЛИТО ЦДУ РАН. Автор сборника стихов 2003 г.
 Есть публикации в ежегодном альманахе ЛИТО ЦДУ РАН.

Татьяна Чернова

О, РУСЬ МОЯ!

Туда — по заросшей дорожке...
(диптих)

I
 Средиземноморское лето,
 Пора мне вернуться назад.
 Там ждёт меня, за морем где-то
 Сентябрьский цветной листопад.

С годами больше и тоньше
 Я связана нитью одной
 И с полем, и с ближнею рощей,
 Где осень играет листвою...

Туда — по заросшей дорожке,
 Топча непросохшую грязь,
 На завтра мои босоножки
 Направят следы, торопясь.

2

Кто в спешке, а кто — в недомыслии,
Живём — как попутает бес...

Лишь ветер, что жаркими листьями
В холодную просинь небес
Швыряет, — да крест на отшибе,
Напротив часовни, вдали.
Там те, кто свой путь совершили —

И истину ту обрели —
Извечную, благотворящую.
Часовенка, крест, тишина...

Простите пред вами стоящую
Кольнёт — и утихнет вина.

ВРЕМЕНА ГОДА: ЗИМА

Отель Тропикана

А Тропикана-Тропикана,
Отель на Пятницком шоссе.
Он не у кромки океана —
В родимой средней полосе.

Ведёт разбитая дорога,
Морозной крошкой бьёт в стекло,
Вот и оазис, слава Богу,
Пока совсем не занесло.

А Тропикана-Тропикана,
Средь стылых ёлок мёрзлый пруд.
Кокосы, финики, бананы —
В воображении растут!

И когнитивным диссонансом
Мой раскаляется висок,
Слились в единстве несуразном
Снег, холод — тропики, песок...

И не могу моё мытарство
Ни разрешить, ни заглушить:
Меж тёплых волн во снах скитаться —
И среди ёлок этих — жить.

Дача в Серебряном бору

Ой, печаль моя, заснеженный бор,
Струн серебряных в ночи перебор,
Где качались под хмельком фонари,
Пропадай, моя душа — до зари...

Пробуждается, бледнея, заря,
Задрожит, в холодном небе горя —
Снег закружится, едва рассветёт,
Под окном моим следы заметёт.

Не похвастать мне дарёным кольцом,
Запивать разлуку — горьким винцом.

Ой, тоска моя, заснеженный бор,
Ты — души моей Серебряный Бор.

И улыбнётся жизнь

Я прислонюсь к печи, вошедшая с мороза,
Гудит живой огонь, ладони горячи,
Мне подари свой пыл, горящая берёза,
Плакучая берёза, заплакать научи.

Декабрьская метель выплясывает танцы,
И тёмный лёд реки под шагом задрожит.
Ведь память не умрёт, хоть время расставаться —
Сгоревшей страсти пепел над нами закружит.

И коли не дано нам вместе встретить полночь,
 То ты мою печаль, как боль — заговори,
 И может быть, тогда поймём тщету и горечь
 Попыток строить храм на собственной крови.

И скажешь ты, — постой, не уходи, подруга,
 Беда ли, что украсили нас нити седины.
 А снег уже к утру укутает округу
 Уснёт река под пледом чистой белизны.

И улыбнётся жизнь — пока мы верим в небыль,
 И ввысь глядим с надеждой. И вот, под Новый Год
 Близ Млечного пути, на лунно-звёздном небе
 Летит оленья упряжь, свершая поворот.

Об авторе

Николай Шведов — поэт, художник, иконописец. Автор нескольких поэтических сборников. Член ЛИТО ЦДУ РАН с 1995 года.

Николай Шведов

О, РУСЬ МОЯ!

ЗОДИАК
(триптих)

Она и ты

Теперь те годы в горестях лихие
 Не достают ни сны, ни ворожба —
 Она теперь — стихи, а не стихия,
 А ты уже судья, а не судьба.

Зачем? Осталось посчитать ступени
 Лет — как круги от камня на воде,
 Сказать «спасибо» Богу за терпенье,
 И милостыню вымолить себе,

Сложить в одну матрешку, все что было,
 Еще — простить обидчиков своих,
 В набатное слегка ударить било
 И подождать, чтоб звук вдали затих...

Рукой махнуть родимому порогу,
 У детства на коленях посидев,
 Да слов набрать за пазуху в дорогу, —
 Подслушав соловьиный перепев,

И растворяясь тихо и незримо
 Запомнить луч, скользнувший по реке,
 Щемящий запах осени и дыма,
 И неземное пенье вдалеке.

И пусть тебя, хорошие — плохие,
 Забудут все, забудут навсегда...
 Она уже — стихи, а не стихия,
 А ты — пропавшая над городом звезда.

Поткидыш

Всё чаще небо вижу сквозь листву
 И на прогулке медленнее шаг,
 С оглядкой готовлюсь к торжеству,
 Где притаился за внезапным светом враг.

Подкидыш, заблудившейся в лесу
 Натянутых и вверх бегущих струн,
 Зажатый между ними на весу
 Я там один, как лист из древних рун.

Здесь воздух фиолетов и глубок,
 От ямы оркестровой в двух шагах
 Гудит орган и глобус-колобок
 Вокруг светила мчится впопыхах.

Но спрятан от меня эквилибрист,
 Светилами играющий поэт —
 И ясно мне, что я всего лишь лист,
 Вибрирующий жилками в ответ...

А память возвращается назад
 И чуть доносит мне издалека
 Волшебных звуков нищий аромат
 И флейты и трамвайного звонка.

Зодиак

Так высоко, пустынно так.
 Вокруг созвездия застыли,
 Спит одряхлевший зодиак
 Почти седой от звездной пыли.
 Как будто солнечная взвесь
 На бархате – струится мимо.
 Я о земле тоскую здесь.
 Я стосковался о любимой.
 Когда ж кометой серафим
 Тьму опалит огнем пожара,
 Земля означится под ним –
 Подобьем елочного шара!

Приснятся мне стога и лес,
 И над избой обыкновенной
 Живая синева небес,
 Невиданная во Вселенной.
 И вдруг, не открывая век,
 По первой босоногой рани
 Пока роса и ночь в траве,
 Пока петух не загорланил –
 Я объявлюсь когда-нибудь
 Из тени в плоть облекшись снова,
 Вещественный, как Млечный путь
 В глазах кузнечика ночного.

ВРЕМЕНА ГОДА

ЦИКЛ «ВОСЬМИСТИШИЯ»

Желание тишины

Вот трубка и огонь, и чистый лист,
 Всему раскрытый, как лицо ребенка.
 Зачем опять мы вместе собрались,
 О чем мы будем толковать негромко.

Какою тягой мы совмещены,
 Бессонницею, болью ли височной,
 Или простым желаньем тишины,
 Такой глубокой и такой непрочной.

Иней

Зимою так хотелось верить —
 Смешно — Троянскому коню,
 Но кто решится пульс отмерить
 Пусть даже завтрашнему дню.

Ошибся — велика ль утрата?
 Все тот же иней у окна,
 Затеяливый, витиеватый,
 Как мастер древнего письма.

Снежная равнина

Заиндевелые холсты,
 Безмолвное слепое чудо,
 Холодный слепок пустоты,
 Где ветер дует ниоткуда.

Кричи, зови – здесь все равно,
 Снегов безумье и упрямство,
 Где время – нет, где есть одно
 Все поглотившее пространство.

Снегири

Снег засыплет спозаранку
 Грешных ножек милый след,
 Передернет наизнанку
 Жизнь мою, как старый плед.

Оглянусь — у перелеска
 Врассыпную, невпопад
 Снегири на снежных лесках
 Точно бусины горят.

Упаду на землю

Упаду на землю, как этот снег,
 Ни к твоим — ни к чужим ногам.
 Где-нибудь в заповедную тишь.
 Просто так. Как ребенок. Как звук.
 Я забуду тебя к весне,
 Неподвластный твоим следам.
 Не услышь меня, не услышь! —
 Если вдруг во сне позову.

Нитки

Как много белых ниток у зимы —
 Февраль сшивает наши встречи ими,
 Присваивает взятое взаймы —
 Моя любовь растрочена двоими.

Она уже не мне принадлежит,
 Ее прообраз дремлет одиноко
 В тетради, что на полочке лежит
 Между стихами Бродского и Блока.

Ходики

Как будто тихий детский плач
Сквозь не зашторенные окна,
Живые инея волокна
Плетет невидимый мне ткач.

А в комнате такой покой,
И как свидетели немые —
Весь мир с протянутой рукой
И эти ходики ночные.

Берёзовый сок

Познать любимых невозможно,
Как выпить небо или море —
И я опять с собой в раздоре,
Вживаюсь в образ осторожно.
А надо мной лесные птицы,
По небу парусов движенье,
И сок березовый струится
Назло земному притяженью.

Март-апрель

Март стаял вчера серой льдиной,
А нынче плюс двадцать — пойми?
К причалу прибило стремниной
Откуда-то летние дни.

Такие вот странные вещи!
И на глазах у зевак
Апрель раздевает женщин
И аист готовит рюкзак.

Малыш

Играет на скрипке малыш.
Распахнуты окна на море,
На утро, на счастье и горе
Играет на скрипке малыш.

Глаза опускаешь, молчишь?
Откуда он все это знает!
Тебя для меня он играет —
На маленькой скрипке малыш.

Листва рябин

Хоть иногда в зенит взгляните
Не суетясь и не спеша —
Нездешнего покоя нити
Начнет распутывать душа,
Когда без видимых усилий
Над головой на высоте
Листва рябин плывет по сини
Совсем как ряска по воде.

В лесной глуши

Ты беги, беги веселее луч,
Утром — вниз по листве, а вечером вверх,
От двери, как год, потерялся ключ,
Хорошо в лесу — далеко от всех.

Кто росой умыт, тот молчаньем сыт,
Прост, как небо, порядок наш:
Не скули, не смей глядеть на часы
И входи без стука в шалаш.

К живописи

Странно, но самое сложное — помнить подсказку
Паузы, выдоха или грибного дождя,
Кисть, если захочет, преобразится в указку,
Точным уколом иглы оживляя тебя.

Станет сощуренный взгляд и светлей и короче,
Желтая нитка зари пропадет за ручьем,
Кисть все запомнит придирчиво... Если захочет
Славный маэстро — подсказчик за правым плечом.

Ладони судьбы

Судьба по-прежнему играет
В чумные дни, в чудные сны,
Глаза ладонью закрывает,
Подкравшись вдруг из-за спины.
Мол, угадай и будь счастливым!
Что ей отвечу, что скажу? —
Движением неторопливым
Ладони молча отвожу.

Минуты

Нас за руку ведут с рожденья,
Но разве кто-то виноват,
Что ангелов небесных пенье
Не может отыскать наш взгляд.

И мы, где Вечность ждет святая,
Как дети малые хитрим,
И по руке судьбы гадая,
Украсть минуты норовим.

О времени

Подумаешь: нет времени над нами,
Я вспомню все и через тыщу лет.
Но память обязательно обманет —
Как звук шагов, а человека нет!

Бессмыслица! Прошли шаги и скрылись,
И ночь опять в рот набрала воды.
Как будто все часы остановились,
А время и не чувствует беды

Триолет

Ты — грусть моя, осенняя пора,
Роняй же листья и тоскуй ветрами,
И не спеши зиме сказать: пора!
Ты — грусть моя, осенняя пора.
Слова – как листья, падают с пера,
Чтоб догореть закатными кострами.
Ты — грусть моя, осенняя пора,
Роняй же листья и тоскуй ветрами!

Белый стих

Все времена рассеянного года
Остановились на одном лице.
Держу себя в руках, но проку мало,
И карандаш придется отложить.

С утра дождит — как будто бы природа
Не позволяет думать о другом.
Автомобиль. На ветровом стекле считаю
Рассеянные бусинки дождя.

Не уходи

Пусть будет так, как ветер нам нашепчет,
 Не уходи, дождись, когда приеду,
 Как тот счастливец, башмачок нашедший,
 Я все равно найду тебя по следу.

Заметь, любовь тогда головоломка,
 Когда один ревет, другой смеется.
 К тому же, рвется не всегда, где тонко,
 А там, где больно. Только там и рвется.

Воспоминанья

Звук, дотянувшийся до слуха,
 И тот уж мой, от плоти плоть,
 Воспоминанья легче пуха,
 Но чем их тяжесть побороть?
 Они отчетливее снимка
 Затягивают внутрь и вкривь,
 Как древесины сердцевинка —
 Не вырубить, не погубив!

Обрывок сна

Ночь. Ночь. Какой свечой нетленной
 Из тьмы, где не видать ни зги, —
 Изгиб бедра, как арфы пленной
 Иль древней амфоры изгиб.

Зачем глаза открыть не вправе
 Тот, кто очнулся на беду,
 Подкидышем в какой державе,
 В каком немыслимом году.

Все заново

Неправдою не утешайся,
 Хотя бы горсть любви храни.
 А нет — в дорогу собирайся
 И тихо притуши огни.

Без сожаленья, без оглядки
 Начни все заново, как есть,
 Не затевая с жизнью прятки
 И не меняя честь на лесть.

Ожидание осени

Как долго осени я ждал!
 На море тешился мечтою:
 По просеке лесной шагал,
 Шурша щебенкой золотою.

А роща — чудо во плоти!
 Светилась в красочном уборе,
 И за стволами впереди
 Уже проглядывало море.

Роща

Я бы хотел сложнее быть,
 А думать проще, видеть проще,
 Как бы осенней светлой рощей
 Себя на время оцутить —
 Когда она вся на виду,
 Один конец с другого виден,
 И так чиста в своей обиде
 На равнодушную судьбу.

Сад

Весь небосвод бумагой серой
Завешен третий день подряд,
Пропахший сыростью и серой
Сад вымок с головы до пят.

И я без всякого расчета
С ним вместе горевать готов
И все надеяться на что-то
За два шага до холодов.

Шаман

Мудрец за сотни лет до нас
Постиг причудливость творенья:
Всё, что охватывает глаз —
Подобия и повторенья.

И «черный», может быть, «квадрат»
Атланты чтили, как светило.
Но мне шепнул шаман-бурят,
Что это — не впервые было.

Четвёртый

Черт тебе сват и брат!
Враль, сочинитель загадок,
Нищей землей богат,
Рабской гордыней сладок.
Мучивший наугад
Жизнь на разрыв аорты —
Черт тебе сват и брат,
Тот, последний, четвертый!

Голгофа

Голгофы воплощенный страх —
Клеймо и вечная улика:
Весь падший мир на трех крестах
Распят — от мала до велика.

Голгофа — мать, через века
Ты также властвуешь над нами
Тремя крестами в облаках,
Тремя распятыми телами.

Царь колокол

Дыра зияет в медном теле,
Как память царственных времён.
Но Царь ли он на самом деле
Иль самозванец-пустозвон?
Ведь упокоилась недаром
Его отверженная плоть.
Когда убил его пожаром
На Русь разгневанный Господь.

Спроси у ветра

У ветра нищего спроси,
У ивы, стынувшей над прудом,
Откуда плачи на Руси,
Гаданья вещие откуда.

Они — народа ипостась,
В котором воедино слилось
И зла живительная страсть,
И Господа святая милость.

Блудный сын

Теперь ты можешь отдохнуть от бега,
 И спрятаться в траву и лопухи,
 Оцепенеть и переждать до снега
 Пока придут последние стихи.

Из книги жизни выпадет страница,
 Где Млечный Стикс без брода и конца,
 И радуга мостом оборотится
 И каждый блудный сын найдет отца.

«О, РУСЬ МОЯ!»:

вольмой альманах произведений участников Литературного объединения Центрального дома ученых Российской академии наук.

Этот сборник размещен на сайте «ЛИТО НА ПРЕЧИСТЕНКЕ»
 по адресу <http://lito-cdu.ru>

***На этом сайте можно посмотреть все предыдущие сборники,
 ежемесячные концерты участников ЛИТО,
 а также страницы авторов.***

«О, РУСЬ МОЯ!»

Альманах произведений участников Литературного объединения
Центрального дома ученых Российской Академии наук
под редакцией канд. филол. наук Л.И. Колодяжной

Редактор — *Евгений Степанов*
Компьютерная верстка, макет — *Ирина Ракитина*
Корректура авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж ### экз.
Сдано в набор 24.07.2017
Подписано в печать ###.##.2017

ISBN 978-5-91865-465-1

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.